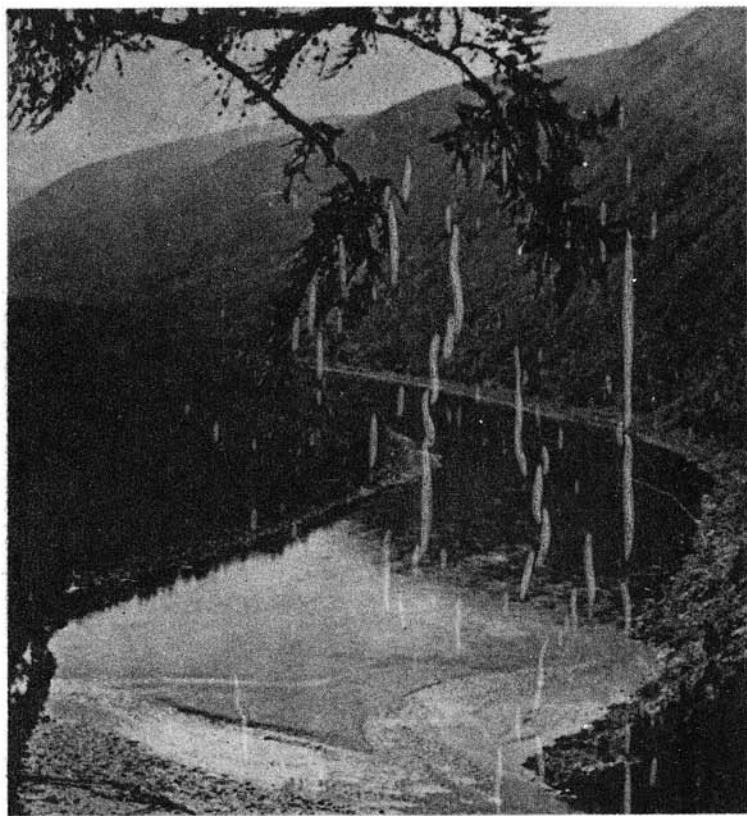

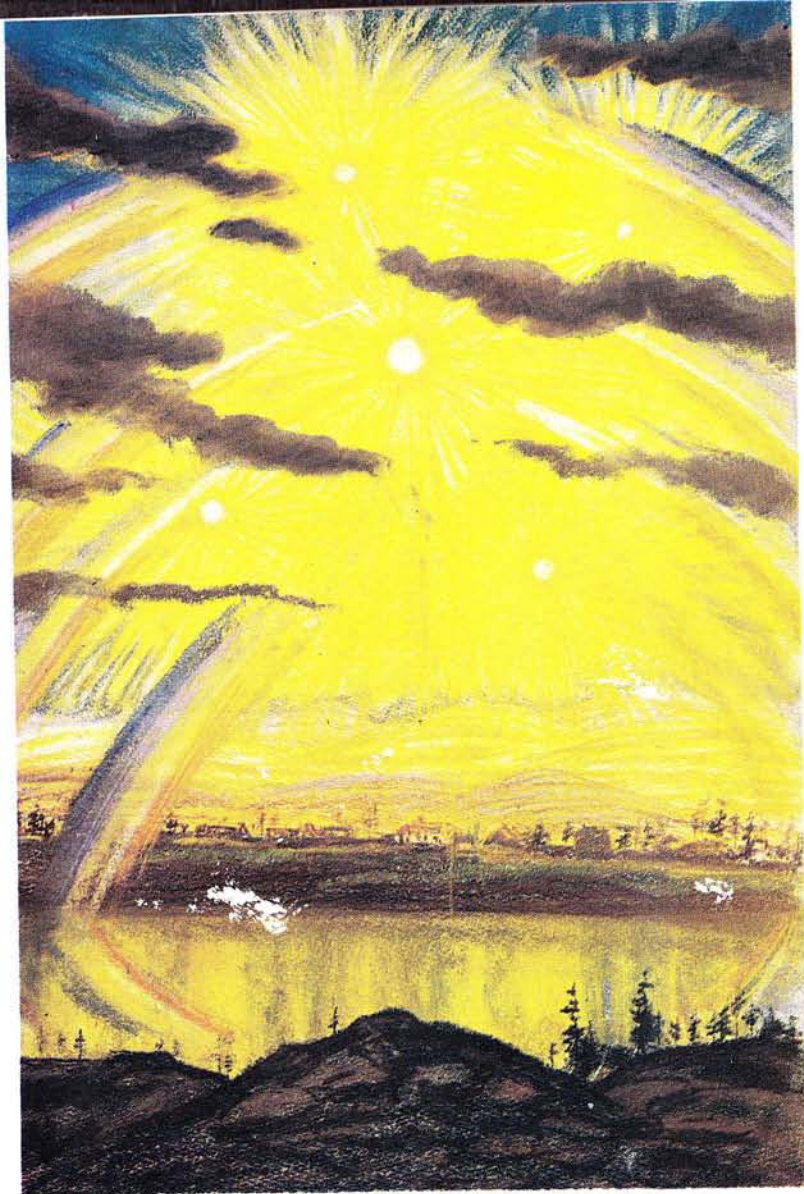
Александр Иванченко

**ЗЕМЛЯ
ПЯТИ СОЛНЦ**

Александр Иванченко

**ЗЕМЛЯ
ПЯТИ СОЛНЦ**

Александр Иванченко

ЗЕМЛЯ ПЯТИ СОЛНЦ

МОСКВА
• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •
1985

Рецензент К. Б. Николаев

Иллюстрации В. П. Харченко

Оформление В. П. Логинова

ОТ АВТОРА

С утра монотонно хлопавший в лужах дождь неожиданно утих. Рыхлые тучи медленно, словно нехотя, расползлись, и вот из посветлевшего между ними пространства вдруг вынырнуло огромное, накаленное добела солнце. Будто его кинуло сверху вниз и оно, едва пробив засиневшую макушку небесного купола, сразу застыло. Потом вокруг него, образовав четкий квадрат, сначала блекло, затем все ярче начали разгораться еще четыре таких же светила. Струившиеся на землю лучи всех пяти солнц вырисовывались в воздухе четко, словно это были не лучи, а розовые нити, миллиарды тончайших строп гигантского парашюта.

Просинь неба ширилась, воздух голубел и в необычайном солнечном ливне становился как бы шипучим. В прозрачной голубизне все предметы увеличались, точно весь окружающий мир виделся сейчас сквозь лупу.

Вдруг по небосводу размахисто прокатились и, охватив полнеба, величаво расцвели пять радуг. Сопки заполыхали всеми существующими на свете красками. Истинно фантазмагория, феерическое, буйно ликующее пиршество цвета!

Я знал, что это игра так называемой рефракции, нечто родственное по своей природе миражам, и все же перед видением нереальных, но физически явственных пяти солнц, породивших пять феерических радуг, невольный суеверный трепет долго не покидал меня. И в то же время обжигала радость: «Вот ты еще какая, моя Колыма!»

Давно породнившись с этим краем, я думал, что знаю о нем теперь если не все, то по крайней мере столько, что поразить меня чем-нибудь здесь уже невозможно. Еще в пятидесятых годах я работал в колымской тайге геологом, исходил по ней если не многие тысячи, то многие сотни километров. Потом, став писате-

И $\frac{4702010200-004}{M-105(03)85}$ 139—85

© Издательство «Советская Россия», 1985 г.

лем, часто бывал в Магадане и поселках, построенных в советское время вдоль великой Колымской автотрассы, проложенной по таежным дебрям также в годы советских пятилеток.

Работа геологов, горная промышленность, промышленное и гражданское строительство, сельское хозяйство, наука и культура — все это на Колыме, можно сказать, развивалось, а многое и рождалось, на моих глазах. Я был свидетелем коренной перестройки всей золотодобычи, когда на смену примитивным промысловым приборам приходила мощная землеройная техника и промысловые установки, способные перерабатывать тысячи кубометров золотоносных песков в день. При мне широко начинала внедряться на приисках современная гидравлика, создавались мощнейшие по производительности дражные комплексы, пришли первые шагающие экскаваторы. При мне велись изыскания створа уникальной Колымской ГЭС¹, чья энергия уже питает многие колымские предприятия, расчищалась площадка для теперь уже действующего Магаданского аэропорта, рассчитанного на прием современных авиалайнеров. Я видел проекты и котлованы под многоэтажные здания самого красивого сейчас в Магадане проспекта имени Карла Маркса. При мне строился первый на Северо-Востоке страны телецентр, создавались Зональный научно-исследовательский институт сельского хозяйства Северо-Востока, Магаданский НИИ биологических проблем Севера и филиал Хабаровского политехнического института, значительно расширял масштабы своей деятельности Комплексный НИИ Северо-Востока. Видел я и многое, многое другое.

Кажется, все знакомо до мелочей, а природа уж во всяком случае, и вдруг это ликующее диво — пять солнц, пять феерических радуг! Игра северных сияний — да, они неповторимы всегда, но пять солнц!.. Не мог даже вообразить.

Однако куда более интересно, когда, хорошо зная историю развития края, всякий раз, ступив на его землю, открываешь для себя

¹ Уникальность ее сооружения заключается в том, что все машинные залы находятся под землей, в громадной скале.

что-то новое. Новые многоэтажные кварталы Магадана, поселки, выросшие, словно по щучьему велению, новые предприятия. Смотришь и не узнаешь так знакомые места...

В 1916 году американский скупщик пушнины из Сан-Франциско писал: «Я живу в каменном веке. Эта страна похожа больше на бред полубезумного фантаста, чем на реальный кусок нашей старушки планеты. Черный голый камень на сотни миль устилает склоны хребтов, варварские названия которых я не в состоянии запомнить.

На такие же сотни миль идет равнина, усыпанная кочками, как злокачественными прыщами кожа больного. Травы имеют единственный цвет — грязно-бурый, единственный запах — запах болота и гнили.

Ужасен вид местных аборигенов. Задавленные природой, они не умеют ни смеяться, ни даже хорошенько обмануть. Я уверен, что бог, создав эту землю в припадке мрачной ипохондрии, забыл о ней и сам дьявол стал ее хозяином. Чем же иначе, как не дьявольской шуткой, можно объяснить, что именно в этих ужасных краях мы достаем белоснежные шкурки, украшающие плечи наших дам, и что именно здесь, может быть, прячется золотой телец, голова которого у нас на Юконе».

Это — о нашем Северо-Востоке.

С тех пор прошло не так уж много времени. Но как же все изменилось! Северо-Восток — Колыма и Чукотка — стал мощным индустриально-аграрным краем, где, несмотря на суровый климат, для жизни и труда людей созданы условия, мало чем отличные от центральных районов страны. Благоустроенные дома и высоко-механизированное производство, широкая сеть культурных учреждений, дворцы спорта и стадионы, служба быта, отлично налаженное медицинское обслуживание, удобные транспортные связи. Нет особых проблем и со снабжением населения промышленными товарами и продовольствием. Словом, сегодняшний северянин живет нормальной современной жизнью, хотя Север, конечно, остается Севером. Здесь мало тепла, долгая зима и слишком корот-

кое лето без цветущей весны и золотой осени, нет пляжей, не плодоносят сады...

— У нас, чтоб не зачахнуть, нужно иметь крепкую физическую закалку. Но жить интересно. Как говорится, на полную катушку жизнь,— улыбаясь, сказал мне Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета РСФСР, бригадир с прииска «Буркандья» Артур Алексеевич Грозин.

Сам он на Колыме уже двадцать лет и покидать ее не собирается. Укоренился. И таких укоренившихся колымчан много, десятки тысяч.

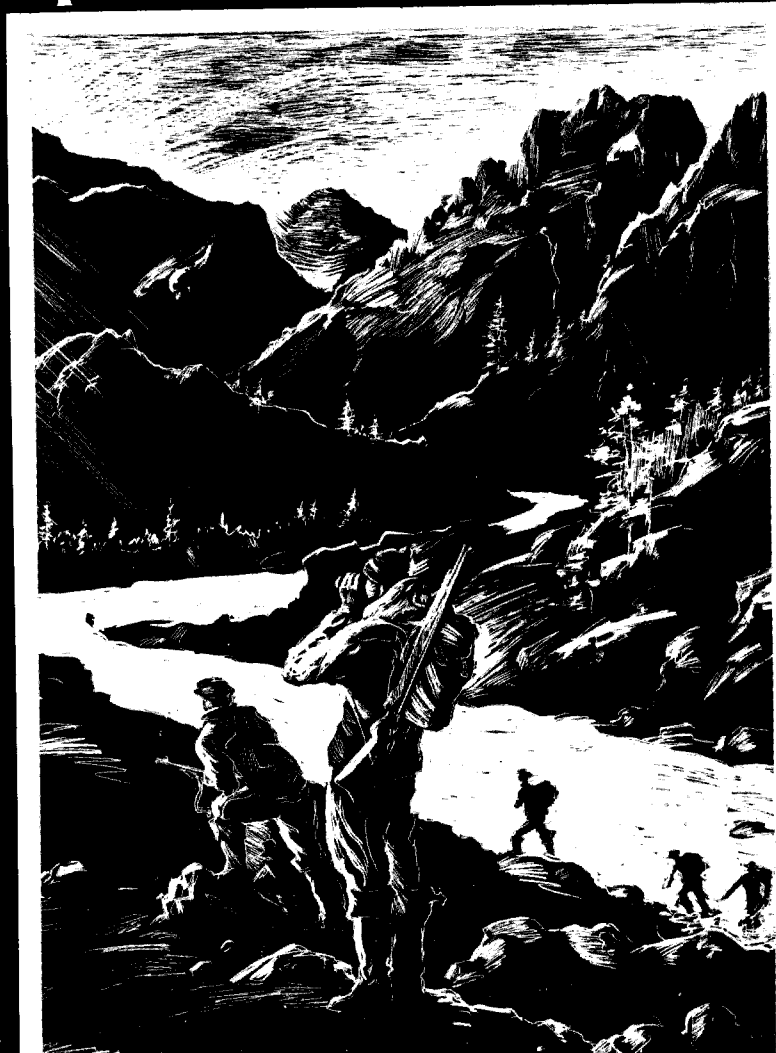
Люди приезжают, как правило, на трехлетний договорный срок, но, малость обжившись, так тут и остаются.

Испытав себя Севером, с ним нелегко расстаться. Очевидно, потому, что человек находит здесь полную нагрузку своим силам, не томится вялостью серых будней. Материальная сторона, естественно, тоже свою роль играет, но это не главное. Денег, если ты настоящий труженик, у нас в стране можно везде заработать. Однако не везде ты чувствуешь себя таким необходимым, как тут, на Севере. Отсюда и удовлетворение, гордость сопричастностью к великому делу.

В равной степени это относится и к Колыме и к Чукотке. Там, на Чукотке, в последние два десятилетия тоже создана крупная горнодобывающая промышленность. Построена Билибинская атомная электростанция, золотые прииски, рудники, выросли замечательные кадры рабочих, инженеров. Весь Северо-Восток знает бригадира с прииска имени Билибина Героя Социалистического Труда Владимира Васильевича Затуливетрова, драгера горно-обогачительного комбината в поселке Комсомольский Героя Социалистического Труда Михаила Антоновича Лисецкого и многих других горняков Чукотки, чья золотодобывающая промышленность входит в единый промышленный узел Магаданской области.

Но, чтобы рассказать о всей области и ее лучших людях, нужна не одна книга. Поэтому в нашем рассказе мы ограничимся пока только Колымой.

Аргonautы из Геолкома

Звезда грядущего нас манит,
Зовет в таежные миры,
Где холодными валами катят
Златые воды Колымы.
Экспромт Ю. А. Билибина

Их было двадцать два: организатор и начальник экспедиции Юрий Александрович Билибин, его заместитель Валентин Александрович Цареградский, два начальника полевых поисково-разведочных партий Сергей Дмитриевич Раковский и Эрнст Петрович Бертин, геодезист-астроном Дмитрий Николаевич Казанли, завхоз и он же бухгалтер Николай Родионович Корнеев и шестнадцать рабочих.

И по внешнему виду и по своему профессиональному составу экспедиция, надо сказать, довольно пестрая, а если учесть, что на поиски колымского золота и для картографирования она была послана Геолкомом — Геологическим комитетом ВСНХ, представлявшим собою больше научное, чем административное учреждение, то и несколько странная. Странная в том смысле, что многие в этой экспедиции, включая и некоторых ее руководителей, не только к науке, но и к серьезной геологии до сих пор никакого отношения не имели. Так, начальник одной из двух полевых партий — Эрнст Петрович Бертин — с золотоискательством связан был лишь тем, что приходился родным братом (младшим) известному в те годы открывателю алданских золотых россыпей Вольдемару Бертину. Но сам Эрнст Петрович золотом никогда не интересовался, а с картографированием вообще не сталкивался никак.

Однако на Алдане Вольдемар познакомил его с Билибиным, который как раз подбирал среди старателей людей для своей будущей экспедиции на Колыму. Как они нашли общий язык, кто их ведает, но тот, Билибин то есть, не определяя пока должности, предложил ему идти с ним, и Эрнст, к великому изумлению Вольдемара, охотно согласился.

— А-а ч-что, и п-пойду! — сказал он брату с явным вызовом. Так и оказался в экспедиции Билибина.

Начальник другой поисковой партии — похожий на Буратино Сергей Дмитриевич Раковский — законченного геологического образования тоже не имел. Он, правда, учился на горном факультете Иркутского политехнического института, но проучился всего два года, и, надо полагать, не блестяще, так как четвертую экзаме-

национную сессию на стипендию не вытянул. Поэтому и подался в тайгу к старателям.

Странная экспедиция. Заместитель начальника, Валентин Александрович Цареградский, — палеонтолог, то есть специалист по ископаемым животным и растениям, Корнеев, ведавший всем имуществом и снаряжением экспедиции, только что закончил Академию художеств... Дипломированных специалистов нужного профиля всего двое: геодезист-астроном Казанли и сам Билибин, в двадцать шесть лет прославивший себя тем, что, едва явившись на Алдан, где многоопытные золотишники толклись уже четыре года, сразу же открыл богатейшие жилы рудного золота, которые были первым открытием в его жизни, но которые он тем не менее назвал Лебедиными: то ли из присущего геологам суеверного самообмана, мол, все, другой такой удачи не будет, то ли в знак того, что на том свою миссию на Алдане считал законченной.

Интересной фигурой был Юрий Александрович Билибин.

Занимаясь в институте, причем занимаясь на «отлично», он тем не удовлетворяется. Что такое диплом с отличием? Только возможность получить лучшее направление или остаться в аспирантуре. Нет, этого ему мало. Он должен выйти из института не просто отличным специалистом, но уже личностью. А личностями становятся только те, у кого есть свои идеи, теории, взгляды.

Страна разрушена, нища, голодна. Значит, сегодня ей в первую очередь нужно золото, много золота. Вот золотом он и займется. Но почему его нужно искать с лотком и кайлом, как сотни лет назад, искать на авось? В мироздании все подчинено определенным законам, все имеет свою законченную схему. Стало быть, полезные ископаемые тоже не могут залегать в земной коре хаотично, то там, то здесь, где придется. Тут есть, должна быть какая-то закономерность. Какая — еще требуется установить, но ясно, что интересующие тебя минералы нужно искать сначала не в поле, а в своем рабочем кабинете, за столом, над геологическими картами.

Идея сумасшедшего? Как сказать, как сказать... Разве большинство астрономов ищут звезды на авось? Они сначала высчи-

тают, где должна быть звезда, потом ищут ее телескопом. Звезды — не минералы? Да, но Вселенная едина.

Сейчас геологическим прогнозом никого не удивишь. Он давно стал обыденной практикой, и без него ни один уважающий себя геолог в поле уже не пойдет. Но тогда, в двадцатые годы, это казалось фантастикой, а в устах какого-то студента звучало просто неучью. Не представляли себе геологи, что можно, сидя во Львове, открыть алмазы в Якутии. Но произошло ведь потом как раз так.

И первым идею геологического прогноза выдвинул Билибин, будучи еще всего лишь студентом третьего курса. Почему он, едва явившись на Алдан, сразу же открыл там золотые жилы, которые, с общепринятой тогда точки зрения, практически не искал? Потому что он нашел их еще в Ленинграде, изучая геологическую карту Алданского рудного района. Раз есть золотые россыпи, следовательно, где-то, на какой-то возвышенности, рядом должно быть и коренное золото, которое тысячелетиями смывалось вниз, в долины рек и речушек. Поэтому-то, оглядевшись на местности, он подошел к одному из горных массивов и, ткнув пальцем, сказал: — Здесь бейте шурфы, там — рудное золото!

Эффект потом был, разумеется, потрясающий. Но никакого колдовства тут не было. Золото открыла логически выверенная мысль.

Еще в институте Билибин заинтересовался геологическими картами тихоокеанских побережий.

Восточный берег Австралии — золото, восточная Новая Гвинея — золото, Япония — золото, наш Дальний Восток — золото, Чили, Перу, Калифорния — золото, северная Канада — золото, Аляска — золото. Следовательно, оно должно быть и на Чукотке, причем гораздо больше, чем на Дальнем Востоке, так как по мере продвижения с юга на север содержание металла в песках на обоих берегах Тихого океана все время увеличивается.

Тогда еще не было теории о разломах единой земной коры на отдельные материки, но, глядя на очертания западных побережий Америки и восточных — Азии, которые можно состыковать, как

две половинки сломанной расчески, физический разрыв между ними Билибин угадал уже в то время. Когда-то, миллиарды лет назад, западную Америку и Восточную Азию соединяла подобная Андам гигантская горная цепь, насыщенная рудным золотом, которое с водными потоками постепенно стекало к подножию гор. Так образовался великий тихоокеанский золотой эллипс, на северной вершине которого — голова золотого тельца.

На четвертом курсе института, готовясь к предстоящей работе на Чукотке, Юрий Александрович создает из числа студентов-единомышленников Сибсек — Сибирскую секцию — костяк будущей Чукотской геологической экспедиции. Что его туда после института пошлют, он не сомневался ни на секунду. Не в Крым же просится, не на Кавказ, — на Чукотку!

Однако, когда пришло время распределения, седовласые ученые мужи, выслушав планы и предложения Билибина, горестно завздохали.

— Какое золото в тундре? Опомнитесь, молодой человек, ведь у вас диплом с отличием, стыдно этак-то.

— Но разве Аляска — не тундра?

— При чем здесь Аляска? Да и горы там, большие горы.

— На Чукотке тоже есть горы.

— Какие, помилуйте, горы? Тундра на Чукотке, тундра, молодой человек.

— Выходит, золото — картошка и потому в тундре расти не может?

— Ну, знаете!

Его положительно принимали за ненормального. Но учился все-таки хорошо, да и с виду не так чтобы... Решили послать на Алдан. Золотые россыпи там уже открыты, пусть подсчитывает их запасы.

Он вспылит:

— Нечего на Алдане мне делать. Там осталось открыть одну гору с рудными жилами, так я и сейчас примерно скажу, где она. Это было уже слишком. Похоже, действительно того... Сидя

в Ленинграде, открыл золотую гору на Алдане! И во сне такое не примерещится... Может, переаттестацию?

Патриарх российской геологии Владимир Афанасьевич Обручев пожалел:

— Не надо переаттестации, диплом свой он честно заработал. Молодой еще, горячий, с кем не бывало.

— Что ж, если так, конечно... Но только Алдан, теперь уж непременно на Алдан, чтоб о свою золотую гору лоб расшиб. Тогда образумится.

Пришлось ехать.

Через два месяца прислал в Ленинград телеграмму: «Гора найдена, камень пересортный».

Ученые мужи пожимали плечами, хмыкали: везет же ненормальным! Но за открытую золотую гору все же поощрили, порекомендовали Главзолоту назначить неумного прожектера главным геологом вновь образованного треста Алданзолото. Чтоб утихомирился. Начальственное кресло, оно дисциплинирует.

В первый же год между делом написал научный труд о методике поисковых работ на россыпные и коренные месторождения золота. Суммировал свои студенческие идеи, подкрепив их фактами из алданской практики. Труд отличный, с новой, теперь уже подтвержденной, теорией и новыми взглядами на геологию вообще. Все проверено, все точно, он это прекрасно сознавал, потому и отсылал в Ленинград с некоторым злорадством. Пусть почитают, пусть почешутся.

Но из Ленинграда вот уже полгода ни слуху ни духу. Ясно, сунули под сукно. Кто он для них? Желторотый птенец, даже не кандидат. Какой еще тут научный труд?

На Алдане приисковая машина запущена, все отлажено, подсчитано. Теперь ежедневные заботы только о плане добычи. План, план и еще раз план! Никаких поисков, никакого творчества, — тяготящая производственная рутина. Ради нее ли он соколом парил над Великим Тихим?.. Истомился вконец. Не выдержал, пришел к Бертину.

— Не могу я больше здесь, Вольдемар Петрович, душа мхом обрастать стала.

Вольдемар — не бегемот толстокожий, понимает. Сам бы все бросил к чертовой матери да, как прежде бывало, — в тайгу, в дебри, на поиск! Ну, политкомиссару приисков, и не заикайся, иначе — партбилет на стол. Нет, ему нельзя. Ему — план! А Билибин что, Билибин поисковик милостью божьей, не ему сапогами эту квашню месить да за план глотку драть. Тысячу таких планов он обеспечить способен.

Поскреб мизинцем голый череп, сощурился.

— Ты про Бориску колымского что-нибудь слышал?

Билибин отрицательно мотнул головой.

— Тогда послушай, расскажу тебе кое-что любопытное...

Его все звали Бориской, хотя настоящее имя у него было Бары Шафигуллин. Татарин. Родился где-то под Казанью. В Охотск в 1914 году его занесла судьба бездомного бродяги. Дезертировал из армии и, скрываясь от властей, искал счастья на золотых приисках.

Счастье не баловало. Жил больше случайными заработками у богатых людей, чем золотом. Промытарствовав год в Охотске, подался в Ямск. Не подфартило и здесь. Золота возле Ямска не нашли.

Дружки — Сафейка Гайфуллин (земляк Бориски) и Михаил Канов, по прозвищу Свищ, — подговаривали идти в Америку, на Аляску. Знающие приискатели рассказывали, что золото на Юконе лотком гребут.

Бориска загорелся. Он был отчаянный человек и за золотом мог махнуть куда угодно. Но тут по Ямску пошли слухи, будто богатейшие золотые жилы есть где-то на Колыме. Золота там якобы так много, что тунгусы¹ отливают из него пули. Благовещенский купец Шустов посылал туда своего уполномоченного Юрия Яновича Норштерна-Розенфельда. Он должен был найти удобные пути

¹ Так называли в те годы эвенов.

сообщения между побережьем Охотского моря и Колымой и, если золото на Колыме действительно есть, разведать места для будущих шустовских приисков. Прослышав о невиданных жилах, к нему набивались в попутчики многие, но свой выбор он остановил на Бориске и его дружках. Они были опытными приискателями и все трое прятались от полиции — Розенфельд мог крепко держать их в руках. Бориске, в свою очередь, тоже было выгодно связаться с купеческим уполномоченным. Розенфельд имел деньги и всю экспедицию снаряжал за свой счет, вернее, за счет Шустова.

Из Ямска выехали верхом на лошадях. Ехали, расспрашивая дорогу у тунгусов. Добрались до речки Хупкачан. Бориска остался здесь стеречь лошадей, а Розенфельд с Кановым и Сафейкой спустились на самодельных батиках до устья притока Колымы Декдекана. По слухам, золотые жилы были там. Однако ничего похожего на Декдекане найти не удалось. А между тем благоприятное для дальнейших поисков время было потеряно. Наступила зима. Хлебнуть колымских морозов Розенфельду не хотелось, и он заторопился назад в Ямск. С ним пошел один Сафейка. Бориска и Канов уходившие из колымской тайги отказались. Ожидая на Хупкачане Розенфельда и своих дружков, Бориска нашел в речных наносах несколько золотинок и заявил, что не уйдет оттуда, пока не найдет саму россыпь. Канова тоже поманило Борискино золото.

Прошла зима, пролетело лето, а россыпи не было. Не было и продуктов. Питались дохлой кониной — на Хупкачане пала одна лошадь Розенфельда. Когда конина подходила к концу, Бориска послал Канова в Ямск за провизией, а сам пошел на речку Среднекан. На следующее лето местные якуты нашли его мертвым. Зажав в застывших руках до черенка сработанное кайло, он лежал на краю шурфа, на дне которого было богатое «гнездо» золота. Немного в стороне стояла палатка, почему-то опутанная нитками. В палатке — угли давно потухшего костра и две пустые жестяные банки, почти съеденные ржавчиной.

Смерть Бориски его дружки считали загадочной. Говорили, он был очень сильным и вроде бы имел достаточно продуктов, так что

умереть с голоду не мог. Предполагали, что его убили с целью ограбления. Но, скорее всего, он умер все же от голода. Продуктов у него быть не могло. Канова в Ямске поймала полиция, и к нему он не вернулся. Оружия же для охоты Бориска не имел. Потому и пришла голодная смерть, пришла, когда цель была уже достигнута.

— Так вот, — закончив рассказ о Бориске, продолжал Вольдемар Петрович, — когда в начале восемнадцатого года я был в Охотске, Розенфельд тоже был там, вернулся как раз с Колымы. Ходил по следам Бориска и всех уверял, что нашел какие-то Гореловские жилы, но где именно, конечно, не уточнял. Потом он подался во Владивосток, хотел заинтересовать своими жилами Дальневосточную республику, но у него ничего не вышло. Тогда он двинул в Петроград, года три обивал пороги Геолкома, чтобы организовать экспедицию через него. Но в Геолкоме всерьез его никто не принимал, считали авантюристом. Внешность у него была такая, сильно на шулера смахивал. Но его карта и пояснительная записка к ней в Геолкоме остались. Мне достали копию того и другого, сейчас я тебя познакомлю. — Покопавшись в толстой коленкоровой папке, Бертин извлек из нее несколько пожелтевших листков. — Ну, по карте ничего не поймешь, крестиков много, а привязки никакой, даже север и юг не проставлены, с секретом карта. А в записке он пишет вот что, слушай: «Хотя золота с удовлетворительным промышленным содержанием пока не найдено, но все данные говорят, что в недрах этой системы сохоронено весьма внушительное количество этого драгоценного металла...» И дальше, в самом конце, вот: «Нет красноречиво убедительных цифр и конкретных указаний на выгоды помещения капитала в предлагаемое предприятие, но ведь фактическим цифровым материалом я и сам не располагаю; пустословие же и фанфаронада — не мое ремесло. Могу сказать лишь одно — средства, отпускаемые на экспедицию, окупили бы себя впоследствии на севере сторицею». Понял?

Побарабанив пальцами по столу, Билибин ответил без энтузиазма:

— Чукотская золотоносная провинция, в существовании которой я не сомневаюсь, одной Чукоткой не ограничивается, вполне логично, что золото, хотя и с меньшим содержанием, должно быть и на Колыме, Розенфельд здесь совершенно прав, но что из того? Для организации экспедиции нужны веские аргументы, я их пока не вижу.

— На Колыме уже сейчас пахнет золотой лихорадкой. Что это значит? Хищники туда ринулись, вот что, а ты будешь представлять государство. Разница как-никак.

— Геолком денег на экспедицию все равно не даст.

— Это точно, твоих старцев я знаю. Но если заручиться поддержкой Далькрайкома и ВСНХ, деньги можно занять у Главзолота. Тебе-то нужна только марка Геолкома, так ведь? Вот Главзолото и даст кредит. Ясно? — И так, словно все уже было решено, добавил: — Еще мой тебе совет: если на Колыме хочешь действовать по своей методе и не трепать нервы себе и людям, геологов, кроме самого себя, в экспедицию больше не бери. Тебе нужен грамотный заместитель, такой, чтоб не совал свой нос в твою теорию, толковый геодезист-астроном для определения координат и пяток фартовых старателей. Остальных я бы на твоём месте взял из дошлых таежников и дисциплинированных вчерашних солдат, чтобы в случае чего воду не мутили. И можешь быть уверен, успех предприятию обеспечен.

Билибин улыбнулся.

— Дайте мне глину, а фигуру я сам слеплю.

— Вот-вот, ты понял меня правильно. Многоголосица в таком деле ни к чему, голова должна быть одна.

Как мы уже знаем, подбирая людей на Колыму, Билибин так и поступил. Поэтому-то его экспедиция по своему профессиональному составу была далеко не странной.

4 июля 1928 года японский пароходик «Дайбоши-мару», развозивший по бухтам Охотского моря рыбаков, высадил их

в устье никому из них не ведомой реки. Было время белых летних ночей, когда солнце ненадолго скрывается за горизонтом лишь в полночь. Сейчас оно казалось застывшим на самой черте горизонта, и лучи его, скользившие по колышущейся водной поверхности, окрашивали море в пурпур. Но берега они почти не достигали, и разбросанные по нему там и сям убогие лачужки серо горбатились, как в тумане.

Это и был поселок Ола, главный административный центр Охотско-Колымского края, о котором в 1895 году некий штабс-капитан Михельсон писал:

«Селение Ола (Ольское) лежит на левом берегу реки Ола, в полуверсте от нее и в одной версте от берега моря. Местность, на которой расположено селение, низменная, со многими лагунами, сосяхающими в малую воду; почва глинистая, с чахлою травою; с севера и запада — лес. Пресную воду жители берут из единственного колодца близ селения: во-первых, за дальностью селения от реки, а во-вторых, за невозможностью пить воду из устья, солоноватую по причине больших приливов.

В селении достраивается новая деревянная церковь близ старой, также деревянной, часовни. Оно состоит из шестнадцати разбросанных в беспорядке домов (зимников по-местному) и 17 летников, т. е. временных построек обедневших кочующих тунгусов, разбросанных по правому берегу реки и на внутренней стороне кошки Уера. Определенного места для кладбища здесь нет, так как могилы разбросаны близ церкви и часовни группами. Много также отдельных могил. К чести тунгусов, могилы обнесены высокими частыми изгородями, на каждой могиле стоит крест — видимо, за ними ухаживают.

Разбросанность тунгусских построек здесь объясняют отсутствием езды на колесах (лошади ходят только под верх и вьюк) и еще тем, что постройки тунгусами возводятся лишь на местах, куда можно подвезти бревна на собаках.

Избы строят из лиственницы без каменного фундамента; диаметр круглых бревен от 4 до 6 вершков и около двух сажень длины.

Стоимость такого бревна не превышает 50 копеек. Углы изб взяты не в замок (за исключением ольской церкви и еще одного здания), отчего все избы поведены. Конопатят избы мохом. Полы толстые, грубо тесанные топором, плахи прямо наложены на балки, так как не только гвозди, но и железо здесь редкость. Двери на деревянных петлях, с деревянными засовами и ручками. Сторона, обращенная к сням, обита коровьими или оленьими шкурами мехом наружу. Окна, исключительно из нерпичьих пузырей или кусочков стекла, не открываются и форточек не имеют. Крыши — из лиственничной коры — при дожде дают течь, но огнеупорны, так как о пожарах здесь почти не знают, несмотря на примитивное устройство каминов из глины и на то, что искры фонтанами сыплются из деревянных, несколько наклонных труб, только изнутри обмазанных глиною. В селении только одна-единственная русская печь для выпечки хлеба — и то у представителя «Приамурского товарищества».

Самую выгодную для себя торговлю русские купцы в минувшем веке вели на Северо-Востоке в двух городах на реке Колыме: Среднеколымске и Нижнеколымске, куда таежная тропа, проторенная еще в XVII веке, вела через Якутск, Верхоянск, Зашиверск и Алазейск. Это был путь длиною в две с половиной тысячи верст. Чтобы обернуться в оба конца, купцу требовалось никак не менее полутора лет. Но вот в 1893 году охотский казак Петр Калинин впервые прошел в Среднеколымск из Олы, и оказалось, что его дорога короче в несколько раз. К тому же морем доставлять товары в Олу гораздо удобнее, чем в Якутск — сухопутьем и рекой Леной.

И стала Ола купеческим центром. Кроме Петра Калинкина, пожившего в Охотско-Колымском крае начало развозному торгу и подрядившего для этого местных якутов с их выносливыми вьючными лошадами, здесь обосновались купцы Соловей, Соловьев, Бушуевы, Якушковы, открылась американская торговая контора фирмы «Свенсон и К^о». Не однажды пользовались тропкою

Калинкина и торговые агенты благовещенского купца Шустова, в том числе и тот самый Розенфельд.

Приток в Олу новых капиталов повлек за собою и новое строительство. Николай Якушков — самый удачливый из ольских купцов — срубил себе по местным масштабам целую хоромину — дом-пятистенку. Одновременно были воздвигнуты двуглавая деревянная церковь Богоявленская и так называемый казенный дом общественного присутствия. Но в общем, несмотря на бойкую торговую жизнь, внешний вид поселка вплоть до 1928 года, когда здесь высадились билибинцы, оставался почти таким же, каким описал его в 1895 году штабс-капитан Михельсон, с той только разницей, что домов в Оле теперь было не 16, а уже 27, включая сюда и недавно открытую начальную школу, в которой камчадал Игнатий Афанасьевич Варрен — один из двух учителей во всем Охотско-Колымском крае — учил грамоте около двадцати ребятишек — в основном детей туземцев и русских камчадалов.

По сравнению с четырьмя другими более или менее крупными поселками Охотского побережья — Гижигой, Наяханом, Ямском и Тауйском — Ола, хотя и стала уездным центром, ничем особенно не выделялась. Это было такое же унылое захолустье: 211 человек населения, 126 голов крупного рогатого скота, 42 лошади и около семисот ездовых собак.

И все же, когда на этот берег прибыла экспедиция Ю. А. Билибина, от прочих охотско-колымских поселков Ола в одном отношении отличалась.

С тех пор как у реки Среднекан на богатом «гнезде» самородного золота был найден закопавшийся труп Бары Шафигуллины, над Олой витал дух желтого дьявола.

Золото, золото, золото! О нем шептались по всем углам, о нем вождельно мечтали, за него готовы были положить головы. Снова, освободившись от поверженной теперь царской полиции, появился в Оле бывший дружок Бориски Михаил Канов, откуда-то опять

вынырнул пропавший было без вести Сафейка Гайфуллин, через всю Россию на блеск Борискиного золота, обросшего к тому времени невероятными легендами, примчался здоровенный рязанский мужик Филипп Поликарпов и с ним какой-то Иван Бовыкин. Из Владивостока и Хабаровска, Благовещенска и Николаевска-на-Амуре в Олу рвался самый отпетый люд. Все выдавали себя за мирных старателей, но среди них, как кипень всякой золотой лихоманки, — жулье, аферисты, авантюристы...

Уже одиннадцать лет Великому Октябрю и шесть лет Союзу Советских Социалистических Республик. Через год Страна Советов приступит к выполнению первого пятилетнего плана, главной задачей которого станет построение фундамента социалистической экономики. Будут строиться ДнепрогЭС и Магнитка, Беломорско-Балтийский канал и Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат, Московский метрополитен, развернутся десятки не менее важных для молодого государства строек, наступит время всеобщего трудового энтузиазма, невиданной в истории человечества массовой битвы за хлеб, металл, энергию, машины...

А здесь, на самой дальней окраине страны, не все еще толком знают даже, что такое Советская власть. В 1917 году, когда свалили Николашку и разогнали Временное правительство, Советами объявили себя урядник Иннокентий Тюшев и купцы Соловей с Соловьевым. Через три года, однако, им дали по шапке. Образовался ревком под председательством стороннего мужика Ильи Бабцева и Агапита Кочерова, ольского эвена, которому и двадцати лет не исполнилось. Еще с ними для разъяснения новых законов учитель Варрен, принесший из Тауйска важную бумагу. Декретом она называлась. Там говорилось, что купцы — паразиты на теле трудового народа и все их имущество надо реквизировать, то есть забрать и обобществить. У Соловья с Соловьевым и Якушкова товары реквизировали. Лавку купчихи Анны Бушуевой, которая с пудом золота сбежала в Японию, тоже забрали. А американец Олаф Свенсон сказал, что он иностранец и русские декреты его не касаются. Поэтому Олафа не тронули.

Стало в Оле всего две лавки, одна американская и другая кооперативная, принадлежащая трудовому народу, бывшими купеческими товарами в которой поручили торговать Антипке Бушуеву. Он хоть и приходился родичем Анне Бушуевой, но своей доли в ее товарах не имел, та за одежду и харчи в приказчиках его держала.

Все пошло хорошо, Антипка честно торговал, никого не обманывал, но еще через три года Олу захватили белобандиты есаула Бочкарева. Ревком разогнали, кооперативную лавку ликвидировали, все товары Бочкарев себе забрал. А Филиппу Поликарпову и Сафейке Гайфуллину денег дал, чтоб те золото шли в тайгу искать, а не околачивались в Оле без дела. На его деньги они закупили у Свенсона припасов на 464 рубля. Весна как раз наступала, и они пошли по еще твердому снежному насту в верховья Буюнды, где ходили когда-то Розенфельд с Бориской. Осенью вернулись, как псы побитые, боялись, что Бочкарев шомполами пороть их будет, потому как золота на Буюнде не оказалось. Но бочкаревец уже след простыл. Самого есаула в Гижиге убили, а его приставов ольских Авдюшева и Балыкина — тут, в Оле.

Опять Советы начались. Бovyкин назначил себя Советом в Оле, а Канов, который Свищ, — в Ямске. Оба ходили при власти тоже три года, пока из Николаевска-на-Амуре не прислали председателя тузРИКа Михаила Петрова и его заместителя Дмитрия Белоключова.

Петров приказал выбросить из церкви иконы и оба ее креста срубить, а также ликвидировать всех собак как прожорливый класс. Насчет икон и крестов ольчане согласились без разговору, а собачек ликвидировать не захотели. Куда же зимой без них? А зима-то долгая, не то что лето, пыхнуло малость, и нет его, красного.

Петров распалился, кричал, что все они дураки слепоглазые, на «ахтомобилиях» — самобегущих нартах — скоро ездить будут, но его все равно не слушали, и он сам взялся собачек стрелять из

своего «револьверта». Много пострелял, целыми кучами, за что все на него рассердились сильно и сказали, что если из Олы он не уедет, то пусть пеняет на самого себя. Тогда он плюнул себе под ноги и опять всех обозвал темной и дураками, но из Олы все-таки уехал, оставив власть единолично Белоключову, который собачек не трогал, но заострил вопрос насчет золота и шнырявших через Олу подозрительных личностей.

Золото, золото, золото!

Три фунта шлихового, то есть не очищенного пока, желтого песка нашли в доме-пятистенке вдруг преставившегося Кольки Якушкова (один он жил, волк старый), да два с половиной фунта обнаружилось в лавке Свенсона, когда его наконец-то прогнали, а лавку реквизируют. Откуда оно у них, золото шлиховое? Вестимо, из тайги, откуда же еще! Даром, что ли, народ валом туда повалил. Корейцев душ двадцать из Хабаровска на фарт принесло, и с ними еще артели какого-то Сологуба и Туркина или Тюркина, черт его разберет. Не человек — зверюга. Говорили, в Приморье вместо провианта баб с собой жирных в тайгу брал, вроде повари-хами...

Как писал В. И. Ленин, «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость». Ни на что иное на этой окраине бывшей царской России билибинцы и не рассчитывали. После многодневного плавания по штормующему морю, высадившись на долгожданный берег и раскинув у поселка палатку, но никого к себе не пригласив, шумно праздновали прибытие. Бородатый начальник, подавая пример оптимизма, торжественно провозгласил стихотворный спич:

Тихо, товарищи! Кубки наполнить.
Встанем и выпьемте враз.
Эту совместную чару застольную
Выпьет пусть каждый из нас!
Выпьем, друзья, за просторы таежные,
Выпьем за наши дела...

Он поднял длинный, немного утолщенный к ногтю указательный палец, многозначительно уточнил:

— Будущие, граждане аргонавты из Геолкома!

И, сверкнув белозубой улыбкой, продолжал с прежним подъемом:

Выпьем за счастье, за стезжу дорожную,
Что вдоль тайги пролегла,
Выпьем за тесное наше содружество,
Дружной работы оплот,
Выпьем за радость, за бодрость, за мужество,
Выпьем за слово «вперед»!

Разгоряченная вином и весельем, вся экспедиция ему с жаром аплодировала. И он был доволен. Ястребиные глаза его искрились, борода играла золотом. Он смотрел на товарищей с победным великодушием и щедро сыпал новыми рифмами:

В далеких сказочных краях,
В горах Якутии обширной,
Где гнус живому лютой враг,
Брусника где растет обильно,
Где человек и не ступал,
Где хладом все мертвит зима,
Среди угрюмых черных скал
Течет спокойно Колыма,
Чертя изгибами узоры...

— Ваш прогноз относительно географического положения Колымы, Юрий Александрович, несколько неточен. По имеющимся у меня сведениям, она проходит восточнее границы Якутии и, говорят, течение у нее довольно бурное.

Это из-за широкой спины кудрявого красавца Цареградского подал голос застенчивый, как девушка, и педантичный, как английский джентльмен, Казанли. На него сразу зашикали. А вспылчивый Раковский сердито буркнул:

— Это тебе не твои Юпитеры — поэзия!

Он с удовольствием прибавил бы к этому смачное старательс-

кое словцо, но ругаться при Билибине себе не позволял, трепетно попросил бородача:

— Сочиняйте, Юрий Александрович...

— Правда, сочиняйте! — осуждающе глядя на покрасневшего до ушей Казанли, подхватили остальные.

И в огорчившихся было глазах Билибина снова засветилось торжествующее мальчишеское счастье. Видимо, придумывая что-то новое, он с хитрой ухмылкой пощипал бороду и вдруг неожиданно закричал:

— Дмитрий Николаевич прав, стихи — вздор! Давайте лучше помечтаем!

Он любил мечтать вслух. Мечтал, как поэт в душе и ученый в жизни, крылато и веско. Эту северную страну, с ее суровой и дикой природой, с ее нехожеными звериными тропами и запуганными, погрязшими в первобытной нищете тунгусами, он видел краем, где в грохоте моторов и зареве электричества будет шествовать цивилизация, где труд, воля и мужество человека засверкают звездным храмом изобилия. Только ступив на землю Колымы, еще не зная ее недр, он сказал, что здесь таятся сокровища, в миллионы раз превосходящие те, что нашел Бориска. Борискино золото лишь зацепка, тот клубочек, который нужно взять и распутать по всей Колыме. Пусть распутать его будет нелегко, потом все окупится, окупится, как верно сказал Розенфельд, сторицею.

У него не было точных расчетов и фактов, подтверждающих его прогноз. В нем говорила лишь юношеская фантазия и интуитивная логика ученого, но товарищи верили ему, верили потому, что в своем большинстве тоже были молоды и тоже мечтали.

Из дальней дали мне видится на морском берегу одинокая палатка. На земле — свежие лиственничные ветви, брезент. На нем — открытые консервные банки, ломти зачерствевшего хлеба, походные алюминиевые кружки, недопитое вино. Забыв о нем, в тесном кругу сидят в палатке люди. Читают стихи, спорят о будущем, мечтают. А за палаткой, рассеивая туман белой ночи, выплывает из моря солнце — огромный диск. От него к берегу бежит

голубая волна. Гребень ее в лучистых блестках. Блестки катятся по морю, и кажется, море горит.

Наступал первый день сегодняшней Колымы.

Листки из тетради Валентина Александровича Цареградского ¹:
«10 июля 1928 года.

Шестой день знакомимся с Олой и местным населением.

Поселок довольно своеобразный. Ночью создается впечатление, что он полностью принадлежит собакам. Гвалт, грызня и визг не умолкают всю ночь, невозможно уснуть. Можно понять сбежавшего из Олы председателя тузРИКа, который всю эту многосотенную свору стал безжалостно истреблять. Правда, встречавший нас Белоклювов говорит, что из-за этого тому и пришлось бежать. Кроткий тунгус может смириться с убийством человека, но за собаку будет мстить. Для него она неприкосновенна, хотя летом, когда она не работает, он ее совершенно не кормит. Должна добывать себе в тайге корм сама. Интересно, что при этом с наступлением зимы все собаки возвращаются к своим хозяевам и покорно позволяют запрягать себя в нарты.

Белоклювова мы приняли сначала за предтузРИКа, но официально, оказывается, он только зам и по совместительству культпросветчик. Страшает нас каким-то Туркиным, который недавно через Олу ушел в тайгу и будто бы грозил убить всякого, кто посмеет помогать государственной экспедиции, то есть нам. Откуда о нас он узнал, неизвестно. Вероятно, Белоклювов все врёт. Милиционер Глущенко его слов не подтверждает, хотя то, что Туркин с артелью здесь был, подтвердил. Вместе с ним в тайгу шла группа корейцев и три китайца.

¹ Здесь и далее в этой главе прошу читателей не принимать дневники за подлинные, хотя вместе с тем они документальны. Глядя в свои рабочие полевые записи, мои герои, которых я знал лично, день за днем вспоминали, что тогда происходило. Поэтому их воспоминания я записал в форме дневников.

Наглость непостижимая! Впрочем, на всем нашем Северо-Востоке нет пока никакой пограничной службы. Сейчас время путины, идет кета, и практически все устья рек, которые мы проходили на «Дайбоши-мару», заняты японскими рыбаками. По словам капитана Нукагавы, за путину его соотечественники вылавливают в наших водах по семь-восемь миллионов пудов лосося. Их ставные неводы стоят и в устье Олы, отчего сравнительно с тем количеством рыбы, которая идет на нерест, в реку попадает ничтожная доля. Тунгусы, для которых река Ола — основной источник жизни, возмущаются. Но что может поделывать бедняга Глущенко? Он здесь в единственном лице, а нужна мобильная береговая охрана или хотя бы подвижные морские патрули.

Ничего, со временем все наладится, Москва не сразу строилась.

...Кроме тунгусов, Белоклювова и Глущенко, в Оле живут еще несколько семей обрусевших камчадалов, среди которых выделяется удивительной интеллигентностью учитель Варрен. В отличие от Белоклювова человек очень приятной наружности и держится с непринужденным достоинством. Собеседник тоже приятный, не скучая, с ним можно говорить о разных вещах часами. Живо интересуется нашей экспедицией и будущими перспективами Колымы, обещает нам всяческую поддержку. О Туркине говорить не пожелал, пренебрежительно отмахнулся, назвав того обыкновенной дрянью.

Якутов в поселке нет. Их наследи разбросаны по разные стороны Олы на расстоянии от трех до десяти и более верст. В некоторых из них всего по две-три юрты, к которым с тыльной стороны пристроены глинобитные мазанки — хотоны. Самое крупное якутское поселение Гадля, что по-русски — Нерестилище. В нем размещается сельсовет и в прошлом году местным населением самостоятельно построена школа. Преподавателем в ней якут Петр Каллистратович Федотов, второй после Варрена представитель народного образования на всей Колыме. Рассказывает, что

до революции закончил в Петропавловске-Камчатском духовное училище и гражданскую учительскую семинарию. Пишет стихи, выпускает сельскую стенгазету «Голос тайги» и, кроме школы, по собственной инициативе организовал ликбез, за работу в котором не получает никакой платы. Кое-что знает из Ленина и даже «Диалектику природы» Энгельса. Своего единственного сына в честь французского революционера назвал Маратом и отказался его крестить.

Любопытный якут, показательный пример того, на что способны его соплеменники, если относиться к ним по-человечески и дать хотя бы минимальное образование. Поражают его рассуждения о будущем Колымы, которое он видит, подобно Билибину, в огнях электричества, с городами, фабриками и заводами, о чем остальные якуты и тунгусы и слушать не хотят. Наплыв старателей и наша экспедиция, по их мнению, нанесут непоправимый вред их охотничьим и рыболовным угодьям, что в общем-то справедливо. Крупномасштабное освоение края существовавшее до сих пор равновесие в природе, несомненно, нарушит. Федотов, однако, твердо стоит за индустриализацию, о которой он немало читал и зачатки которой видел в Петропавловске.

Вторая примечательная среди якутов личность — столетний старец Николай Давидович Кыллапах, живущий в трех верстах от Гадли в урочище Нух. В молодости он служил в Якутске извозчиком при местной жандармерии и будто бы отвозил в Вилюйский острог Чернышевского, с которым два сопровождавших его жандарма обращались очень плохо. Кыллапах пытался его защитить, за что один из жандармов выбил ему зуб, поэтому его и стали называть с тех пор Кыллапах — Выбитый Зуб.

Шестьдесят лет он жил бобылем, потом, уже на седьмом десятке, женился на сироте Марфе Вензель, немке по национальности, которую взял себе на воспитание в пятилетнем возрасте. Когда ей исполнилось двадцать, они обвенчались и она нарожала ему пять дочек и три сына, причем младшему Ванятке всего четыре годика, а старшему Давиду — двадцать шесть.

Федотов того научил грамоте, и в Гадле он считается теперь председателем сельсовета. Только считается, потому что фактически таковым не является. Пасет сейчас в тайге оленье стадо гадлинского богача Александрова, нанялся к нему батраком на все лето.

Такие вот дела. Председатель сельсовета ходит в батраках, а тойон как заправлял всей жизнью села, так и заправляет. Я спросил Федотова, как он к этому относится, тем более что он тоже член сельсовета и его секретарь. Разводит руками:

— Что тут скажешь? Они все у Александрова в должниках. Давид вынужден был наняться в батраки, чтобы отработать долги отца. Я на этого Александрова в каждом номере «Голоса тайги» карикатуры рисую, а ему нравится, смеется. Как-то выпустил газету без карикатуры — рассердился: «Посто меня забыл, разбогател?» Вот вам и весь сказ.

Самое грустное, что нам к этому Александрову тоже, наверное, придется идти с поклоном. У нас нет решительно никакого транспорта, а у него — десять вьючных лошадей.

Транспорт и проводник — две наши большие проблемы. Сегодня гуртом ходили в Нух к Кыллапаху за советом, как нам быть. Федотов уверял, что старик никого не боится и, если умело к нему подойти, поможет обязательно. Пустой номер. Сказал:

— Сибко стар, однако, нога цизолоый, глаз кусаган (глаза плохие). Петка тайги придет, поведет, однако.

Петька — это его средний сын, который тоже батрачит у какого-то местного князька Луки Громова. У того в стадах восемь тысяч оленей и больше тридцати батраков.

Петька вернется только зимой, а нам из Олы нужно выходить немедленно, чтобы до зимы попасть на Среднекан, где мыл свое золото Бориска.

— Хиринникан улахан барда сибко, мин кусаган саха, сибко стар, однако...

Мишка Седалищев, как толмач, перевел: до Среднекана слишком далеко, а он, Кыллапах, плох очень, стар, не дойдет.

Чертов дед, как детей в сто лет строгать, он «мин батыр саха», а идти на Среднекан — «мин кусаган саха».

Сказали, чтобы ехал на коне, а мы за ним пешком пойдем.
— Суох конь.

Действительно, коня у него нет. Но ведь достанем же мы где-то лошадей в конце концов. Не может такого быть, чтобы не достали.

— Что же делать, скажи, улахан саха? Мы не можем зимы ждать, сейчас идти должны.

Кылланах намотал на палец редкую бородку.

— Макарку возьми, однако, сопсем молодой Макарка, хороسو ходи.

Это он о Макаре Захаровиче Медове, которому семьдесят лет. Мы слышали о нем от Федотова. На Сопкучане, то есть на Сопке, живет. Рубил для себя дом, но, когда узнал, что в Гадле собираются строить школу и для нее нужен лес, почти готовый сруб детям отдал. Даром. Еще и бревен со старшими сыновьями на-таскал.

Поступок красноречивый, но что он нам скажет? Тоже «мин кусаган саха»? Семьдесят зим все-таки...

Кылланах свое:

— Макарка кусаган нет, сопсем молодой Макарка, хороسو ходи. Счас подем Сопкучан, мин проводи Макарка.

Пять верст топал тальниками впереди нас без отдыха. Забыл, видно, что «нога цизольый». Шел и всю дорогу смолил самокрутки из билибинского «Золотого руна». Сибко хорос табак...

Макар большой, по-медвежьи нескладный, с такой же жиденькой, как у Кылланаха, бородкой. Лицо очень широкое, нос плоский, но глаза не по-якутски круглые, чуть навькате. Добрые, как у оленя.

У него семеро сыновей, едва хватило на всех подарков. Здесь без подарков гостить, то есть кого-то навещать, нельзя. Обязательно что-то с собой неси, такой обычай. Самому хозяину Билибин подарил свой опустевший рюкзак. Обрадовался: «Ай,

пасибо, сибко хоросий торба, кармаски хороси, ай, пасибо!»

Его жизнь сходна с судьбой Кылланаха, только женился на десять лет раньше и жену, тоже Марфу, взял сорокалетнюю, с тремя почти взрослыми сыновьями. «Хоросо оцень, помосники сразу». Потом Марфа еще четверых родила. И ни одной дочки. «Посто девка? Не надо девка».

Младшие учатся у Федотова, и он с ними. Похвастал, что научился писать свое имя-отчество и «памилию». «Цо, не верис? Давай бумага, мотри». Билибин дал ему блокнот и карандаш. Старательно нацарапал: «Макарко Захарович Медоп».

После знакомства и обмена любезностями битых два часа пили чай в полном молчании. Только потом Кылланах заговорил о деле, долго что-то объяснял Макару. Тот выпячивал грудь и время от времени с великим презрением сплевывал. Понятно без слов: он ничего и никого не боится. Указывая на Билибина, потрясал рюкзаком. Вот какую торбу подарил ему «улахан нацальник»! Да он за эту торбу... Наконец, обращаясь ко всем нам сразу, сказал:

— Посто Хиринникан счас? Далеко счас. Зима будет, лед река будет, собацки сибко бегом — Хиринникан близко станет.

Мы опять:

— Нельзя нам зимы ждать, сейчас надо.

Если идти, то, конечно, сейчас, чтобы до зимы хоть первые пробы взять, зимовье построить.

— На цом пойдес? Нога пойдес? Два месяца туда. Лосадь пойдес? Тозе два месяца туда. Лед здать надо, одинаково придес.

— А по рекам плыть можно? На плотях?

— Суда — мозно, туда — нет.

Ясно, все реки текут сюда, к морю. Против течения плоты не погонишь. Но есть ведь и притоки Колымы, текущие на запад, а Среднекан впадает в Колыму...

Казанли достал карту Охотско-Колымского края, изготовленную в Академии наук. Она очень приблизительна, но Яблоновый перевал на ней обозначен. Судя по масштабу, от Олы до него

километров двести пятьдесят. Это водораздел, откуда начинаются восточные притоки Колымы, текущие к ней в западном направлении. Значит, пешком нужно идти только туда, а дальше, если реки позволят, до самой Колымы — на плотах...

Ни Макар, ни Кылланах на карте ничего не поняли...

11 июля... Вчерашнюю запись пришлось оборвать. В двенадцатом часу ночи явился с претензиями Белоклювов. Почему не ставим его в известность о своих действиях? Ходим куда-то, ведем какие-то переговоры с якутами, а он все же пока за председателя РИКа здесь, должен знать.

Рвался к Билибину, но все уже спали, и в палатку я его не пустил, сказал, чтобы приходил завтра, то есть сегодня, в урочное время.

— Так светло же, какое еще урочное время?

— Белая ночь — тоже ночь, отдыхают люди.

— Да ну вас, отдыхают!

Дыхнул — аж стошнило. Пьян, подлец, в стельку. Не иначе, как нашармачка похмелиться рассчитывал. Дудки, не на тех напал!

Обидно все-таки, когда вот таким типам доверено власть олицетворять, тем более здесь, где авторитет каждого советского работника должен быть особенно безупречным. Один дурак собак стреляет, кресты на церкви рубит, другой белма брагой заливает... Только милиционер и ведет себя порядочно. Но что он, единственный, может? Понятно, кулачю и всякой швали, вроде Туркиных, в такой обстановке раздолье...

Испортил настроение, мерзавец!

Ладно, вернемся на Сопкучан.

Когда мы увидели, что Макар и Кылланах в географической карте ничего не смыслят, Казанли в голову пришла блестящая идея. Схему всех рек восточнее Колымы он предложил нашим якутам выложить на полу юрты спичками, приняв каждую спичку за кёс — семь верст. У якутов кёс считается одним переходом.

Сообразив, что от них требуется, оба старика обрадовались,

как дети. Спорили, кричали друг на друга, но общими усилиями схему наконец выложили и, примирившись, заулыбались: «Хорошая схема, правильная, однако».

Оказывается, сразу за Яблоновым перевалом начинается большая река Малтан, впадающая в еще большую Бахапчу, а та — в Колыму. Затем поворот вправо и дальше вниз по течению Колымы. Первый приток слева — река Дебин, сразу за ним справа — Оротукан, потом опять слева — Таскан и Мылга, за которыми по правую руку — наш Среднекан. Превосходно!

Но когда речь зашла о сплаве по Бахапче, Макар замахал обеими руками.

— Бахапца — нет-нет, бесеный река, там — тас, тут — тас, все мертвый будес.

На Бахапче много камней, бурных перекатов, плоты разобьются и все мы утонем, а у него, Макара, — малые дети, их растить еще надо.

Кылланах вскочил, как ужаленный.

— Сопсем молодой Макарка — кусаган Макарка, не саха, однако. — И бухнул кулаком себя в грудь. — Сопсем старый Кылланах идти надо, мин батыр саха, не похоз на сопсем молодой Макарка, однако.

От обиды у Макара даже слезы брызнули.

— Цо говорис, старик дурной, цо говорис?!

Чтобы успокоить обоих, мы сказали, что проводить нас нужно только до Малтана, потом проводник вернется с лошадьми в Олу, а мы поплывем на плотах дальше сами. Схему рек они выложили очень хорошую, мы все срисовали, так что не заблудимся.

Таким решением вопроса оба остались довольны. Кылланах Макара больше не шпынял, сказал ласково:

— Ницо Макарка, хорос Макарка...

Дети детьми. Смеются, обнимаются, цокают языками. Макар так расчувствовался, что пообещал нам три своих лошади. Сегодня побежал за ними в тайгу, они где-то там пасутся.

К сожалению, три лошади для нас — капля в море. Сказали

об этом Белоклювову. Раз ты государственная власть, должен помогать государственной экспедиции.

С похмелья ни черта не соображает.

— Как помогать?

Билибин:

— Силой вверенной вам власти. По списку в Оле значится сорок две вьючных лошади.

— Кто вам сказал?

— Неважно, нашлись добрые люди.

— Ну, знаете! Не мои же они, эти лошади.

— Не ваши, но вы должны помочь нам зафрахтовать их.

— Легко сказать...

— Туркина боитесь?

— При чем здесь Туркин? И вообще... Не обязан я помогать вам.

— А докладывать вам о своих действиях мы обязаны?

Вспомнил свой вчерашний визит и сразу скис.

— Трудно очень... А платить чем будете? Учтите, бумажных денег здесь никто не берет.

— Мы знаем. У нас достаточно серебряных полтинников.

— Трудно очень...

Ни до чего не договорились. Вернется Макар, будем действовать через него. Так советуют Кылланах и оба учителя.

13 июля... Неожданная удача. Милиционер Глущенко утром привел три отличных лошади. Как выяснилось, их «добровольно» дал ему для нас тойон Александров. Ай да Глущенко! Ничего не обещал, а помощь вот она, травку щиплет. «Вы, граждане-товарищи, без паники, я деликатненько с ним, исключительно на добровольных, так сказать, началах. Говорю, государственной экспедиции, мол, лошадки требуются, а вы, господин тойон, как известно, человек умный, сами понимаете, как поступают с людьми, которые против государства. Культурненько разъяснил — все, как полагается. Ну, он, можно сказать, и приказал мне выбрать для вас троечку на мое, так сказать, особо личное усмотрение».

Молодец, ничего не скажешь. Билибин смех все же подавил, сделал страшные глаза:

— Вы что, реквизировали их у него?!

— Боже упаси, товарищ Билибин! Как можно, не имеючи указаний? Пока только во временное пользование. И учтите, на совершенно добровольных началах. Чтоб какое-то насилие или что-то вроде этого, даже ни-ни!

Словом, нанял для нас три лошади добровольно-принудительным порядком. Что ж, серебра Александрову мы не пожалеем. Сам-то он из гордости о принудилровке вряд ли станет болтать, а серебром, глядишь, похвалится. Монетки новые, блестящие. Для других пример заразителный. Опять-таки кулак первым лошадей дал, тоже кое-что значит. Макара только жалко, раздосадуется старик, когда узнает, что не ему теперь пальма первенства принадлежит. Ничего, для пользы дела переживет.

Белоклювов пучил глаза на лошадей Александрова, как баран на новые ворота. Фрукт! Тот его, оказывается, втихомолку подпайвает — люди все видят. Теперь Александрову бражничать с ним не резон, а Глущенко не купишь — парень надежный.

17 июля... Пример Александрова верно оказался заразительным, лошадей ведут каждый день.

— Лосадки холосие, возмес? — спрашивают Билибина и смотрят на него с просительным выжиданием, ждут серебряных полтинников. У Александрова их видел уже весь поселок. Тот пробил в них дырки, нанизал на сапожную дратву и теперь гордо носит на груди, как три ожерелья.

Везде женщины цепляют на себя побрякушки, а тут — мужики. Собственно, как деньги наши полтинники они не воспринимают. Для них, приученных к меновой торговле, это украшение, причем очень дорогое, которое он не отдаст и за фунтовый слиток золота. Фунт золота на грудь ведь не повесишь. Да оно и не так красиво, всего лишь желтое и гладкое, а здесь герб выбит и цифры — риксунки.

Когда Раковский с Седалищевым принесли Александрову

шестьдесят монет, тот принял их так восторженно, что тут же предложил им всех остальных своих коней бесплатно. Но Седалищев, знаток своего дела, всех забраковал. Якуты своих лошадей не подковывают и те за лето так сбивают себе копыта, что хромают на все четыре ноги, и до зимы, пока заживут копыта, для работы они не пригодны. Глушенко потому и отобрал у Александрова только три мерина, что тот держал их в поселке и копыта у них не сбиты.

Еще из добрых трех десятков Седалищев отобрал для нас всего два коня у якутов Степана Васильева и Гаврилы Винокурова.

19 июля... Вернулся Макар. Проходил за своими лошадьми девять дней! Забрели, говорит, аж на какой-то Алтун, от Олы верст за полтора. Оказывается, они у него в «башмаках» из очень прочной кожи лахтака, поэтому копыта не сбиты. Странно, что такому несложному и в то же время полезному изобретению Макара не следуют другие якуты. От скольких бы мучений они избавили своих несчастных лошадок!

К сожалению, проблема транспорта по-прежнему не решена. Восемь лошадей для нашей поклажи слишком мало. Придется обращаться к тому самому князьку Луке Громову, у которого восемь тысяч оленей. Завтра Раковский с Макаром собираются к нему в стойбище Маякан. Полтинников берут полрюкзака — 1000 штук. Из расчета по 10 рублей за одного вьючного оленя — цена по местным масштабам немалая, Громов вряд ли устоит. Жаден, говорят, до смешного. При восьми тысячах оленей, за каждого из которых можно получить 15—20 фунтов кирпичного чая, он одну и ту же щепотку заварки использует не менее десяти раз, затем остаток поедает, как кашу. Чтоб, не дай бог, ничего не пропало. Воистину «ничто так не свойственно уму скудному и бедному, как любовь к богатствам ради богатства».

23 июля... Сегодня в Оле праздник. Из ольского устья мы прогнали наконец японцев, конфисковав их неводы и весь улов.

Совсем обнаглели. То хоть немного пропускали рыбы в реку, а тут перегородили устье наглухо. Тунгусы в панике кинулись к нам:

— Япоска рыбу всю забрал. Ты, Билиба, улахан нацальник, посто япоске такое позволяес? Сто зимой есть будем? Цем собацки кормить?

Нужно было, вероятно, при таких обстоятельствах Москву запросить или хотя бы Владивосток. Но как их запросишь, когда телеграф только в Тауйске и тот работает от случая к случаю? Решили разделаться с японскими браконьерами на свой страх и риск. Явились к ним почти всей экспедицией, с винчестерами и карабинами. Билибин для большей убедительности нарядился в шинель и буденовку Чистякова, кобуру с наганом нацепил. Ни дать, ни взять — пограничник.

Несмотря на всю наглость, японцы перетрусили не на шутку. Когда Билибин объявил, что в наказание за недозволенный лов в территориальных водах Советского Союза и браконьерство мы конфискуем их сети и весь улов, капитан судна в ответ только что-то забормотал, но что — мы не поняли. Однако приказ Билибина очистить все трюмы от бочек с засоленной рыбой и икрой и свезти все на берег они поняли прекрасно и выполнили его без сопротивления. Знала кошка, чье сало съела.

Теперь вся Ола бьет в бубны и пляшет свою ритуальную хеду — что-то вроде танца урожая. Бочки-то с рыбой и икрой достались им, ольчанам.

Лучшего повода (общие неводы) объединить всех рыбаков поселка в кооператив не придумаешь. Когда веселье уляжется, мы это сделаем. Наш авторитет отныне непререкаем.

26 июля... Ольский кооператив «Красный рыбак» создан на «ура». Председателем единогласно избрали камчадала Антипа Бушуева — бывшего приказчика и дальнего родственника сбежавшей в Японию купчихи Анны Бушуевой. Но ольчане считают его человеком порядочным и общественное дело доверяют ему без оговорок. Он уже торговал у них в кооперированной перед бочка-

ревщиной лавке и показал себя с самой лучшей стороны. В то же время он грамотный, а здесь это пока редкость.

В добрый путь, «Красный рыбак»!

...Не перестаю радоваться за Билибина. Он любим всей экспедицией, хотя большинство ее членов знают его сравнительно недавно. Во всех мелочах в нем сама доблесть. Живой, очень эмоциональный, иногда даже ребячлив, он в то же время способен быть непримирим и резок, но никогда не переложит свою ношу на плечи другого и не оскорбит тебя и самым строгим выговором. Обладая широчайшими познаниями в самых разных областях, он так умеет передавать свои знания другим, что ты ловишь их с жадностью, не испытывая при этом того унижительного чувства, когда человек, слушая кого-то, вольно или невольно сознает себя в душе невеждой.

В Ленинграде его обвиняли в том, что, не беря в экспедицию других дипломированных геологов, он желает потом сам пожать все лавры, и я, грешный, чуть было с этим не согласился. Теперь вижу, что это не так. Да, он честолюбив, но не настолько, чтобы поддаться тщеславию. Тут все дело в том, что он уже сумел создать свою геологическую школу и, чтобы его учение развивалось, ему нужны ученики, не подверженные влиянию иных геологических воззрений. И это доблесть, ибо она ставит своей целью интересы не частные, а общие, так как те теоретические положения, которые ненавязчиво, но терпеливо и настойчиво преподает нам Юрий Александрович, действительно более прогрессивны и наверняка более плодотворны, чем те, которые в геологии пока господствуют. Поэтому, взяв на себя работу по меньшей мере пятерых, он делает из нас не послушных исполнителей его воли, а грамотных специалистов новой геологической школы. И в конечном счете мы ими станем.

«Выражаясь словами Цицерона, Билибин стремится не к славе ради славы, а к чести, несущей в себе общее благо. И он имеет достаточно мужества и силы духа, чтобы за это бороться, не подвергая своих сподвижников ни риску себя обесславить, ни тяготам

бесплодного труда, ибо, неся в этот край идеи Советской власти и утверждая здесь ее сущность, мы уже трудимся с великой пользой.

Если прогноз Билибина относительно золотоносности Колымы оправдается, всем нам без исключения будет честь и слава; за неудачу же в ответе он останется один. В этом его нравственное мужество...»

Я отвлекусь здесь от дневника Цареградского, чтобы обратить внимание читателя на эту последнюю запись, которую, слушая Валентина Александровича много лет спустя, я сделал почти со стенографической точностью. Не часто так говорят о людях. И я верю, что тогда, в 1928 году, находясь еще в Оле и не зная пока, чем закончится их экспедиция, он думал о Билибине именно так, иначе его слова не совпали бы с тем, что в другом месте и в другое время говорил мне Сергей Дмитриевич Раковский.

— В Оле, — сказал Сергей Дмитриевич, — Цареградский первым понял педагогическую тактику Билибина, который без геологического факультета решил сотворить из нас геологов своей, билибинской школы. Валентин Александрович втолковывал нам это при всяком удобном случае, и наше уважение к Билибину росло с каждым днем, — продолжал Раковский. — Педагогом в этом отношении он был удивительным. Мы сами не замечали, как, ежедневно общаясь с ним, начинали с легкостью разбираться в самых сложных геологических проблемах. Я не помню дня, чтобы, вернувшись с поля с рюкзаком минералогических образцов, он не увлек бы нас каждым принесенным камнем. О каком-нибудь обломке базальта мы затаив дыхание выслушивали целые истории, а то, что как-то связывалось с золотом, в его рассказах-лекциях походило на главы из приключенческого романа, хотя в общем-то говорил он о вещах сугубо геологических. Причем как-то так получалось, что послушать его мы почти всегда напрашивались сами. Уж очень большой интерес разжег он у нас

к своей науке, но делал вид, будто сам он тут ни при чем. Поэтому серьезные занятия по геологии превращались в жгуче увлекательную игру, в которую мы, взрослые дяди, бросались, как дети. И другое еще, не менее важное. Практически ни одно занятие не проходило без каких-нибудь, если можно так выразиться, моральных отступлений. Он с такой ловкостью выбивал из наших взбалмошных голов всякую дурь, что я только теперь понимаю, насколько под его влиянием мы становились нравственно чище. Простой и, на первый взгляд, вроде бы грубоватый, в действительности он весь был соткан из благородства, которое действовало на всех заразительно. Не только матерщина, даже обычные в мужских компаниях сальности у нас были совершенно изжиты, а схамить кому-то, хотя бы и какому-нибудь тойону, вообще считалось позором...

Так говорил о Билибине Раковский. Но представьте себе, допустим, сто человек, которые все кого-то хорошо знали. И вот вы у каждого из них по отдельности спрашиваете, что о нем он скажет. Многие ли мнения совпадут? Сомневаюсь. Если такое и случается, то крайне редко. О Билибине же все мнения так или иначе совпадают. А говорил я о нем с очень и очень многими, и все, все до единого сходятся в одном: необычайной прозорливости геолог, замечательный педагог и рыцарь без страха и упрека.

Забегая наперед, могу еще только добавить, что его усилия по сотворению первых геологов своей школы даром не пропали. И бывший палеонтолог Цареградский и недоучившийся в то время студент Раковский стали потом крупнейшими геологами нашей страны, лауреатами Государственной премии СССР. А Цареградский, заменивший в тридцатых годах на Колыме ушедшего на научно-педагогическую работу Билибина, был удостоен и звания Героя Социалистического Труда.

Но тогда, в Оле, такого своего взлета в будущем они, конечно, не предвидели. Они лишь беззаветно поверили в плодотворность идеи Билибина и горели нетерпением поскорее уйти в тайгу. Ра-

ковский при этом проявлял прямо-таки чудеса дипломатии.

Тут предварительно нужно объяснить один тунгусский обычай.

Хотя в колымской тайге никаких современных средств связи тогда не существовало, о предстоящем прибытии гостей вроде бы обособленно живущие в тайге тунгусы каким-то образом узнавали заранее. И в большинстве случаев уже знали, с какой целью гости пожелают.

Если принять гостя хозяин желал, он перед своей юртой вбивал в землю или снег, если дело было зимой, толстую палку — так называемое сэргэ (коновязь). Значит, своему гостю он рад и охотно с ним побеседует. Если же принять его он не хочет, сэргэ перед юртой не выставлялось.

Когда Раковский с Макаром пришли в Маякан к тунгусскому князьку Луке Громову, сэргэ перед его юртой не было. Но Раковского это несколько не обескуражило. Он уже слышался о том, как Громов бережет чай, и на этом решил сыграть.

Не желаешь принимать — не надо.

Разбили неподалеку от юрты палатку, разожгли костер и на рогатинах повесили над ним чайник, в который насыпали столько душистого китайского чая с жасмином, чтобы его аромат распространялся далеко вокруг. Кроме того, оба, и Сергей и Макар, непрерывно дымили самокрутками из табака «Золотое руно», аромат которого тоже очень соблазнительный.

Не спеша почаявничали, до одури накурились, потом заварили еще один чайник и, оставив его над затухающим костром, залезли в палатку будто спать. Еще возле костра оставили большую открытую коробку с монпансье — единственными известными тунгусам конфетами.

Через некоторое время слышат приглушенный детский разговор. В щелку палатки видно — возле костра четверо тунгусских ребятишек. С вожделием смотрят на монпансье, глотают слюнки. Хотя думают, что хозяева в палатке спят, взять конфеты не могут — тунгус без разрешения к чужому никогда не притронется.

Макар, позевывая и протирая якобы заспанные глаза, вышел из палатки будто за надобностью. Громовские дети его знали, не испугались. Но когда тот сказал, что они могут забрать конфеты себе, мальцы пальцами указали на палатку. Дескать, там няча (русский) спит, это его конфеты, нельзя брать.

— Мой догор (друг) добрый, конпеты он вам оставил, берите, — сказал Макар.

Тут вышел и Сергей, заулыбался:

— А, гости у нас, что же ты, Макар, чай пить их не приглашаешь?

Напоили ребятишек чаем, одарили конфетами, опять залезли в палатку.

Немного погодя снова у костра разговор. Макар презрительно сплюнул, тихо сказал:

— Человек нет, кыыс кэлэ.

Мол, женщины пришли, они — не люди, что с ними говорить? Сергей укоризненно покачал головой:

— Нельзя так, Макар, женщина — тоже человек.

Тот не согласился, проворчал недовольно:

— Зена — ладно, мозна человек, другой кыыс суох человек, кой человек?

Жена — ладно, пусть будет человек, а другие женщины, какие они люди?

Но Сергею подчинился.

Вся процедура чаепития повторилась. Женщины с обычной для тунгусок непосредственностью цокали языками, охали. Такого вкусного чая да еще с конфетами они никогда не пили. Первые пять заварок Громов всегда сам выпивал, потом уже, начиная с шестой заварки, могли почаевничать с ним и жены.

Конфет женщинам перед их уходом тоже подарили, но те, горстями запихивая их в рот, тут же все съели.

— Лука конпеты забрал бы, однако, кыыс суох конпеты, — пояснил Макар.

У Луки конфеты не для женщин, он сам их любит.

Тогда Сергей каждой подарил по серебряному полтиннику. Их они в рот не запихнут, придется Луке отдать. Вот и хорошо, пусть знает, с какими деньгами пришли гости, которых он не хочет принимать.

Только после этого на вторые сутки ночью перед юртой Громова появилось сэргэ. Значит, к капсе (разговору) князь готов, гостей приглашает.

Вопреки своему обычаю принял обоих с неслыханной роскошью: угощал вареными мозгами из оленьих ног — самым изысканным тунгусским деликатесом. Сергей в ответ выложил коробку монпансье, две пачки чая, галеты. Затем достал из рюкзака фляжку со спиртом и свою походную серебряную рюмку, которой очень дорожил.

Лука спирт проглотил одним махом, но рюмку возвращать хозяину не спешил. Посудинка с червленной инкрустацией — красива больно, залюбовался князь. Сергей понял: хочет получить в подарок.

Черт бы тебя побрал! Но ради святого дела на какие жертвы не пойдешь! Пришлось изобразить щедрое великодушие. Подарил.

— Олесек, однако, надо? — спросил после еды и чаепития Громов.

— Да, Лука Васильевич, вьючных.

— Колько платис?

— За одного двадцать монет серебром.

— Мало, однако.

— Побойся бога, Лука Васильевич, никто тебе столько не заплатит. — Сергей зачерпнул в рюкзаке горсть полтинников. — Смотри, все новенькие, лучше твоей медали.

У того на пухлой груди висела на стальной цепи большая круглая бляха из позеленевшей бронзы — так называемая при царе медаль для туземцев, которой Луку Громова за что-то наградили когда-то якутский губернатор.

Подаренные его женам полтинники были уже у него в кармане, но, услышав звон серебра в рюкзаке Сергея и снова уви-

дев его, скрыть свое восхищение им не смог, глаза загорелись.

— Колько олесек надо?

— Пятьдесят, пожалуй, возьму, Лука Васильевич.

Тот долго что-то соображал, считая на пальцах. Должно быть, подсчитывал предстоящий барыш. Но глаза потухли, вздохнул огорченно:

— Вьючных Маякане пять, однако, больсе нет. Бери необъезженных, надо будет, Макарка объездит.

— Нет, Лука Васильевич, на объездку время надо, а времени у меня нет, сейчас олешки нужны.

Хозяин подумал, повздыхал.

— Лосадки хоцес?

Сергей едва не воскликнул: «Еще бы!», но все же сдержался, ответил будто бы равнодушно:

— Лошади хуже...

— Цо хузе? Луцсе, однако? Тайгу гонял нет, Маякане лосадки, копыта целый.

Вот дьявол, и про копыта уже знает!

— Ну-у, если копыта целые и лошади крепкие... А сколько их у тебя?

— Сесть, однако, холосие лосадки.

— Посмотреть надо.

Хозяин хлопнул в ладоши, и сразу же в уресе (жилом помещении юрты) появился один из его многочисленных батраков. Тот что-то ему сказал, потом Сергею:

— Пойдем, однако, счас вести лосадки будет.— И жестом поторопил батрака.

Сергей не был профессиональным лошадиником, но и он, осмотрев громовских коней, понял: лошади действительно хорошие. Восторга, однако, не выразил. Сказал:

— Вообще-то лошадей мне не надо, но раз тебе, Лука Васильевич, так нужно серебро, на время по пятнадцать монет за одного, пожалуй, могу взять их.

— Цо пятнадцать?! Посто пятнадцать?! — возмутился

хозяин.— Миске Александрову двадцать давал, посто моя князь пятнадцать?

— Я же не тебя, князь, нанимаю, а твоих лошадей.

— Симбир (все равно)! Пятнадцать не дам, двадцать давай!

— Лошади Александрова лучше намного.

— Ницо луцсе, двадцать давай!

Сергей для порядка поломался, потом, само собой, согласился. Лошади-то сильнее оленей, а значит, и груза больше повезут.

Опуская в свои необъятные карманы 220 полтинников, Лука слышал, что в рюкзаке у Сергея еще серебро звенит, не мог он отпустить его с таким богатством. Предложил 25 необъезженных оленей по 15 монет за голову. Не предлагал — просил:

— Десево, цесно десево даю, бери, догор Сергей, укусный олеска, холосый мяо будет. Посто молцис, Макарка? Говори нюча Сергей, пускай бери олеска.

Макар сердито насупился, не его дело в чужой торг вмешиваться, но незаметно Сергея в бок все же толкнул, бери, мол, не прогадаешь. Сергей и сам решил взять оленей, но торг увлек его, опять отнекивался, говорил, что у них много вкусных мясных консервов и в доказательство небрежно вынул из рюкзака и подарил даже две банки Громову, получив которые тот от неожиданности аж задохнулся. Свиная тушенка для тунгусов тогда была таким лакомством, за которое они отдали бы что угодно.

— Десять монета! — насилу справившись с волнением, выдохнул Громов.

Наверное, наказать жадного князька стоило, однако Сергей понимал, что по пяти рублей олень уж чересчур дешево. Пользоваться моментом с его стороны было бы неблагородно. Сказал:

— Хороший ты догор, Лука Васильевич, не буду обижать тебя.

Тот перепугался, думал, что и за такую цену Сергей оленей не возьмет. Но Раковский уже отсчитывал полтинники, нарочно отдельными кучками,— по пятнадцать монет в каждой.

Князь, казалось, был сражен окончательно, но...

Однако вернемся к дневнику Цареградского.

«3 августа... Наконец-то пришли Раковский и Макар. К нашему удивлению, кроме оленей, привели еще и шесть замечательных лошадок. К сожалению, двадцать пять из тридцати оленей дикие — необъезженные. Чтобы приучить их к вьюкам, по мнению знатоков, нужно дней двадцать, а до зимы осталось всего месяца полтора.

Совещались. Четырнадцать лошадей и пять оленей всей нашей поклажи не возьмут. Решили поэтому разбить экспедицию на две группы. Сейчас в сопровождении Макара и его двадцатилетнего сына Петра к малтанскому сплаву пойдут шестеро: Билибин, Раковский, Дураков, Алехин, Чистяков и Лунeko. Седьмым «участником» сплава будет наш общий любимец Демка — пс Дуракова. Мне же, Бертину, Казанли и остальным рабочим Билибин приказывает оставаться в Оле. Будем объезжать оленей и потом пойдем с Макаром на Среднекан санным путем.

О предстоящем сплаве от кого-то уже успели узнать Белоключов и Глущенко. Первый в совершеннейшей панике.

— Христом-богом молю, расстреляют за вас, не предупредил, скажут, вы все погибнете!

Глущенко на сей раз тоже дружелюбен не очень.

— Вы с ума сошли, товарищи! Там на Бахапче не то что на плотях, на лодке-однодеревке не пройдешь. Нам за вас отвечать придется.

— Я дам вам расписку, что вы нас предупредили и всю ответственность за людей я взял на себя, — сказал Билибин.

— Что ваша расписка? Не пустим мы вас, вот и все. Ждите зимы.

— Я здесь представитель ВСНХ — Высшего совета народного хозяйства Советского Союза — и за свои действия я отвечаю, чинить мне какие-то препятствия вы не имеете права. В противном случае я прикажу своим рабочим арестовать вас и держать под арестом до тех пор, пока мы не сплавимся.

Белоключов почти истерично:

— Я сам бывал на Бахапче, я видел, что там творится! Хамелеон! Раньше говорил, что нигде не бывал и ничего не видел, а теперь дрожит.

Макар во время всей сцены сидел молча, пригорюнившись. Билибин встревожился:

— Что с вами, Макар Захарович?

Посопев, Макар ответил не сразу:

— Убьют!

— Кого убьют?

— Макарка убьют. Миска Александров сказал, Лука сказал...

Вот паразиты! За наши полтинники удавиться готовы и за нашей же спиной человеку смертью грозят. За то ли, что помогает нам почти бескорыстно и цену им сбивает, или за то, что делом способствует успеху экспедиции? Скорее всего, за то и другое. Не нравится тойнам наша экспедиция, и организованный нами кооператив тоже поперек горла стал. Ну, это мы еще посмотрим, чья возьмет! Впрочем, тут и смотреть нечего, не им, ожиревшим, нашему государству грозить.

Макара еле успокоили. Билибин не удержался и подзадорил:

— А то, Макар Захарович, вы же сами знаете, батыр саха здесь есть, вместо вас пойдет, однако.

Макар заводится с полуоборота. Затряс бороденкой, изображая Кылланаха:

— Вай-ой, батыр саха, вай-ой, симбир сопсем зеребцык саха...

Теперь можно не сомневаться, пойдет, не застрашают.

4 августа... Крупно поговорили с Глущенко, чтобы предупредил Александрова с Громовым: если с Макаром что случится, они ответят за него своими головами. Пусть знают, в их интересах охранять жизнь Макара, иначе и за случайность как бы не поплатиться им.

Глущенко после вчерашней нашей стычки чувствует себя явно неловко, сказал, как бы извиняясь:

— Не волнуйтесь, товарищ Цареградский, я этим последышам царизма мозги вправлю.

12 августа... Простились с товарищами. Расставались с грустью. На душе тревожно. Что-то их ждет там?

Взяли самое необходимое: по две пары белья, зимнюю одежду, жесткую норму питания, оружие, инструменты.

Проливной дождь. Холодно.

26 августа... Давно не брался за дневник, нечего писать. В Оле все идет своим чередом.

Вторую неделю пытаемся с Казанли попасть на вельботе в бухту Нагаева. В лоции Охотского моря она описана как наиболее удобная на всем побережье. «Единственный недостаток этой бухты, — пишет автор лоции, — отсутствие человеческих поселений на берегу». Он дает и карту. Если верить ей, бухта Нагаева лучше Ольского побережья. Здесь нет подходов для разгрузки судов. Если мы откроем на Колыме большое золото и нужно будет строить порт и город, то Нагаево нам, видимо, подойдет больше всего. Хотим все посмотреть сами, но пока безуспешно. На море не прекращается шторм. Держится никак не меньше девяти баллов, хотя погода сухая и теплая.

1 сентября... Разбили вельбот. Чудом не утонули сами. Несчастный Казанли даже стал заикаться. Сидим в палатке мокрые до последней нитки и, съевшись, лягаем зубами. Переодеваться нет смысла. Вся сменная одежда тоже мокрая.

Чтобы отвлечься, я пытаюсь писать, но рука дрожит — ничего не получается...

5 сентября... Вернулся Макар. Размазывает кулаком слезы; всхлипывает:

— Сергей симбир саха, Билиба веселый — улахан целовек кыхылбыттыхтах (краснобородый), Степашка холосий, все мертвый будут, крепко уснут Бахапца.

Рассказывает, что наши построили два плота и спустили их на Малтан недалеко от Элекчана. Билибин передал записку, пишет, что в Элекчане до зимы нужно построить перевалочную базу и перебраться всем из Олы туда, ближе к Среднекану.

Спрашиваю Макара:

— А ты, Макар, не боишься переезда в Элекчан?

Перестал плакать, смотрит сердито.

— Зацем, Царь-город, говорис такое? Плохой люди пугал Макарку, не боится Макарка.

Кулаки притихли. Глушенко, видно, поработал с ними всерьез.

20 сентября... Время тянется томительно. Работы все меньше. Ольское побережье уже облазили вдоль и поперек. Каждый день в гости приходят тунгусы, реже — якуты. Сидим и молча пьем чай. Иногда, правда, с якутами о чем-нибудь говорим, но без переводчика весь разговор сводится к какой-нибудь бытовщине. Не велик помощник в этом и наш Миша Седалищев. Его познания в русском языке тоже ограничиваются в основном темами быта. А учителям Варрену и Федотову сейчас не до нас. Днем у них — школа, вечерами — ликбез.

Между собой часто вспоминаем Ленинград, какой он замечательный. Когда жили там постоянно, его красоту словно бы не замечали, а теперь тоскуем (я, Дима и Коля Корнеев). Будущий главный город Колымы должен быть не хуже.

...Корнеев нарисовал уже всех жителей Олы — 211 портретов. Художник он замечательный, а человек скучный. Тихий, застенчивый, весь в себе. Даже Бертин по сравнению с ним говорунов. Уже столько времени вместе, а узнали о нем не больше того, что знали в Ленинграде. Родился в благополучной интеллигентной семье, рос, учился, со школьной скамьи мечтал о Севере. Это и все, что я могу о нем сказать.

...Шумит ливень. Сумрачно за палаткой и в палатке. Освещает ее только раскаленная «буржуйка» да одна коптящая парафиновая свеча. Наша брезентовая конура — как монашеская келья. Жизнь, любовь, человеческие страсти — все где-то там, в невообразимом далеке. Завидую нашим сплавщикам. Хоть путь их и опасен, зато не такой нудный, как это вынужденное сиденье без дела.

7 октября... Третий час ночи. Отчаянно хочется спать, но уснуть нельзя. Медведи до того обнаглели, что подходят к самой

палатке. Вчера задрали одного нашего оленя и покушаются на остальных. Приходится жечь костер и стоять на страже.

Мы — на левом берегу бухты Нагаева. Лоция охарактеризовала ее верно. Место для постройки города годится. Берега гранитные, но в большинстве пологие. Сама бухта имеет форму вытянутого мешка, со стороны суши защищена от ветров подковообразной грядой сопок.

Много рыбы, тюленей и косаток. Мы были свидетелями поразительной картины: морской лев — сивуч дрался с медведем. Начала боя мы не видели, пришли в самый разгар сражения, которое проходило в нескольких метрах от берега на камне, похожем на подмости ринга. Хищники не обратили на нас внимания. Они с диким ревом набрасывались друг на друга. Вода вокруг камня побагровела. Разъяренные звери то отрывались один от другого, то молниеносно сплетались вновь. Гигантский клубок из грязно-бурой шерсти и черной, лоснящейся кожи носился по возвышающемуся над водой камню с непостижимой быстротой.

Так продолжалось около получаса. Потом рев стал ослабевать. Хищники начали выдыхаться. Схватившись в последний раз, они уже не ревели, а только тяжело стонали. Медленно расползлись и, очерившись, застыли друг против друга.

Увлеченные необычным боем, мы ждали новой схватки и были убеждены, что грозный хозяин тайги в конце концов победит. Но косолапый опозорился. Не сводя глаз с противника и не переставая шериться, он трусливо подполз задом к самому краю камня, рывкнул и вдруг, как акробат, бросился спиной в воду. Кувыркнулся, фыркнул и, оставляя кровавый след, поплыл к берегу. Так что победа досталась величественному владыке моря. С высоко поднятой головой он еще долго сидел на камне, похлопывая по брюху лапами и издавая ревуший трубный клич. Мы были от него на расстоянии выстрела, но прониклись к нему уважением и стрелять не стали.

18 октября... Выпал обильный снег, очень пушистый. В тайге он лежит уже давно. Мороз еще небольшой, но ветрено. Результа-

ты проведенных в Нагаеве работ радуют. Нет никаких сомнений, что первый город Колымы будет именно там. Я буду настаивать. Думаю, Билибин меня поддержит.

Добрались ли они до Среднекана?

23 октября... Ушел с тунгусскими охотниками в Элекчан Казанли, хочет установить на Малтане астропункты. Мы с Макаром остались в Оле вдвоем. Работы теперь много, скучать некогда. Макар с сыновьями в темпе объезжают оленей. Я привожу в порядок летние записки, документирую билибинские минералогические коллекции (благо, этому я уже научился). Сделал новую карту бухты Нагаева и побережья Олы. Когда в Ленинграде будем говорить о закладке нового города на Колыме, покажу их для сравнения. Такой разговор состоится в любом случае, даже если результаты поисков золота окажутся не особенно утешительными. Край осваивать все равно нужно.

17 ноября... Устин Кондратьев — ольский тунгус принес тревожное письмо от Бертина. Пишет, что предсказание Макара относительно гибельности сплава по Бахапче, видимо, сбылось. Там, где спускались на Малтан плоты, элекчанские охотники встретили Демку — пса Дуракова, изможденного и тощего. Должно быть, он возвращался от самых бахапчинских порогов. Бросить в тайге собаку они не могли.

Сказал Макару. Плачет:

— Посто Билиба не верил Макарка? Макарка знал, бесеный Бахапца, все крепко уснут Бахапца...

Типун тебе на язык!

19 ноября... 4 часа утра. Через час выезжаем. Потеряли на сборы целых два дня. С большим трудом удалось подрядить пять собачьих упряжек с каюрами и без каюров. Одну из них поведет Макар, другую — я, хоть сам не каюрил никогда.

Интересно, что и на этот раз первым дал собак Михаил Александров и лично вызвался каюрить, — серебряные полтинники!

Взяли теплую одежду, спирт, продовольствие. Может быть, наши товарищи разбились на порогах Бахапчи и сидят сейчас

там голодные и холодные. В их гибель не верится. Все здоровые, крепкие.

10 часов вечера. Ехали без единой остановки, но прошли не более шестидесяти километров. Навстречу дул сильный ветер, собаки шли плохо. Ночуем на открытом месте, в нагорной тундре. В палатке холодно, но все устали и уже спят. Не спит только Макар. Лежит с открытыми глазами и смотрит на меня. Почему-то от его взгляда мне неловко. Разве я в чем-то виноват?

20 ноября... 5 часов утра. Натаял снегу и вскипятил чай. Каюры сейчас пьют. Мне не хочется. Нужно выпить, а то замерзну, мороз градусов под шестьдесят. Чувствую себя неважно, всю ночь не мог уснуть.

11 часов вечера. Сидим в новом, пахнущем смолой элекчанском зимовье. Жарко натоплено. Бертин и Казанли поят нас крепким чаем, угощают разогретой тушенкой и горячими лепешками. Разговор не клеится. Все понятно и так.

О прошедшем дне.

С утра ехали густым лесом, растущим по берегам реки Олы. Потом вышли на чистый, чуть запорошенный снегом лед. Моя упряжка шла первой. Двигались быстро. Собаки скользили, падали и, вскочив, рысили дальше, оставив остальные упряжки далеко позади.

Где-то в полдень меня нагнал Макар, и наши нарты пошли почти рядом, моя — только чуть впереди.

Неожиданно над нами пролетела кедровка. Собаки встретились и понеслись во всю прыть. Упиваясь быстрой ездой, я не тормозил нарту, криком подбадривал упряжку, и она неслась еще быстрее. Вдруг глухой звук взрыва, собачий визг, толчок, — и нарта повисла над провалом льда. Под нами взорвалась речная наледь. Я замер над мчавшимся подо мной бурным потоком воды, изумленно следя, как скользят в эту яму передние собаки, стаскивая туда и остальных. Макар, остановив свою упряжку, стремительно перескочил на другую сторону ледяного провала, ухватился за нарту. Его команда «Прыгай сюда!» прозвучала уже

после моего прыжка. Рванув нарту на себя, мы выволокли собак на лед.

Когда снова шагом тронулись в путь, Макар недовольно ворчал:

— Худое место держать надо... Ездить не умеешь, зачем нарту взял?

Я долго старался сообразить, как угадать среди чистого поля льда «худое место», но так и не решил эту задачу.

Спустя несколько часов мы пересекли кривун реки напрямик через лес. Дорожка была извилистая, заваленная буреломом. Большую часть времени пришлось бежать, поддерживая нарту и перескакивая то на одну ее сторону, то на другую. Макар тоже бежал за своей упряжкой. Когда снова через час-полтора мы выехали на лед, ласково похвалил меня:

— Когда ездить учился? Свою нарту купить надо.

Будто это и не он говорил, что я ездить не умею.

Короче говоря, день был с приключениями. Дорога напоминала джек-лондонскую эпопею: посвист ветра, мельканье собачьих лап на льду, монотонная песня полозьев и — белое безмолвие.

До порогов осталось километров сто пятьдесят. Там, по рассказам, живет какой-то якут, может быть, он знает о нашем отряде.

Казанли просится ехать с нами, доказывает, что в направлении бахапчинских порогов ему нужно установить несколько астропунктов. Это только предлог.

21 ноября... Прошли километров двадцать. Глубокий снег и беспрерывная пурга.

22 ноября... Добрались до Малтана. На тополях видели несколько затесов с одинаковыми надписями химическим карандашом: «28/VIII-28 г. Отсюда состоялся первый пробный сплав. Билибин, Раковский, Дураков, Алехин, Чистяков, Лунеко».

Возле тополей остановились на ночлег. Ночь тихая и звездная. Морозно. По Цельсию 56 градусов. Ртуть в термометре Казанли превратилась в твердый шарик. Дима все же остается верен

астрономии. И меня втянул в это дело, помогаю ему производить астрономические определения. Я сижу на ящике, склонившись над хронометром. Держу бутылку с отбитым дном, в которую вставлена свеча, и вместе со стрелкой отсчитываю секунды. Дима с секстантом в руках стоит в стороне. Заглядывая в окуляр, он следит за не видимым невооруженным глазом движением звезды и командует:

— Приготовсь!.. Есть!.. Есть!..

Потом, положив секстант на снег, быстро ходит взад и вперед, потирая руки и с шумом выдыхая из легких воздух. Наконец, ходить ему надоедает, и мы начинаем снова. Вдруг обнаруживается, что ртуть в искусственном «горизонте» замерзла. Идем в палатку, греемся сами и разогреваем на «буржуйке» ртуть. Затем все повторяется сначала. И так много раз. Скоро утро, а мы только закончили. Теперь надо бы соснуть хоть пару часов, но меня опять мучает бессонница. Дима не понимает, что это такое. Уже спит. Макар тоже вроде уснул.

Не могу представить, что наших уже нет. Невозможно такое даже предположить.

Ветер начинает посвистывать. Кажется, снова запуржит...»

Геолком, чьей экспедицией официально являлась экспедиция Билибина, никаких надежд на нее, как я уже говорил, не возлагал и ее организации в Ленинграде всячески препятствовал, считая Билибина, несмотря на его алданские открытия, молодым авантюристом, а его колымскую затею — предприятием, заведомо обреченным на провал. Она, то есть экспедиция, состоялась только благодаря энергии самого Билибина и нажиму поверившего ему Александра Павловича Серебровского — члена ЦК ВКП(б) и начальника Главзолота, действовавшего от имени ВСНХ, и то лишь после того, как Главзолото, используя фонды Дальзолота, перевело на счет Геолкома 650 тысяч рублей с одним целевым назначением — на финансирование экспедиции Билибина.

Со стороны Геолкома это была уступка, но, повторяю, отнюдь не вера в успех предприятия. Правда, некоторые члены Геолкома Юрия Александровича все же поддерживали, но большого веса они не имели. Безоговорочно верил тогда в собственную удачу, пожалуй, только сам Билибин. Однако и у него уже на Колыме наступил момент, когда он на некоторое время растерялся. Нет, в том, что промышленное золото на Колыме есть, он не усомнился, но выпадет ли счастье открыть его именно ему, тут Юрий Александрович — случился момент — заколебался.

Уж очень суеверен был наш дорогой Юрий Александрович.

Из Олы вышли 12 августа, в воскресенье. Вышли в проливной дождь, чтобы не терять время на ожидание вторника. А то кто же начинает серьезное дело в понедельник? Спросите любого моряка: выйдет ли он в море в понедельник? Да хоть режь его, дальше внешнего рейда гавани в понедельник не двинется. Что он, враг себе? А геологи разве глупее моряков? Как бы не так.

Пройти, однако, удалось всего пять километров. Вдруг занемог тунгус Спиридон Амамич. Он попутно с отрядом Билибина шел к месту своего жительства на реке Чаха и вот занемог, а утром следующего дня умер. Пришлось составлять протокол и двоим, Билибину и Раковскому, возвращаться в Олу, чтобы в тузРИКе засвидетельствовать факт естественной смерти.

Тринадцатое число, понедельник, возвращение и в довершение всего мертвец. Такое стечение дурных примет и в кошмарном сне не привидится.

Загрустил Юрий Александрович и, вернувшись в Олу, не двинулся опять в путь до пятнадцатого. Чтобы хоть среда смягчила эти пакостные приметы. Оно бы, конечно, полагалось дожидаться семнадцатого, которое выпадало как раз на пятницу. Семерка в числе и пятница — счастливое совпадение, как и среда с семеркой. Но люди в тайге ждали, надо было поспешать. И Юрий Александрович, зажав большой палец левой руки в кулак, не разжал его, пока не прошагал все пять километров до вынужденной остановки. Чтобы и этим еще чуток смягчить удар дурных примет...

Листки из тетради Сергея Дмитриевича Раковского:

«17 августа (пятница!)... Будем считать, что место смерти Спиридона Амамича — наш таежный рейд, а настоящий поход к Среднекану начался только сегодня, в пятницу, семнадцатого. Так сказал Юрий Александрович и так оно есть.

За день прошли тридцать семь километров. Дорога, вернее, тропа все время шла кочкастой марью¹ с редкой и мелкой листовницей. Везде много спелой голубики, которая занимает большие пространства, поросшие сизоватым мхом, буро-зеленой травой и полыхающим ало-розовым пламенем ерником. Красота необыкновенная, особенно оттого, что день после недавних ливней выдался наконец ясный. Кажется, взмахни рукой, и воздух зазвонит. А небо такое синее, будто над нами туго натянутый шатер из блестящего синего шелка. И бегущие от безветрия в разные стороны клочки белых и легких, как пух, облачков. Слово под синим шатром дымки расплываются.

Видно далеко-далеко. Если бы еще ноги не вязли в противной жиже, можно было бы подумать, что в какую-то сказку попали.

В полдень перевалили удивительный хребет Джал-Урахчан², который издали казался цепью розовато-сизо-серых стогов. Над ними там и тут причудливыми столбами торчат то ало-серые, то совершенно алые в лучах солнца гольцы. В высоту над хребтом они поднимаются на 300—400 метров, но отдельные пики достигают, наверное, полутора и даже двух километров.

Удивительность этого Джал-Урахчана в том, что у него нет никакого предгорья, никаких увалов; сразу — ввысь! Узкая тропинка вела на перевал так круто, что лошади вскарабкивались на очередной уступ с большим трудом.

Сейчас мы расположились на берегу речки Чаха, куда шел

¹ В отличие от известной травы в умеренном поясе, на Дальнем Востоке и Севере марью называют болотистую, но относительно проходимую таежную равнину.

² Ныне горная цепь имени Билибина.

бедняга Спиридон. Еще не сумерки, и впереди виден новый хребет — цепь могучих округлых гор. То и есть знаменитый Колымский, или Яблоновый, хребет, с которого в нашу сторону течет река Ола, а туда, на запад, — Малтан. До него еще далеко, но прозрачность воздуха такая, что видно вперед на добрую сотню километров, если не больше.

Жизнь прекрасная и для всех нас, кроме Билибина, новая. Все концы старательского бродяжничества обрублены навсегда. Теперь мы — сила, люди, за спиной которых — государство. Следовательно, и жить отныне мы должны соответственно, тем более под началом такого руководителя, как наш Юрий Александрович. Замечательный он человек. И действительно наш, таежный, хотя и ленинградец. Редко такое случается, чтобы горожанин в тайге чувствовал себя как дома. Я и то после Иркутска в артели Дуракова порядочно обвыкался, а он, Юрий Александрович, и на Алдане и здесь будто жил-поживал годами.

19 августа... Перешли на другую тропу, которая ведет вверх по реке Ола. Макар называет эту тропу Бахапчинской¹.

Размеренным шагом идем по разноцветным галечникам в среднем по четыре километра в час. Билибин все время впереди, будто не Макар у нас проводник, а он, Юрий Александрович. Иногда опережает нас на километр-полтора, потом сидит на камне, ждет, покуривая трубку. Когда мы подходим к нему, улыбается:

— Ну, что, догоры, передохнете?

Мы, ясное дело, отказываемся.

Интересно ведет себя Демка. Он то трусит следом за Юрием Александровичем, то, опомнившись вдруг, во всю прыть летит назад, к Степану. Виновато потрется о его ногу, твякнет раз-другой и снова — галопом вперед: зовет догонять Билибина. Лунeko дал ему за это другую кличку — Связной.

Умный псина. Понимает, что все мы здесь свои, но все же

¹ Ныне тропа Билибина.

хозяин у него один — Дураков. А Степан Степанович вроде и внимания на него не обращает, дымит себе в бородищу.

Хорошо на душе сейчас, вольно. В голове мечты всякие бродят. Вот откроем золото... И не знаю, что тогда будет, но будет славно, это уж точно. Я институт заочно закончу, ребята — техникум. А что, молодые еще, один Степаныч тридцатку разменял. Говорит поэтому, якобы учиться ему поздно, таежной наукой обойдется. Оно так, допустим, но что значит поздно? Учиться-то никогда не поздно. Конечно, под началом Билибина мы и так все геологами станем, но дипломы все равно нужны.

Еще мечта у меня переженить ребят. Чтобы жены детишек всем нарожали. А то как же? Взять того же Юрия Александровича. Ему без прямых наследников никак нельзя. Должен же он кому-то башковитость свою передать. И Степан — мужик на загляденье, будто дядька Черномор твой. Да и остальные не лыком шиты. Ваня Алехин — что тебе гусар, удалец хоть куда, Дима Чистяков — основательный человецище, а про Лунeko и говорить нечего — бравый парняга, хоть и егоза. Не только Демку в Свяznego перекрестил, и до нас всех добрался. Меня, к примеру, и без того все Длинным Носом называют, так он еще Догорсаху приплел. Это за то, что я с якутами дружбу вожу и язык их понимаю.

Макар — Амакадогор, что значит Друг Медведя. Билибин — Батырбиллирик, то есть Почетный Богатырь, но это совсем неправильно. Биллирик — место почетное, а не человек. Тогда бы уж надо Улаханбатыр или, как сказал Макар, Батыркыхылбыт-тыхтах — Краснобородый Богатырь.

Ладно, пусть тешится. Может, язык якутский так понимать научится, и то польза.

...Не пойму, почему на Колыме хребет Яблоновым назвали. Ведь никаких яблок здесь и в помине нет. Или потому, что горы его округлые и как раз в это время все в полыхающем ернике. По цвету, можно сказать, на румяные яблоки схожи. Но кто его знает...

21 августа... Перевалили через Яблоновый хребет. Собственно,

после Джал-Урахчана никакого перевала мы здесь не почувствовали. Просто тропа плавно поднимается вверх и так же плавно опускается вниз. Билибин говорит, что когда будут строить дорогу от Охотского побережья в район Верхней Колымы, она должна будет пройти именно здесь¹.

22 августа... Такие вот пироги: прибыли к месту сплава в среду! Ура и еще раз ура!

Теперь — даешь плоты! Сухостоя по берегам Малтана тут много и лиственницы крупные, для плотов в самый раз.

Все! Карандаш пока в сторону...

29 августа... Вчера простились с Макаром, его сыном и Иваном Белугиным, которые помогали ему управляться с лошадьми. Макар долго сидел на берегу и сквозь слезы тянул свою якутскую песню:

Большая да большая, страшная река Бахапча,
Плохие да плохие пороги в ущелье,
Бедные да бедные русские, однако,
Все покойники будут...

У нас два плота: четыре метра на десять и четыре на двенадцать. В каждом по шестнадцати сухих бревен. Скреплены хорошо.

Большой плот ведем мы с Дураковым. Нам помогает Лунeko. На втором плоту кормчими Билибин и Чистяков. Помощником у них Алехин. Демка постоянной «прописки» не имеет: то с нами сидит, то, улучив момент, перескакивает к Билибину. Чтоб никого не обидеть, наверное, своим пристрастием к одной компании.

Малтан течет быстро, но спокойно. Берега красивые, крутые и лесистые. На лиственницы упала первая золотинка — осень идет.

30 августа... Смиренький Малтан устроил нам веселую жизнь. Ожидали страшных бахапчинских порогов и к нему отнеслись с

¹ Позже так и случилось. Хотя вариантов будущей автотрассы через Яблоновый хребет предлагалось много, дорожники в конце концов остановились на том, который предлагал Билибин. Он во всех отношениях оказался самым удобным.

полным доверием, а он сам, оказывается, фортели умеет выкидывать.

Возле устья берега вдруг сузились и превратились в хмурое ущелье. Вода то мирно журчала, а тут понеслась с оглушительным ревом. Впереди она кипела и клубилась белыми хлопьями пены. Сначала мы приняли эту пену за обыкновенный бурун и плоты не тормозили. Сидим, покуриваем, потом смотрим — черные лбы в пене. Пороги! Вся река перегорожена здоровенными валунами. Хорошо, что Дураков вовремя заметил справа протоку, мы успели свернуть в нее.

О малтанском пороге нас никто не предупреждал, и мы единогласно решили окрестить его Неожиданным.

В протоке намучились. Она сплошь в перекатах. Плоты пришлось тащить по пояс, а то и по грудь в ледяной воде. Так как я считаю начхозом отряда, то выдал по этому случаю по двойной порции «чистого». Мной, однако, остались недовольны. Просили еще. Я сказал:

— Все, расходный кончился, «энзэ» трогать не буду!

6 сентября... Уже неделю плывем по Бахапче. Пустынно, сурово, по бокам у нас гранитные берега. Кое-где стоят полуобсыпавшиеся тоненькие лиственницы и зеленеют кусты стланика. Зелень тусклая, уже прихвачена осенью. Трава тоже совсем осенняя: бледно-желтая. Кругом тишина и промозглая сырость.

Мы стараемся идти по центру реки. Она не очень широкая, метров сто — сто двадцать. Течение быстрое и бурное. Часто попадают водовороты и шиверы. Есть и мели.

Пережили очередные страсти. Поздно вечером наш плот сел на скрытый под водой камень. Пока мы возились с ним, нас догнал плот Билибина. Когда он проплывал мимо, Билибин вдруг крикнул:

— Медведи!

Мы, конечно, моментально снялись с «якоря» и снова вырвались вперед. Смотрим: на берегу в тумане два медведя. Я вски-

нул винчестер и только хотел нажать на курок, как в эту минуту порывом ветра сорвало дымку и стало ясно видно, что это люди. Меня даже в холодный пот бросило, кричу что есть силы:

— Не стреляйте, не медведи это — люди!

А те увидели нас и, не подозревая, что им грозило, тоже давай кричать:

— Кёр, кёр, догор! Тас бар — смотри, смотри, камень!

И тут плот Билибина налетел на шиверу.

В общем, все обошлось благополучно, только на билибинском плоту весь груз замочило. Шиверу, на которую они налетели, в честь чуть не разыгравшейся тут трагедии назвали порогом Двух медведей.

Сидим на берегу, сушим груз и разговариваем с нашими «медведями». Это якут Амосов и его сын. Они здесь живут в юрте. Оба не понимают по-русски ни слова. Я переводчик. Старик говорит, что до основных порогов осталось три кёса, километров двадцать. Билибин спросил, плавал ли он там. Мотает головой и, заикаясь, кричит мне в ужасе:

— Суол суох! Бары ага еллэхит! Дороги нет! Все утонете!

8 сентября... Вот оно, наше страшилище! Камень на камне. От рева воды ломит уши. Ключья пены, кажется, висят в воздухе, так сильно здесь кипение бурунов. Река зажата в узком сумрачном коридоре. Скалы падают в воду отвесно. Они совершенно голые, темно-свинцового цвета. Если стоять у подножия скалы, то над головой видишь только полоску неба. По нему ползут тяжелые серые тучи. Временами они ложатся на вершины утесов, и тогда в ущелье становится темно, как поздним вечером. Длину ущелья определить трудно, его конца не видно.

Нас пугали не зря. Будем все же рисковать. Кто не рискует, тот не выигрывает.

9 сентября... Утро. Товарищи еще спят. Я поднялся первым. Погода стоит хорошая. Светит солнце. На душе немножко тревожно — скоро начнется сплав. Мы нормально отдохнули, и все должно обойтись благополучно. Сомневаться в удаче мы не имеем права.

Раньше я и не сомневался, а теперь вдруг стало страшно. Целую ночь снились всякие кошмары.

Вечер. Прошли пять порогов. Окрестили их по нашим именам: Ивановский, Степановский, Михайловский, Юрьевский. Пятый порог был самый длинный, и в честь моего носа его назвали Сергеевским. На нем мы чуть не погибли. Мы с Дураковым шли впереди и застряли на камнях, а позади несся плот Билибина. Наскочит — расшибется сам и нас разобьет вдребезги. Начали лихорадочно пилить бревна. Отпилили часть сбоку — плот сдвинулся, пошел дальше, но много потеряли всякого добра.

На камни садились трижды. Снимались с большим трудом. Нужно было залезать по плечи в воду и толкать плоты впереди себя, а течение бешеное, удержаться на ногах нет никакой возможности. Если говорить честно, то живы мы остались случайно, а еще честнее — единственно благодаря Дуракову. Наши «корабли» мы рубили под его руководством, и он устроил их так, что они сидят в воде всего на несколько сантиметров. Налетают на камень с силой страшной, но удар получается слабый. Из-за маленькой осадки бревна не ударяются о камень в лоб, а выскакивают на него и скользят.

В руках у Степана Степановича вроде ничего не горит, а выходит быстро, и если сделает — будь спокоен! И слово у него такое: сказал — закон!

Сегодня у нашего Степаныча несчастье. Сидит, пьет чай и губы дрожат. Куда-то пропал его Демка. Видно, утром он замешкался где-то в тайге и не поспел к отплытию, а мы думали только о порогах и не углядели. Билибинцы считали, что он на нашем плоту, а мы решили, что он у них. Степана всем жаль. Кроме Демки, у него никого нет. Главное, мы не можем против течения вернуться назад, чтобы поискать его. И он нас не догонит, по обе стороны реки прижимы, нет прохода даже для собаки.

Траурно молчим. Седьмого товарища потеряли.

10 сентября... Плывем с неплохой скоростью и без приключений. В Колыму впадает много притоков. По схеме, которую нам

дали Кылланах и Макар, определить все не можем. Знаем, что должны быть две большие реки: Таскан и нужный нам Среднекан, не считая мелкой между ними Мылги. Даем неузнанным речкам свои названия. Одну назвали Утиной — там было много уток, другую — Запятой, так как ошибочно приняли ее за Среднекан. Кылланах и Макар говорили, что в устье Среднекана большие камни, а здесь только несколько маленьких порошков.

12 сентября... Новое устье. Как будто Среднекан. На берегу опять увидели человека. Оказалось, известный на Колыме охотник, древний старик Дягилев. Убегал от нас, я едва догнал. Спрашиваю:

— Это Среднекан?

Трясется весь:

— Хиринникан... Хиринникан...

Напугали несчастного.

Угостили старика чаем. Он попил, собрал в платок все, что дали ему к чаю, и «ча, прощай, догор». Ушел в тайгу, так ничего и не сказав.

Падает снег.

14 сентября... Идем с котомками по талому снегу. Нужно найти место для зимовки. Идти очень трудно. Юрий Александрович поднимает дух, читает нам Омара Хайяма и сам сочиняет:

Колыма, ты Колыма,
Чудная планета!
Двенадцать месяцев — зима,
Остальное — лето¹.

С ним весело, всегда весело.

17 сентября... Решили остановиться в устье какого-то ручья, окрестив его Безымьянным. Лес для зимовья тут приличный. И дров много, сушняк больше, чем живых лиственниц...

¹ Мимоходом бросив своим спутникам это четверостишие, вряд ли Билибин подозревал, что со временем оно станет как бы народной шутилкой о Колыме, которую сейчас знает каждый колымчанин.

Попили чаю, закусили и вчетвером (Билибин, Лунeko, Алехин и я), оставив на стоянке Дуракова с Чистяковым сторожить имущество, двинулись дальше вверх по ручью. Где-то здесь должны быть старатели, о которых нам говорили в Оле.

Скоро действительно увидели свежие шурфы, вернее, кое-как беспорядочно вырытые ямы. Услышав наши шаги, из одной из них шустро выскочил старик с жиденькой бородкой и раскосыми, черными, как угли, восточными глазами. Мы сначала приняли его за хабаровского корейца, но он оказался знаменитым Сафейкой Гайфуллиным. Все сносу ему нет, лет уже под семьдесят, а бегает, как рысак. Сказал, что на этот раз он пришел сюда с артелью Сологуба, с которым тут работают Канов, Бовыкин¹ и еще несколько человек из Олы и Ямска.

Билибин спросил о корейцах и Туркине.

— Турка с корейца и китайца там, — махнул он рукой в сторону верховьев ручья.

Сологуб принял нас в своем зимовье вроде как радушно, даже в баньке попариться предложил. Нашел дураков, мы — в баню, а они — за наши ружья. Потом уже разговор другой, слюнявиться не станут.

— Благодарствуйте, нынче мы снежком продраились.

— Ну, смотрите, мое дело — предложить.

На том и расстались.

По нашим наметкам, вместе с корейцами и китайцами всего люду здесь должно быть десятка четыре. Корейцы с китайцами не в счет («мы — нейтральна»), а сологубовцы и туркинцы — народец аховый. Туркина я еще по Алдану знаю. Этот приморский людоед на всю тайгу нашумел, от Приморья до Бодайбо и Алдана.

Прогнать их отсюда мы не можем, силы сейчас не хватит,

¹ Те самые Иван Бовыкин и Михаил Канов, по прозвищу Свищ, которые в 1923 году «объявили себя» Советами на Колыме и удерживали в своих руках власть вплоть до 1926 года, когда в Оле наконец был создан тузРИК.

да прогнать и не стоит. Нужно заставить их сдавать все намытое золото нам по госцене.

Посмотрим...

Туркина с его братией встретили километрах в пяти от сологубовцев. Увидев нас и не ответив на приветствие, ленивенько так пошел к ручью.

— Как золото? — спрашиваю.

Напустил на себя блатное удивление. Мнет в пальцах камушек и смотрит на меня так, словно впервые встретил. А я же его насквозь вижу. Винчестер мой ему глаза мозолит. Он у меня на груди, а его оружие, наверное, в бараке было, только нож на поясе висит. Имел бы он при себе свой маузер, не так бы на нас посмотрел. Но я сделал вид, будто не понял его мимики, снова ему вопрос:

— Не ходил выше по ручью, лес там еще есть?

Опять плечами пожимает. Но тут вступили в разговор его люди. Сказали, что лес есть, и спросили, кто мы такие.

— Экспедиция, — говорю.

— Какая такая экспедиция?

— Государственная.

— Золото искать, что ли?

— Не глазки же золотые.

— И что, тут остановитесь?

— Где остановимся, туда в гости милости просим.

Такой получился у нас разговор. Я говорил и недвусмысленно поправлял на груди винчестер, а товарищи стояли в стороне и наблюдали. Эти головорезы прекрасно знают, кто мы такие. Простачков разыграли.

Жить, в общем, придется в соседстве с волками, но выть по-волчьи мы не будем. Они — сброд, землю пришли сюда грабить, а мы посланы государством, на нашей стороне право. Им на закон, конечно, наплевать, но постоять и за себя и за землю мы как-нибудь сумеем. Хотя нас и мало пока здесь, зато мы тут хозяева. Пусть зарубят это себе на носу раз и навсегда.

21 сентября... Перетаскивали к месту базировки все свое имущество и начали рубить барак. Хозяйством и строительством занимаются рабочие под началом Степаныча, а мы с Билибиным уже ведем поиски. Золото пока не ахти какое, мелкое. Юрий Александрович говорит, что это пока не основной участок россыпи, золото покрупнее должно быть выше по ручью. Старатели этого не понимают, потому и увязли на охвостьях россыпи. Думают, где больше воды, там больше и золота, а оно, если по науке, выходит наоборот. Россыпь-то начинается с коренных жил, значит, чем ближе к жилам, тем золото увесистей. И хорошо, что туркинцам это не приходит в голову.

Все соседи присмирели. Спят в две дырки, но здороваются и к Билибину обращаются по имени-отчеству. Я никогда не думал, что Юрий Александрович умеет разговаривать с людьми так сухо и официально. С этими он на такой ноге, что они боятся его больше, чем моего винчестера.

Мучаемся с посудой. На бахапчинских порогах потеряли все ведра и ложки. Из посуды остались только кружки, один чайник и трехлитровая кастрюля. Обед приходится готовить дважды. И «буржуйка» наша утонула на Бахапче. В палатке жуткая холодина.

На Бахапче мы потеряли три ящика с консервами, два мешка муки и почти весь сахар. А наши товарищи должны прийти сюда не раньше декабря. Продуктов до того времени не хватит никак. И, как всегда, вступил в действие известный закон подлости: когда дичь не особенно нужна, ее много, а если нужна позарез, ее нет. Завалить бы хоть одного медведя, и проблема была бы решена. Но косолапые уже спят, и где их берлоги — неизвестно. Поэтому нужно добывать белок, однако их здесь тоже мало. Два отличных стрелка за шесть дней добыли всего полсотни — это ерунда. Чтобы без хлеба досыта наесться беличьим мясом, одному человеку зараз нужно 3—4 тушки, или 9—12 тушек в день. Значит, того, что добыли Чистяков и Алехин, на шестерых не хватит и на неделю.

Эх, жизнь ты наша таежная!

Ну, ничего, как-нибудь выкрутимся. Не впервой...

12 октября... Сделал себе лоток и за охотничий нож выменял у корейцев пятилитровую жестяную банку для кипячения воды.

Артель Туркина при мне смыла 180 лотков, намыла 166 граммов металла. У корейцев, с которыми работают и китайцы, золото идет хуже.

Все думаю о нем, проклятом желтом идоле. Ну, мы — дело понятное, нас послало сюда государство. А для чего я загубил пять лет в артели Степаныча? Работали каторжно, намывали тысячи, и все — сквозь пальцы! И эти туркинцы, да и он сам, Турка безмозглая. Для чего? Чтоб гульнуть?

Вольдемар Бертин не представляет, как я ему сейчас благодарен! До моей башки дошло главное: государство нынче — это все мы, вместе взятые, стало быть, работать не покладая рук надежнее всего только для общества. Сильно общество — силен я, богато общество — богат я. Арифметика — как дважды два. Но как же все-таки трудно было дойти до такой простой, прямо-таки азбучной истины!

20 октября... Бьем шурфы. Земля уже окаменела. Морозы с каждым днем сильнее. Вчера было 16 градусов, ночью перевалило за 30, сейчас — 43.

В бараке сделал печь каменную и трубу каменную. Топит хорошо.

У Юрия Александровича, кажется, температура. Шутит и с остервенением долбит кайлом землю, но глаза подозрительно воспалены. Этой ночью во сне разговаривал. Встал раньше всех, сидел на чурке и о чем-то думал, курил. Переживает. Наше положение действительно плоховато.

25 октября... Утром в градуснике замерзла ртуть. Сделал приспособление из разных смесей воды и спирта для измерения температуры. Действует нормально.

У Юрия Александровича лихорадка. Никого не слушает, работает каждый день. Дураков заставил его выпить горячего спирта. Немного ожил.

28 октября... По случаю воскресенья ходили с Дураковым на охоту. Принесли всего пять белок. Если уж не везет, так не везет, черт бы его побрал.

7 ноября... Годовщина Октябрьской революции. По этому поводу в бараке хабаровских корейцев (он самый большой) собрали старателей. Побычились, но пришли все. Получилось вроде производственного совещания.

— Сегодня,— сказал Юрий Александрович,— одиннадцатая годовщина нашего рабоче-крестьянского государства. Как видите, те, кто пророчил ему скорую гибель, в своих расчетах ошиблись. Страна Советов живет и крепнет. Ей принадлежит здесь все, земля, ее недра и все мы с вами. Поэтому отныне все намытое золото должно идти в государственную кассу, за которое вы, старатели, будете получать установленную государством же цену — по полтора рубля за грамм металла...

Туркин чвиркнул слюной:

— Чихать мне на ваше государство!

Юрий Александрович ответил спокойно:

— Прошу вас удалиться.

— Чаво?!

— Помещение, говорю, освободите.

— А может, я не жалаю?

— Мы желаем.

Старатели притихли. Туркина никто не поддержал. Ушел. Сам себя оплевал. Акт на сдачу золота все подписали.

10 ноября... Продолжаем шурфовку. Мороз 50 градусов. Ночью вокруг луны было сияние. Наверное, к перемене погоды. Тайга вся в изморози, тихая и красивая.

Едим раз в сутки. На обед расходуем банку тушенки и граммов двести муки. Пару недель, может, продержимся. Корейцы говорят, что где-то в этом районе есть две павшие лошади. Хотят идти туда и жить там в палатках. Думают обеспечить себя пищей дней на двадцать.

Предложил проект устройства промывалок для шлихов.

14 ноября... Мороз 60 градусов. Золота с каждым днем промываем все меньше. Солнца уже не видно, оно освещает только противоположные горы.

Окончательно обносились. Вид у всех, как у цирковых клоунов. На мне, например, брезентовые брюки, у которых одна штанина сантиметров на тридцать короче другой. Отрезал от нее кусок, чтобы положить заплату на ягодицу. Сегодня зашью, а завтра опять дыра. И непременно на новом месте. В Оле я проникся уважением к их брезенту и запасных не взял, теперь нахожусь в предкатастрофическом состоянии. Кальсоны тоже ведут себя не очень честно.

С обувью не лучше. Сапоги давно развалились. Ходим в торбазах. Голенища скроили из рюкзаков, подошвы — из войлока. Дураков оказался предусмотрительным, захватил в Оле для этой цели два лошадиных потника. Сейчас и торбаза в аварийном положении. Если не продержатся до прихода Цареградского, придется расстаться с моей курткой. Кожа на ней прочная и мех хороший, можно на всех сшить таежные постолы. Но тогда мне оставаться в одном пиджачишке, что, конечно, при таких морозах невозможно.

20 ноября... Замерзла смесь воды и спирта. Значит, мороз за 60 градусов. Работы приостановились. Тушенки на хозяйстве десять банок, артель Туркина тоже голодает...

Сидим в бараке, говорим о будущей золотой промышленности Колымы. По мнению Юрия Александровича, золото здесь есть на всех впадающих в Колыму реках и ручьях, но за лето его много не возьмешь. А если торфа¹ оттаивать зимой пожарами, как сейчас, за несколько лет тут колышка не останется, всю тайгу

¹ Торфами золотодобытчики называют верхние осадочные породы, залегающие над золотоносными песками (породами). Этот верхний «пустой» слой земли может достигать в толщину нескольких метров, в зависимости от того, при каких условиях образовалась россыпь и каков ее геологический возраст.

спалют, и тогда весь громадный край превратится в голую пустыню. С другой стороны, восемь — девять зимних месяцев ничего не делать тоже нельзя. Народ от безделья морально будет разлагаться.

Значит, выход один: в холодное время вскрыша торфов взрывами, потом на подготовленные за зиму полигоны — драги. А там, где драги не пройдут — все-таки это здоровенные махины, — крупные промывочные установки промышленного типа. Чтобы золотоносные пески шли на промывку непрерывным потоком. Тогда работы хватит на круглый год и людей потребуется сравнительно немного...

Эх, дожить бы!.. Хотя чего это я кисну? Известно, доживем. Еще как доживем!

21 ноября... Сафейка Гайфуллин сказал, что верстах в шестидесяти отсюда есть якутский поселок Сеймчан — «Моя ходил, моя знает». Может, там удастся раздобыть каких-нибудь продуктов. Кинул идею Юрию Александровичу, он горячо поддержал и сам хочет идти. Подождем все же немного. Вдруг наши пойдутся.

1 декабря... Наших нет. Билибин, Дураков и Сафейка Гайфуллин ушли в Сеймчан. Сделали для них большие промысловые нарты в надежде, что в Сеймчане нагрузят их провизией.

Мороз немного спал — 57 градусов. Пытаемся продолжать шурфовку, но очень тяжело. От голода дрожит все тело и мутно в глазах.

4 декабря... Наших нет. Ходили с Алехиным на охоту. Ничего не убили. Последнюю горсть муки израсходовали вчера. Сварили из нее жидкую баланду с четырьмя беличьими тушками, которые взяли с крыши барака. Их теперь тоже надо экономить.

7 декабря... Вернулись хабаровчане. Лошадей съели, завтра принимаются за собаку Собольку. Билибин, Степаныч и Сафейка что-то задерживаются. Где они — неизвестно.

Цареградский уже должен был прибыть. Почему и он задерживается, тоже не знаем.

Работать нет сил. Для поднятия настроения поочередно читаем вслух книгу Юрия Александровича — северные рассказы Джека Лондона. Трудно сказать, какой рассказ лучше, но «Любовь к жизни» потрясает больше всех. Как это верно сказано: «Надежда не хочет считаться с опытом». Потерять надежду, значит, терять все. Мы не можем, не должны ее терять. И, несмотря на все, нужно работать, работать хоть понемногу, пока окончательно не утратишь способность двигаться. Только это и дает ощущение жизни, твоей нужности делу, а дело — всему голова.

9 декабря... Утром Чистяков и Алехин ушли на охоту. Мы с Лунеко четыре часа работали, вернее, пытались работать, потом похлебали беличьего бульона и сейчас сидим отдыхаем. Миша читает, а я вот пишу.

Мороз свирепый, но тихо. Все будто вымерло.

10 декабря... От Собольки у хабаровчан осталось на одно варево. Артель Туркина ругает их за жадность. В Собольке было фунтов 30, действительно могли бы поделиться. Мы же отдали туркинцам половину своих белок.

11 декабря... Пришли наши охотники. За два дня всего девять белок и четыре кедровки. Другой дичи не попадалось.

Билибин, Дураков и Сафейка все еще не возвращаются. Не так-то легко, видно, приводить в исполнение свои намерения. Всегда могут возникнуть неожиданные препятствия. Тайга-матушка!

Скверно! Хоть бы Цареградский скорее прибыл.

Начинают шататься зубы и кровоточат десны... Цинга.

12 декабря... Вернулись наши из Сеймчана. Ничего не привезли, привели только двух лошадей. В Сеймчане прошел какой-то мор, от которого погибли все олени. В стойбище голодно. Живет там якутка Жукова Анастасия Трофимовна, родившаяся еще при Александре Первом, современница Пушкина. Хорошо помнит того купца Петра Калинкина, который открыл ольско-колымскую тропу, говорит, что видела Розенфельда. Тот ее все расспрашивал и записывал что-то в книжку. Хлеба в глаза никогда не ви-

дела и просит, когда придет наш транспорт, показать, что это такое.

Билибин и Дураков сильно обморозились. Пришли еле живые, говорят, на всем пути очень глубокий сыпучий снег. Юрия Александровича снова треплет лихорадка. Глаза ввалились и покраснели. На ногах держится с трудом.

Одну лошадь застрелили и раздали мясо. Себе взяли голову и ногу. Старатели растрогались, даже Туркин расчувствовался. Таскается за Билибиным и назойливо просит прощения. Юрий Александрович сердится, гонит его от себя. Понятно, у нас еще одна лошадь, есть надежда поживиться впредь.

16 декабря... Мороз начал сдавать — 45 градусов. Ходил вверх по Безымянному, смотрел капканы и пасти. Пусто.

Старатели с голодухи набросились на конину и уже всю сожрали. Сегодня пришлось пристрелить вторую лошадь.

20 декабря... Распределили остатки потрохов между артелями. Продержимся не больше недели. Если к тому времени транспорт не придет, всем нам здесь крышка... Скучно делается.

26 декабря... Вчера на рассвете прибежал запыхавшийся Сафейка.

— Моя проиграл, Билибу — тоже! Турка проиграл.

Мы долго не могли понять, что он в таком волнении выкрикивает. Трясется весь и лопочет не пойми что:

— Всю ночь играл, золото играл, потом моя играл, Билибу играл, все проиграл.

Наконец, до нас дошло. Артель Туркина всю ночь резалась в карты. Сначала играли на укрытое от сдачи золото, потом поочередно поставили на кон Сафейку и Юрия Александровича. Туркин обоих проиграл. Теперь он должен их убить, чтобы сожрать всей артелью.

Когда подписывали акт на сдачу золота, Сологуб предупреждал меня, что с Билибиным такое может случиться, слишком круто он взял.

По словам Сафейки, о проигрыше ему сообщил Федька Клоп —

один из артельщиков Туркина, который затаил на того за что-то злобу и поэтому решил предупредить Сафейку. Сказал, что его, то есть Сафейку, проиграли за то, что он будто бы переметнулся к нам, водил Билибина и Дуракова в Сеймчан.

В первый момент мы растерялись. Нужно действовать, и действовать немедленно, но как? Вдруг сообщение Клопа наговор? И мы же не милиция, чтобы вести следствие.

Юрий Александрович махнул рукой: «Чепуха все это!» Но я знаю Туркина и тому, что рассказал Сафейка, поверил.

Когда рассвело, я зарядил винчестер и пошел к бараку Туркина, вызвал его на улицу. Вышел при маузере.

— Тебе чего? — спрашивает.

— На людей играешь?

— Тебя на кон пока не ставил, навару от твоих мослов мало-то будет.

Смеется гад и к маузеру тянется. Тут я понял, что все действительно всерьез. Раздумывать было некогда. Я выстрелил секундой раньше, чем его рука дотянулась до кобуры. Пуля срезала маузер, как бритвой. Потом я так же хотел сбить с него шапку, но больше стрелять не пришлось. Он увидел, как я обращаюсь с винчестером, и сообразил, что к нему пришли не в игрушки играть, стал нервно хихикать, мол, что это взбрело мне в голову, шуток я, что ли, не понимаю.

Знаем мы твои шуточки, людоед смердящий!

Услышав выстрел, ко мне уже бежали все наши. А туркинцы из барака и носа не показали. Всю артель мы разоружили, заодно изъяв сокрытое от сдачи золото. Сопротивления никто не оказал.

Главное, у бандюг перехватить инициативу, потом их голыми руками бери. Но что с ними теперь делать, понятия не имеем. Посадить всех восьмерых под арест — кормить будем обязаны. Прогнать с Безымянного — погибнут. И так все оставить нельзя, даже если предположить, что на людей они не всерьез играли. Тогда за укрывательство золота наказывать надо.

Носит же земля такую сволоту!

28 декабря... Все съедено, вывариваем лошадиные кости и кипятим чай из мха. Морозы снова усиливаются — 58 градусов. Что ни день, то бить шурфы труднее. Ослабли.

Старатели все работы бросили, вповалку валяются в бараках, ждут наш транспорт. На что же они надеялись, когда шли сюда? А если бы нас не было? Погнались за наживой, нам глотки готовились перерезать, и вот результат. Золото самотужкой не возьмешь. Пора бы это всем понять.

1 января 1929 года. Из веток стланика сделали елку, которую украсили разноцветными бумажками. Но радости мало. Лежим опухшие. Все прошедшие сутки пуржило, барак замело до крыши. Так теплее, но снег надо расчистить. Когда придет транспорт, нас могут не найти. Юрий Александрович улыбается. Улыбка понятна. Трудностей бывает много, и иногда от них крепко достается, но человек должен быть сильнее, на то он и человек...

2 января... Степан строгает топорича, жалуется на безделье. Были бы патроны, пошел бы, говорит, на охоту. Каждый день вспоминает Демку. Вспомнит, и по щекам катятся слезы. У него полуторааршинные плечи, и по сравнению со всеми нами он даже сейчас смотрится молодцом. Слезы ему не идут.

Юрий Александрович в который раз перечитывает Джека Лондона. Быстро устает и кладет книжку под голову. Вздыхает:

— Мужественный, товарищи, писатель был, надо на Колыме назвать что-нибудь его именем¹.

Скажет фразу-другую и долго о чем-то думает.

Алехин и Чистяков разговаривать уже не могут, делают вид, что спят.

Я лежу на верхних нарах и вижу всех. Мы давно не умывались,

¹ Именем Джека Лондона названо одно из самых красивых озер Колымы.

трудно натаивать снег. Все стали бородатыми. Лунеко среди нас самый молодой, и борода у него жиденькая. У Степана — могучая, у Алехина — клином. Чистяков отрастил окладистую и рыжую, как у Юрия Александровича. У меня — русая, растет клохьями. Одежда на всех одинаковая — лохмотья неопределенного цвета. И глаза точно примороженные...

Интересно, о чем думает человек перед смертью? Говорят, тогда вспоминается вся минувшая жизнь. Лежит человек и мысленным взором с печалью оглядывается назад... А Роберт Скотт, понимая, что в Антарктике его уже ничто не спасет, писал «Послание обществу», в котором подробно анализировал обстоятельства собственной гибели и говорил: «Мы пошли на риск и знали об этом. Обстоятельства повернулись против нас, а потому у нас нет причин винить кого-либо. Остается лишь, склонившись перед волей providения, исполниться решимости до самого конца делать все, что в наших силах. Но раз мы добровольно отдали свои жизни за успех этого предприятия, задуманного ради славы родины, то пусть наши соотечественники по-настоящему позаботятся о наших близких...»

За то время, пока мы здесь, я перечитал его предсмертные дневники дважды и не нашел в них ни особой печали, ни тяги к воспоминаниям. Мысленно уже похоронив себя, он продолжал жить заботами о своих близких. О смерти он не думал... А я, выходит, думаю? Иначе при чем здесь одиссея Скотта? Нет, я думаю о другом, о том, что думать о смерти не имею права. Да, обстоятельства сейчас тоже против нас, но мы не Скотты, мы — Колумбы, переживающие временные трудности. Ясно — временные. Товарищи не дадут нам погибнуть. Теперь это не просто вопрос нашей жизни. Нужно всем показать, что если за дело берется наше государство, оно не терпит поражения. И хорошо, что здесь сошлись эти гонцы за фартом. Пусть потом идут и всем расскажут, как ведут себя в тайге представители Советской власти...»

Еще несколько листков из тетради Валентина Александровича Цареградского:

«23 ноября 1928 года. Наконец-то спокойнее на душе. Встретили тунгуса. Едет на оленях от устья Бахапчи. Был там на охоте. Говорит, видел в тайге охотника Дягилева, который рассказал ему, что шесть нюча (русских) сплыли на плотках до устья Хиринникана (Среднекана) и, высадившись там, пошли с котомками вверх по реке. Это наши. Демка, вероятно, где-то отстал от них и не сумел догнать, поэтому вернулся.

Ласковая собачина и не подозревает, сколько задал нам тревоги. Самое важное — мы потеряли много времени. И к нашим попадем еще не скоро. Дальше, чем до бахапчинских порогов, мы не доедем, собакам не хватит корма. Надо возвращаться на Элекчан и, если Бертин с Давидом Дмитриевым — старшим сыном Кылланаха — еще не двинулись на Среднекан, выходить туда всей экспедицией.

28 ноября... Элекчан. Бертин и Давид ушли отсюда к нашим позавчера. Давид ухитрился снарядить целый аргиш (большой олений караван) из 100 вьючных и ездовых оленей. Ему помог прибывший в Олу из Охотска начальник Дальзолота Валериан Исаакович Лежава-Мюрат.

Золота еще нет, а уже организована, оказывается, Верхнеколымская приисковая контора, начальником которой назначен какой-то Филипп Диомидович Оглобин, а горным мастером тот самый Филипп Романович Поликарпов, которого посылал в тайгу с Кановым искать золото есаул Бочкарев. Последние двое ушли из Охотска на Среднекан, минуя Олу и Элекчан. Сейчас с Лежавой прибыли еще горный инженер Матицев и второй мастер Кондрашов. Что за люди — бог да Лежава ведают.

Валериан Исаакович явно торопит события. Сказал ему об этом.

Он:

— Не я тороплю, Валентин Александрович. Далькрайком торопит.

— А если золота на Среднекане нет?

Даже поперхнулся:

— Как нет?! Билибин же уверял всех, что есть. Самого Серебровского заставил поверить ему.

— Билибин говорил об Охотско-Колымском крае вообще, а не о Среднекане в частности.

— Ну, это вы, товарищи, бросьте, золото должно быть!

Должно! Найти его сначала надо, а как там, у Билибина, ничего пока неизвестно.

Но то, что Лежава прибыл сюда, хорошо. Он тут как рыба в воде. Пусть помогает снаряжать второй аргиш. С Александровым они уже, кажется, сговорились. У того пятнадцать нарт и сорок ездовых оленей. Да столько же, если захочет, подрядит еще, ему никто не откажет.

...Полчаса назад говорил с Макаром. Сказал, что его старшие приемные сыновья Петр и Михаил с нами на Среднекан пойдут, а он не может, должен вернуться в Олу.

— Как в Олу, насовсем?

Повесил голову:

— Сопсем... Другой зима Хиринникан приду, однако; счас не могай, погибай моя счас.

— Почему погибай?

— Догор тунгус сказал, однако. Лука Громов и Гриска Зыбин моя погибай хотят, красный саха сказали. Моим Миска и Петка говори нет, однако.

С трудом добился от него, в чем дело. Оказывается, за время моего отсутствия состоялся родовой совет тунгусских князьков Луки Громова и Григория Зыбина, который на этот раз уже не угрожает Макару, а действительно решил убить его. Большой аргиш из ста оленей в тайгу ушел, за ним уйдет другой, третий... Много русских придет, тунгусам тогда якобы жизни в тайге не станет. А все он виноват, красный якут Макар Медов, он больше всех русским помогает. Поэтому в назидание другим его надо убить.

Да, не такие они простачки, эти Громов и Зыбин!

— Моя, Царь-город, боись нет, моя Глущенко говори, Глущенко мозги правит. Но счас розон лазай нет, счас не надо, однако. Моя Миска и Петка тозе говори нет, комсомол записались, горящие, однако, молодые сибко...

Старик прав, на рожон сейчас пока лезть не стоит. Пусть возвращается в Олу, Глущенко там разберется, артель «Красный рыбак» ему поможет.

Даже лучше в такой обстановке, если главным нашим проводником будет тойон Александров. Он, правда, дорого за это запросит, но черт с ним, в конце концов дело не в серебре.

12 декабря (среда)... Выезжаем из Элекчана сегодня. Александров за наши полтинники спроворил в Оле аргиш из 90 оленей (30 нарт). Достаточно, чтобы забрать все наше оставшееся в Элекчане имущество.

Не считая платы за оленей и нарты, Александров за свою помощь и должность главного каюра потребовал еще 300 полтинников. Жадности этого старого шакала нет предела, но ничего не поделаешь, приходится платить. Да, кроме того, выторговал недельную остановку на какой-то реке Талой. Там, говорят, горячие сернистые источники, на которых туземцы лечат ревматизм. У Александрова, помимо него, еще и аристократическая подагра рук.

...Глущенко клятвенно заверил, что Макара в обиду не даст, но с тем, чтобы старик остался в Оле, согласился. Он нужен будет для следствия.

18 декабря... С 12-го по 14-е по крепкому снежному насту пролетели раз в двадцать больше, чем за последние четыре дня. У озера Черного по притоку Малтана Хете начали брать трудный перевал, на который поднимались два дня и столько же спускались. Причем при спуске оленей были привязаны к нартам сзади, чтобы тормозить их.

Сейчас расположились лагерем в долине реки Талой, кото-

рая, несмотря на установившиеся на Колыме пятидесятиградусные морозы, вся парит. Тонкий ледок лишь у береговых окраин.

Эти горячие грифоны (фонтаны) — явление удивительное. Камни и галька вокруг них покрыты только причудливым инеем. Снега нет в радиусе около ста метров. Дальше его много, но на тот, что я видел на Колыме до сих пор, он не похож. Обычный колымский снег с налетом бледной синевы или чуть в фиолетинку, хрусткий и сыпучий, как песок, а этот мягкий, как вата, и совсем белый. Сугробы будто пена на парном молоке.

Местность холмистая, окруженная массивными, цепляющимися краями друг за друга горами. В ложбинах, на склонах холмов и по всей долине Талой растут роскошные для Колымы лиственницы, упругий тальник и стройные тополи. Невдалеке два довольно красивых озера.

Горячих грифонов три: под холмом, немного выше и еще выше. В нижнем температура воды плюс 44, в среднем — плюс 56 и в верхнем — плюс 68. Это при морозах в каких-нибудь 100—150 метрах отсюда минус 43—44.

Уголок для Севера райский. Не ожидал увидеть такое чудо на Колыме. Со временем мы обязательно построим здесь бальнеологический курорт. Было бы неплохо обосновать здесь и центральный город Колымы, но далеко от моря, побережье бухты Нагаева для этой цели подходит больше.

25 декабря... Наконец-то Александров отпарил свои кости, и мы снова в пути. Движемся медленно, по 15—20 километров в сутки. Глубина снега достигает двух и более метров, олени едва плетутся. Мы с Казанли идем на лыжах впереди, торим им дорогу. Лыжи на Талой выстрогали из тополя сами. Они сырые и тяжелые. К вечеру ноги словно налиты свинцом. Если бы не встречный ветер и мороз, было бы еще ничего, а то ветер так силен, что отбрасывает назад и валит с ног. Поддашься ему — покатит по снегу, как сноп. И приходится постоянно помнить, что каждым неосторожным вдохом можешь отморозить себе легкие. Я понимаю, это не оправда-

ние, но идти быстрее мы не в состоянии. Думаю, впрочем, аргиш Бертина уже на Среднекане, так что продовольствие нашим товарищам доставлено.

31 декабря... Третьи сутки из-за страшной пурги сидим в палатках на Среднеканском перевале. Были бы уже у наших, но идти совершенно нет возможности. В снежной круговерти не видно протянутой вперед руки.

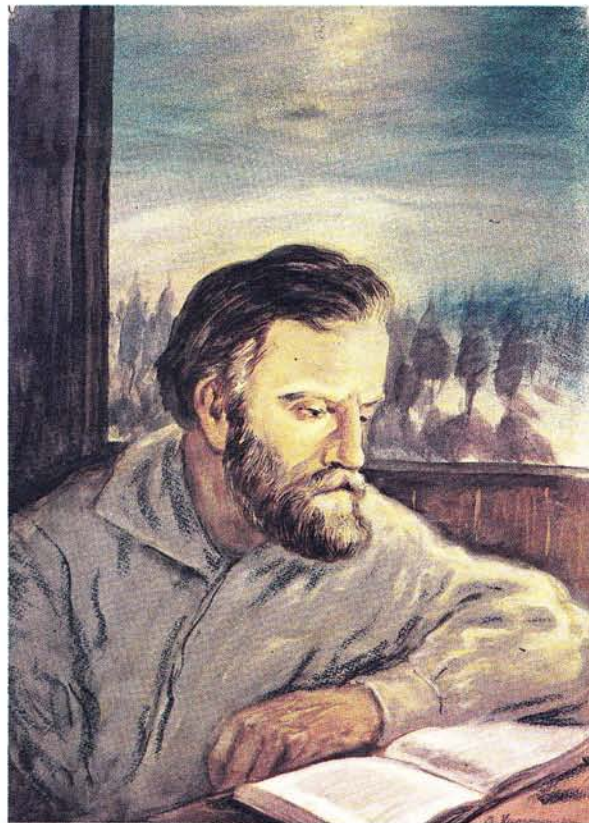
Одиннадцать часов вечера. Встречая Новый год, читаем с Казанли друг другу стихи. Опять Маяковский и Блок. Что бы мы делали, не будь на свете поэтов? Жить без стихов решительно невозможно...»

Ночь была новогодняя,
Ревела за палаткой пурга,
Человек сказал:
— Жить без стихов невозможно.
Человек сказал:
— Хорошая песня нужна!
И реву стихи вторя,
Гремел Маяковский в тайге,
И Блока «Двенадцать», споря,
Гремели с ним наравне...

Спокойные за судьбу товарищей на Среднекане, они не знали, не могли знать, что аргиш Бертина, избрав менее трудный, но более длинный путь, опережает их всего на несколько часов и прибудет к билибинцам почти одновременно, 3 января. Тем не менее оптимизм Сергея Раковского себя оправдал...

Из докладной записки бюро Далькрайкома ВКП(б) в ЦК ВКП(б) и Совет Труда и Оборона от 23 декабря 1930 года:

«...Результаты проведенных в 1928—29 гг. работ экспедиций тов. Билибина позволяют судить о районе Верхней Колымы как о месте, где уже организованы первые прииски и развернута добыча металла, поступление которого идет во все нарастающих ко-

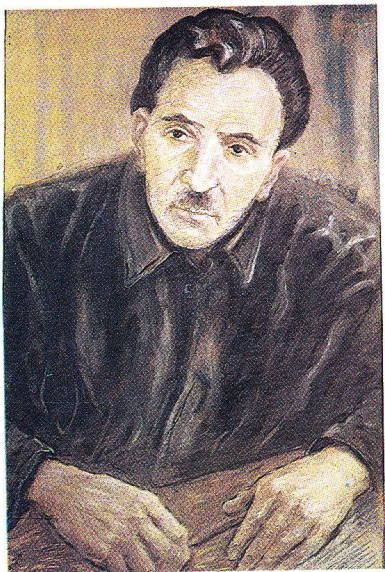
Начальник Первой колымской геологической экспедиции Юрий Александрович Билибин.

Таким попал на Колыму в 1928
году Валентин Александрович
Цареградский.

На пути геологов — водная пре-
града.

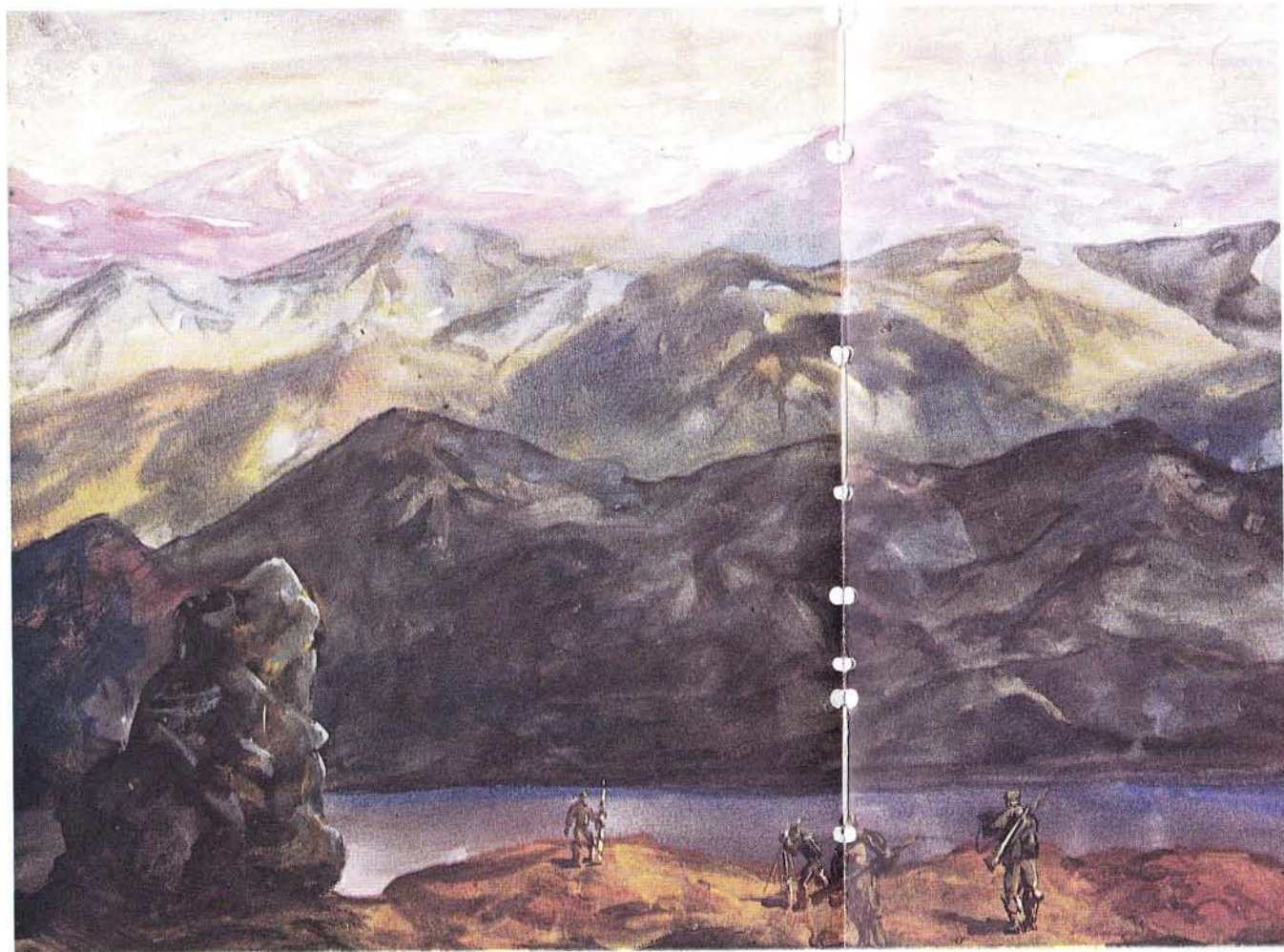

Сергей Дмитриевич Раковский
в пятидесятых годах.

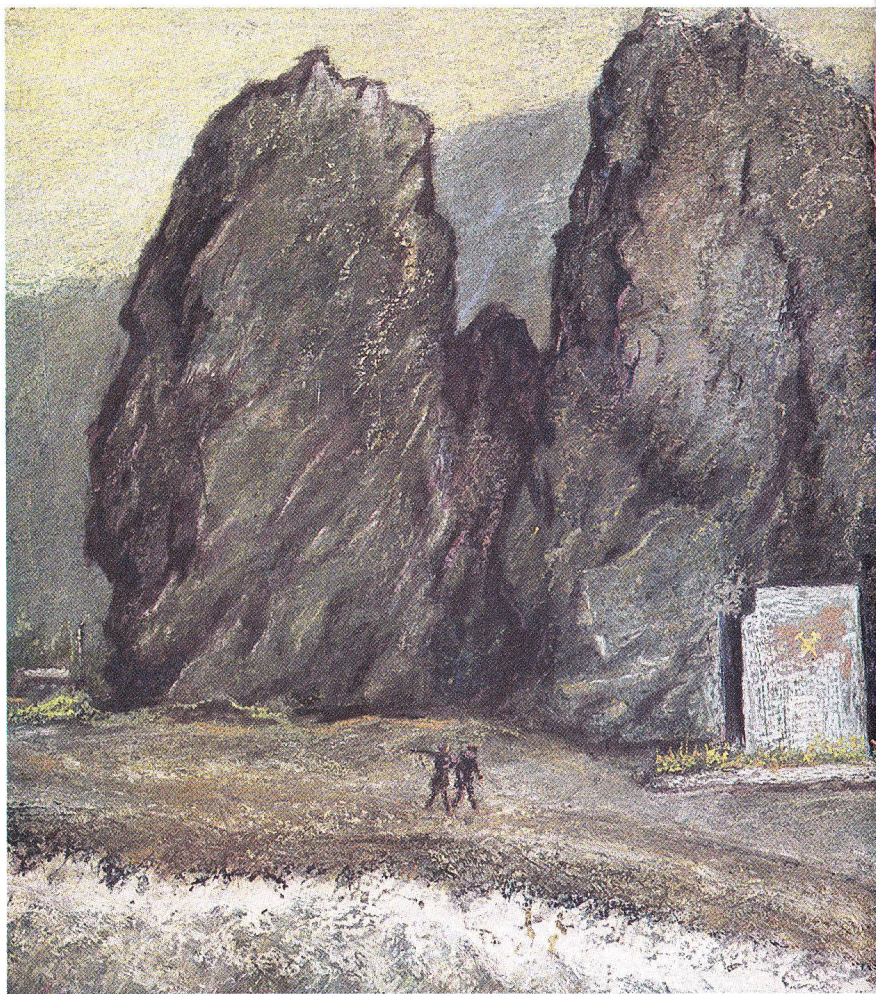
Сплавщики вышли на реку Бахапчу. С плота Раковского увидели на берегу двух «медведей». Только случайность спасла от метких выстрелов не подозревавших об опасности мирных охотников.

Проводник и самый деятельный в Оле помощник билибинцев Макар Захарович Медов.

Везде, где проходила экспедиция Ю. А. Билибина, геодезист-астроном Дмитрий Николаевич Казанди устанавливал астропункты, тем самым создавая первую точную географическую карту Колымы.

Там, где когда-то впервые высади-
лась на Ольском побережье Пер-
вая колымская геологическая
экспедиция, теперь установлен
памятный монумент.

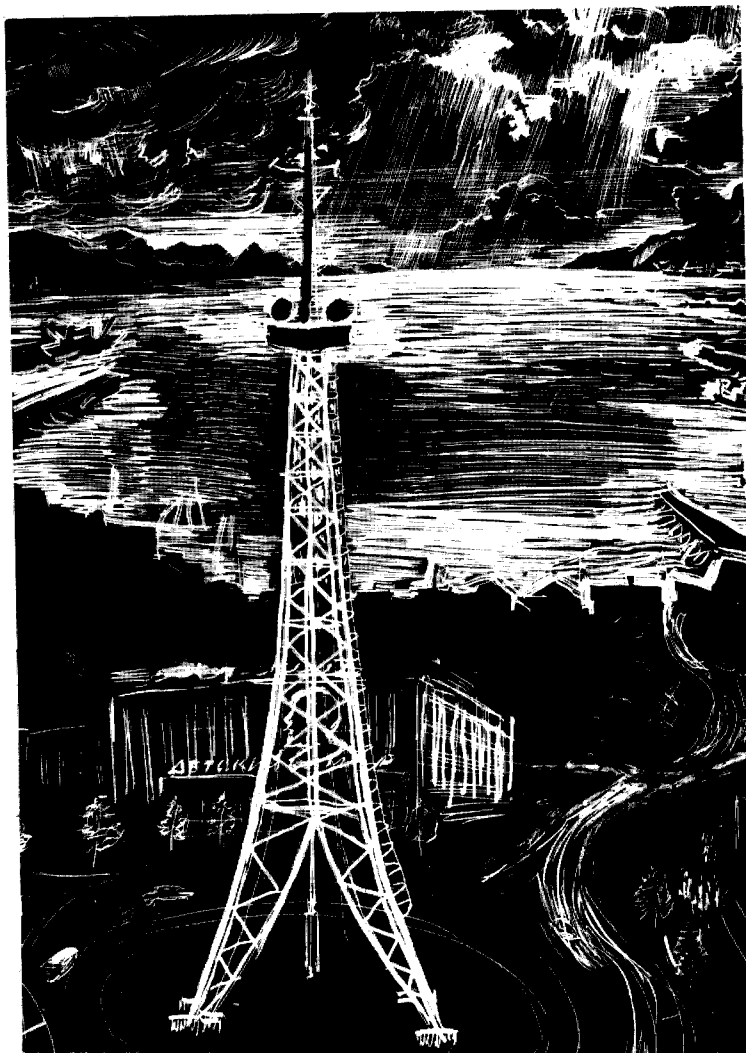
Конюх и проводник той экспеди-
ции Михаил Дмитриевич Седали-
шев.

личества. Поэтому считаем целесообразным создать организацию специального назначения, которая наряду с добычей металла целиком взяла бы на себя обязанности по всестороннему освоению всего Охотско-Колымского района...»

13 ноября 1931 года постановлением Совета Труда и Оборона СССР такая организация (Государственный трест по промышленному и дорожному строительству в районах Верхней Колымы — Дальстрой) была создана. Помимо своего основного назначения — давать благородный металл, Колыма одновременно становилась и как бы испытательным полигоном по накоплению опыта для строительства в мерзлотных зонах северных окраин Советского Союза.

Град белокаменный

Поверь, мой друг, дуною
пламенной,

Отрвни сомнений череду,

Здесь град великий

белокаменный

Взбурлит колымскую тайгу.

Экспромт Д. И. Каланги

Раскинувшись в старой рыбацкой байдаре, человек обреченно смотрел на плывущие по сталисто-синему северному небу белесые перистые облака. Словно распятый, он лежал на дне лодки без движений. Губы его заскорузли. Редкая пегая щетина, тонкими колючками выросшая из густой сетки морщин на землисто-коричневых щеках и подбородке, как тускло серебрящейся изморозью, покрылась соленой морской пылью.

Две недели назад байдару угнало штормом от устья камчатской реки Шаманки в открытое море.

Две недели носила стихия легкую речную посудину, две недели человек не видел берега. Он съел всю пойманную рыбу, выпил весь запас пресной воды. Теперь, хотя шторм утих и можно было наконец оглянуться вокруг, думать о спасении у него не хватало сил. Он больше не чувствовал ни жажды, ни голода.

Вдруг, однако, в пересоших ноздрях маслянисто щекотнуло кислотовато-хмельным холодком, будто слабым запахом браги. Щекотнуло и неспешной волной расплылось в угасшем, казалось, мозгу: кедровый стланик... Так пахнет только он.

Человек понял: берег рядом.

Собрав последние силы, он приподнялся, удивленно округлил глаза: над сизыми клубами убывающего утреннего тумана прямо перед ним смутно высились развалины древнего замка. Да, это, наверное, замок. Но почему здесь, на диком Северо-Востоке?

Человек еще не потерял рассудок и хорошо знал, что за две недели его байдару не могло прибить к чужим обжитым берегам.

Но вот туман рассеялся, воздух зазолотился проглянувшими из-за облаков лучами солнца, и там, где недавно чудился замок, человек ясно увидел тяжелую громаду зубчатого каменного утеса. За ним открывался вход не то в широкое речное русло, не то в глубоко врезанную в гористый берег извилистую бухту, по сиреновой глади которой шли круги от резвившихся там тюленей. Морские животные были безмятежны, тайга на прибрежных склонах молчалива, каменный мыс пустынен. И неопытный глаз определил бы: земля необитаема.

Человек не отчаялся. Опираясь на весло, он сошел на берег, прислушался. В шорохе морских волн и хрусте прибрежной гальки чуткое ухо уловило звон бегущего по камням ручья.

Студеная струя живительной влаги выбивалась из-под груды замшелых валунов. Здесь же, у валунов, стояла одинокая лиственница.

Благодарный providению, человек оставил на затесе старого дерева память о себе и наказ:

«Хваление Господу, утолил жажду. Именуйте сей ключ Священным, а мыс — либо Замком, либо Каменным Венцом, ибо он венчает благополучно труды мои тяжкие в страждущих двухнедельных скитаниях на байдаре от берегов Камчатских до сих».

Красочную легенду о ключе Священном я услышал в 1960 году от тогдашнего капитана-наставника Нагаевского порта Павла Илларионовича Федорова. Помню, мы сидели в его портовом кабинете, Павел Илларионович рассказывал:

— Надпись на дереве моряки, должно, из озорства сочинили, а там и легенда пошла. Ключик в прошлые времена выручал часто нашего брата моряка. Есть еще речка Магаданка, но пароходом туда не подгребешь. Первые суда брали воду в ключике — и наши и заходящие. Там, на валунах, вся история бухты. Кто брал воду, тот и расписался суриком на камне. «Теодор» пример показал...

Это было в 1931 году. Распугивая гудками и шумом винтов тюленей, с грузом для первых покорителей Колымы в бухту Нагаева входил легендарный «Теодор Нетте», тот самый, о котором писал стихи Маяковский. Павел Илларионович был на нем старшим помощником капитана и еще не знал, что здесь ему будет суждено провести большую часть жизни.

В тот год на берегу бухты шло большое строительство. Рождался поселок Нагаево — первый поселок новой Колымы, которому предстояло перерасти в будущий Магадан.

«Теодор Нетте» вез колымчанам семь тысяч тонн срочных гру-

зов. Приблизившись к Каменному Венцу, судно застопорило ход и, как обычно, ждало буксира. Но буксир не пришел. Пароход, которого на Колыме все ждали с нетерпением, никто не встречал.

За несколько дней до его прибытия над бухтой пронесся ураган невиданной силы. Все, что было в бухте, стихия уничтожила. Смыла многие береговые постройки, потопила баржи и два буксира. Пароход разгрузиться не мог: нечем было перевозить грузы. А уже наступала зима. Заснежились сопки, норды пригоняли в бухту дрейфующие льды.

Капитан послал Павла Илларионовича просить строителей соорудить хоть какой-нибудь пирс. Но уговаривать людей не пришлось. На Колыме начался голод, а в трюмах «Теодора Нетте» было продовольствие. Кроме того, со дня на день ждали еще три парохода: «Даншинг», «Свирьстрой» и «Волховстрой». Поговаривали также, что в скором времени придут ледорез «Литке» и пароход «Сахалин», который стоял во Владивостоке в ожидании прибытия из Москвы первой группы руководителей Дальстроя.

Когда прораб причального участка Александр Маркин, вчерашний военный автомеханик, ставший портовым строителем по необходимости, увидел последствия урагана, он примчался к пожилому бригадиру плотников Василию Еремеевичу Тузаеву.

— Дядя Вася, что будем делать? Нельзя ждать, понимаешь, нельзя! — горячился парень.

Однако Еремеевичу и в этот сверхбезотлагательный час не изменяла его сибирская медлительность. Почесывая затылок, он обстоятельно толковал молодому прорабу, на какие штуки способно Охотское море.

— Да ты дело говори, товарищ бригадир! — не выдержал Александр.

Тузаев обиделся.

— А я тебе что, лясы точку? В воду надо лезть, ряжи опускать. У Александра по спине побежали мурашки. Но раз надо, куда не денешься.

Отобрали пятнадцать наиболее крепких добровольцев. Первым,

нахмури брови, торжественно шагнул в воду Александр. Одним из «наиболее крепких» он не был — худой, низкорослый. Не богатырь, но — начальник! Начальству в такой ситуации положено быть впереди.

Вторым, пыхтя и ругаясь, двинулся Тузаев. За бригадиром — Алеша Кондратенко, Петя Бугримов...

И вдруг:

— Сашенька, у тебя же гланды!

На разрушенный ураганом пирс с полными ужаса глазами карабкалась Сашина жена Ниночка — первый врач Нагаева.

— Как же вы ему позволили, у него же хроническая ангина! А теперь еще легкие простудит!

Ребята стали просить своего начальника выйти из воды, но Александр никого не слушал.

Павел Илларионович сошел на берег в самый разгар строительства. Увидев все и поговорив с людьми, он поспешил обратно на паром. Команда «Теодора Нетте» начала на шлюпках доставлять голодным строителям продовольствие, и те, подкрепив силы, работали дотемна. Окоченев, выскакивали из воды, глотали порцию «горячительного», час-другой отогревались у костров и снова возвращались в воду. И вот когда причал был почти готов, ураган повторился. Ненадежными, к сожалению, оказались наскоро придуманные Тузаевым ряжи...

Тем временем на внешнем рейде бухты, в двадцати километрах от вновь разрушенного причала, отдали якоря «Даншинг», «Свирьстрой» и «Волховстрой». В забитую плавающими льдами бухту они войти уже не могли.

Чрезвычайная комиссия главенствовавших на Колыме геологов, строителей и моряков приняла решение ждать, пока бухта окончательно замерзнет.

В конце ноября на нагаевский лед вышли лошади и ездовые олени, а 18 декабря случилось событие, имевшее для Колымы историческое значение. В тот день с «Волховстроя» было снято четыре 60-сильных гусеничных трактора, шесть 30-сильных

«кaterпиллеров» и десять полутонных автомобилей — первый механический транспорт Охотско-Колымского края.

Теперь разгрузка паромов пошла веселее. К середине января ее планировали закончить. Но произошло непредвиденное.

В ночь на двенадцатое января, когда сменную бригаду автомобилистов из четырех машин возглавлял Александр Маркин, внезапно разыгралась пурга. Она застала машины в 10—15 километрах от берега. Ехать стало невозможно — водители впереди ничего не видели.

Решили слить воду из радиаторов, оставить машины на льду, а самим, чтобы не замерзнуть, пробиваться к берегу.

Их было девять человек: четыре шофера, три стажера, красноармеец для охраны груза и Ниночка — она сопровождала бригаду автомобилистов как врач.

Шли, взявшись под руки, но ветер опрокидывал назад.

Выстроились друг другу в затылок. Так идти было легче, но Ниночка все же скоро выбилась из сил. Сначала ее взял на руки Александр, потом несли по очереди. Однако люди слабели. Тогда Александр решил вернуться с Ниночкой к машинам. Он рассчитывал снять с какого-нибудь автомобиля брезент, сделать что-то вроде палатки и укрыться в ней.

Знаками Саша объяснил товарищам, чтобы они шли дальше, взял жену на руки и повернул назад...

На восьмой день их нашли далеко в стороне. Они превратились в ледяные статуи. На ней был тулуп Александра, поверх перчаток меховые шоферские рукавицы, лицо закутано шарфом, а он — в телогрейке, руки заложил за пояс. Через плечо у него висел планшет. В нем была карта бухты Нагаева, накладные грузов и тетрадь.

В тетради — математические расчеты причала, наброски чертежей, беглые записи:

«К десятому вызубрить семнадцатый параграф «Сопромата». Провести разведку строевого леса. Потолковать с геологами о здешних грунтах».

«Скоро придет паром. Написать письмо домой, попросить

прислать: теплый платок, две вилки, справочник инженера-строителя, логарифмическую линейку, десять листов ватмана, акварельные краски, килограмма полтора-два чеснока.

На Каменном Венце есть хороший известняк».

Цитата из какого-то доклада:

«Если мы, товарищи, построим в бухте Нагаева порт, будет решена задача первостепенной важности. За навигацию мы сможем принимать не менее трехсот судов, а это значит, что на Колыму будет поступать свыше миллиона тонн грузов в год. И тогда мы удовлетворим потребности не только геологов, но и горнодобывающей промышленности. Откроется широкий доступ к богатствам Северо-Востока. Порт для нас — жизнь».

«Узнать мнение геологов относительно взрыва правой сопки. Убедить Решетникова увеличить норму гвоздей. Выяснить смысл слова «капсе». Вернуть геодезистам рулетку. Заменить настил в третьей палатке».

«Капсе — буквально «есть разговор» или «давай поговорим», а вообще «здравствуй»; нюча — русский, саха — якут, симбир — все равно, учугей утуй — хорошо спать, кыгыл — красный, хатынах — березовый, ровдуга — выделанная оленья шкура».

«На комсомольском собрании Кондратенко опять поднял вопрос о саде под стеклом, что, по мнению Ивлева, в нашей обстановке является чистой утопией, поскольку такого количества стекла у нас нет и в ближайшее время не предвидится. Но я как комсорг поддержал Кондратенко и считаю, что на текущий момент вопрос поставлен политически грамотно, так как обсуждать предложенный Великановым вопрос о пайках, значит, вносить в наши ряды расслабляющий элемент. Мы, колымаармейцы, на которых возложена такая жизненно важная задача, как строительство Нагаевского порта, не имеем права поддаваться временным затруднениям, вытекающим из нехватки продовольствия».

Светлая мечта — двигатель прогресса, и быть озаренным ею, значит, стать неизмеримо выше всех преходящих бытовых неурядиц. Конечно, тепла в наших палатках на сегодняшний день не-

достаточно, конечно, нам приходится подтягивать животы, но на то мы и первостроители — авангард, призванный прокладывать дороги мечтам».

«К приходу «Теодора» закончить причальные трапы, купить у якутов или тунгусов что-нибудь экзотическое. Из дома, кроме прочего, попросить: фланельку, детскую клееночку, учебник шофера первого класса для Руднева...»

Тетрадку читали после похорон, читали молча, передавая из рук в руки. Кто-то сказал:

— Надо сохранить.

А Павел Илларионович подумал: «Останусь здесь».

Обратный путь «Теодора Нетте» был длинным: Охотское море, Японское, Южные моря, Суэц, Одесса... Не передумал.

В Одесском порту стоял пароход «Уэлен» — первое судно, предназначенное для постоянной работы в Нагаеве. На нем не было капитана. Попросился — назначили. Жена побушевала, поплакала — согласилась.

На валунах ключа Священного появилась еще одна надпись: «Уэлен», декабрь 1933 года».

Было розовое, словно умытое солнцем утро. Лениво ворочались в бухте подрумяненные льдины, кружились в воздухе искрящиеся снежинки. От взобравшихся на сопки домиков веяло свежим тесом, домашним дымком, бензином.

У бревенчатого, в третий раз наскоро построенного причала колыхалась одетая в полушубки толпа колымчан. Над толпой алел транспарант: «Горячий привет пионерам Колымского морского флота!»

Был митинг. Павлу Илларионовичу вручили нарочно сплетенный из водорослей жезл, жестяной рупор и белый лист ватмана с контурами западных берегов Охотского моря. Растроганный, он стоял на трибуне, добросовестно пытался произнести речь:

— Ну, мы, как говорится, пришли, будем работать. Вам, как говорится, спасибо...

И вот спустя почти три десятилетия мы сидели в его портовом

кабинете, листали старый, с полувыцветшими фотографиями альбом, и он, тоже уже старенький, рассказывал, не выпуская из рук футляр от очков:

— Это я с «Теодора» еще снимал, зимой тридцать первого. Видите, какой он был, наш первенец Колымы. Две улочки всего, Октябрьская и Блюхера. Ото на заднем плане, там, где два домика, то культбаза, построенная еще в двадцать девятом, — улица Октябрьская. А это все полуземлянки-полупалатки — улица Блюхера. В палатках холодно сильно было, так их обкладывали чем придется — ветками стланика, связками ивняка, мхом, а потом дерном. Поэтому смотрятся как землянки. Шестьдесят штук их было, а жили в них полторы тысячи колымаармейцев. Они сами себя так называли, потому что все были демобилизованы из Особой Дальневосточной армии, которой командовал тогда Василий Константинович Блюхер. Они его очень любили. Это он призвал их после демобилизации ехать на Колыму. Они и песню свою про Особую Дальневосточную переделали на новый лад:

Колымаармейцы,
Даешь отпор!
Колымаармейцы,
Смелее в бой!

Очень хорошие ребята были. Когда хоронили Маркина и его жену, клятву давали: «Клянемся тебе, дорогой товарищ комсорг, клянемся тебе, дорогая подруга нашего товарища, что не отступим ни перед какими трудностями! Даешь порт!» Только таким энтузиазмом в то время и можно было строить...

А это тридцать третий год, когда порт уже начали строить по-настоящему. Раньше временные пирсики сооружали, из чего придется, а теперь причал хоть и тоже деревянный, но ряжи прочные, из отборных листовых свай, способных выдержать самый сильный шторм. Инженер Владимир Дмитриевич Мордухай-Болтовской эти ряжи сконструировал, по науке... Поэтому и годом рождения порта считается тридцать третий. Видите, двадцать

шитовых домиков появилось. Их в разобранном виде из Ленинграда в Нагаево привезли. Тайга здесь мелкая, строительного леса на месте не хватало, приходилось завозить отовсюду. Но порт все же построили, замечательный, нужно сказать, порт, на Дальнем Востоке один из лучших...

От себя могу добавить, что сейчас не только один из лучших на Дальнем Востоке, но также один из крупнейших — семь многосотметровых причалов. Причем в условиях приарктического климата, когда бухта Нагаева по восемь месяцев в году скована полуметровым льдом, навигация с помощью мощных современных ледоколов не прекращается ни на день. Если в тридцатых годах первостроители Колымы мечтали принимать за одну навигацию триста морских судов, то ныне порт ежегодно принимает их 600—650, и по тоннажу теперешние суда, конечно, куда больше, чем были тогда. Годичный приток на Колыму народнохозяйственных грузов морским путем исчисляется сегодня тремя миллионами тонн. И почти все разгрузочно-погрузочные работы полностью механизированы. Как правило, за 6—7 суток до прихода судна в порт уже знают весь его груз и куда что адресуется, поэтому к разгрузке любого корабля готовы заранее. Он не простаивает в Нагаеве ни одного лишнего часа...

В 1931 году, когда начиналось строительство временных сооружений порта и поселка Нагаево, о Магадане речи еще не было. Среди руководителей зарождавшейся колымской золотой промышленности разговоры о каком-то крупном городе на Колыме вообще считались прожектерством. Поочередно сменявшие друг друга начальники Верхнеколымской конторы Дальзолота (позже Цветметзолота) Оглобин, Улыбин и Домбак слишком боялись призрака Доусона — канадского города, возникшего в период североамериканской золотой лихорадки. Он был построен очень быстро и с большим размахом, но скоро пришел в полный упадок и совершенно опустел. «За многие годы моих путешествий по свету,—

писал о нем один французский журналист,— я не видел ничего подобного. Город этот ужасает. Разбитые окна дворцов и небоскребов смотрят на тебя, как пустые глазницы черепа. Мостовые размыты дождями и загажены тварями, которые когда-то были домашними кошками и собаками. Их наплодилось столько, что они не дают спокойно пройти по улицам. Глаза у всех голодные и дикие. Создается впечатление, что ты находишься не в городе, построенном людьми, а в каких-то катакомбах, населенных отвратным зверьем. Изредка, правда, попадаются и привлекательные кварталы, еще сохранившие следы недавнего уюта. Но и здесь витает дух мертвечины. Он гнетет и наводит на унылые размышления. Неужели человек, это высшее существо природы, способен так бесцельно растрачивать свои труды и созидательный разум? В Торонто мне сказали, что таков неизбежный конец всех городов золотоносного Севера. Кончается золото, и город становится ненужным...»

Василий Онуфриевич Домбак, сам до революции бывавший в тогда еще процветавшем Доусоне, носился с этой статьей, и это в определенном смысле немало влияло на настроение людей. Золотишник старой, дореволюционной закалки, Василий Онуфриевич не мог себе представить, что осваивать этот дикий край все равно необходимо, независимо от того, насколько он золотоносен. К тому же в то, что золота на Колыме хватит на многие годы, он просто не верил.

Только с организацией Дальстроя взгляды на цели и задачи освоения Колымы изменились коренным образом. 20 августа 1932 года по случаю сдачи в эксплуатацию первых двух колымских километров шоссе на дороге в Нагаеве состоялся митинг, на котором с большой речью выступил директор Дальстроя Эдуард Петрович Берзин. Он, в частности, сказал:

«Подчеркиваю, товарищи: мы пришли в этот край не для того, чтобы выкачать из его недр золото и затем бросить все на произвол судьбы. Нет, товарищи, мы не хищники и не временщики. Прежде всего мы пришли сюда, чтобы этот край обжить, сделать его цивилизованной частью нашей страны.

С другой стороны, поскольку мы являемся пионерами в освоении такого рода районов, от нас ждут не только золото и плоды современной цивилизации, но и то, как эти плоды возвращаются. Иными словами, от нас ждут наиболее приемлемых рекомендаций строителям, которые придут покорять и осваивать другие такие же необжитые края Советского Союза...

Задачи перед нами поставлены грандиозные, и одна из них — это строительство крупного, благоустроенного и долговечного города. Нам необходимо иметь свое радиовещание и массовую печать, средства связи, научные и учебные заведения по разработке текущей проблематики и подготовке кадров, свои заводы по ремонту и строительству горного оборудования и машин, свое сельское хозяйство, предприятия бытового обслуживания и многое, многое другое, без чего успешное строительство и нормальная жизнь в условиях Крайнего Севера немислимы. И всему этому должен дать начало наш завтрашний колымский город...»

Это был тот Берзин, который командовал Первым легким артиллерийским дивизионом латышских стрелков, охранявших Кремль и Ленина, тот Берзин, который одурачил известного английского дипломата Роберта Локкарта. Локкерт обещал ему пять миллионов рублей за то, чтобы он поднял в Москве восстание против большевиков, убил Ленина и арестовал членов Советского правительства, а потом помог англичанам захватить наш лесной Север. Эдуард Петрович согласился, но просил приличный задаток. Локкерт выдал авансом один миллион двести тысяч рублей. Эти деньги вместе с планом восстания в Москве Эдуард Петрович отнес в ЧК, после чего лондонская «Таймс» с возмущением писала: «Этот красный аферист запустил руку в нашу государственную кассу и теперь потешается над нами с видом невинного младенца».

Он был невысокого роста, коренастый, с маленькой круглой бородкой. Голова массивная, гладко выбритая, глаза светлые, со

смешинками, но взгляд цепкий, часто жесткий. У этого человека, на первый взгляд насмешливо-добродушного, была непреклонная воля, бескомпромиссная убежденность в силе своих идей и, что особенно важно, немалый опыт строителя. К тому времени, когда он получил назначение на должность директора Дальстроя, под его руководством уже была сооружена и сдана в эксплуатацию крупнейшая новостройка первой пятилетки — Вишерский целлюлозно-бумажный комбинат и город Красновишерск — один из красивейших городов Северного Урала. Художник по призванию и архитектор по образованию, Берзин умел внести эстетический элемент в любое дело, за какое он брался. Можно было не сомневаться, что город, построенный под его руководством на Колыме, тоже станет красавцем. Кстати, официально должность главного художника города в Советском Союзе впервые была введена Берзиным.

Построить город «крупный, благоустроенный и долговечный». Задача, конечно, не простая, но в смысле самой идеи в общем-то тривиальная. Какой город, тем более крупный, когда его начинали строить, предполагался неблагоустроенным и недолговечным? Да, но до тех пор крупные города со всеми атрибутами современной цивилизации на вечной мерзлоте пока что не строил никто. Существовал, правда, сравнительно старый Якутск, однако классическим городом тогда бы его еще не назвали. Это был типичный северный поселок без канализации и центрального отопления, в котором стояло одно-единственное двухэтажное кирпичное здание, вызывавшее у архитекторов жгучий интерес, но не дававшее никакого ответа на их многочисленные вопросы. Построенное на мерзлоте, оно стояло в городе уже более ста лет, и стояло прочно, но как его зодчий сумел этого добиться, оставалось тайной за семью печатями. Казалось, все сделано обычно. Фундамент, стены — ничего нового, никаких внешних загадок. Но когда начинали повторять все точно так же, новое здание редко успевали достроить. Как правило, мерзлота, с виду прочная и монолитная, начинала под фундамен-

том в одном месте вспучиваться, в других — проседать, и фундамент разламывало веером еще до того, как строители подводили дом под крышу. В конце концов от каменного строительства, требующего глубоких фундаментов, в Якутске надолго отказались вообще. Единственный в городе кирпичный дом так и оставался для архитекторов тайной.

В Нагаеве мерзлота показала себя еще более удивительно. Землянки, вырытые на склоне сопки, вдруг стали сползать вниз. Но то землянки. А если бы на их месте стояли многоэтажные дома? Они бы рухнули под склон, как под ударами осадных машин. Вспучиваясь и разжижаясь под постройкой, мерзлота на склоне начинала «плыть». Причем чем больше оказывалось на нее давление, тем подвижнее становилась «текучесть».

Сейчас магаданский ученый, заведующий лабораторией мерзлотоведения Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института Савелий Владимирович Томирдиаро зажигательно расскажет вам о мерзлоте много чудесного, почти фантастического и, как всегда, начнет со своего излюбленного — с мира мамонтов.

— Хотя это, возможно, покажется вам не по существу вопроса, — с живостью скажет он, — но, поскольку мы, как говаривал Козьма Прутков, обязаны смотреть в корень, возьмем, например, мир мамонтов. Как эти замечательные животные жили здесь в самые холодные ледниковые эпохи? Да ведь дело в том, что тогда, до конца последней ледниковой эпохи, то есть до десяти тысяч лет назад, на нынешних берегах Ледовитого океана никакого... океана не было. Только степи, бескрайние степи, может быть, до самого полюса, а вероятнее всего, и дальше. Степи? На чем? На льду океана? Да, но не таком битом и дрейфующем, как сейчас. А на мощнейшем едином ледяном панцире. При резком общем понижении температур в ледниковые эпохи не мог Ледовитый не реагировать на холод, как не может не среагировать на него, скажем, бочка воды, вынесенная на мороз. Плавающие льды спаивались в единый и мощный ледяной панцирь, «плавающую сушу». Ее так и называ-

ют — климатическая суша, ибо она формировала уже отнюдь не морской, а резко континентальный климат.

Получалось, что нынешние северные материки, наша Евразия и Северная Америка, спаивались в ледниковое время еще одним плавающим «ледниковым материком» Арктиды. Еще одиннадцать-двенадцать тысяч лет назад, попав на берега нынешнего моря Лаптевых, мы оказались бы не у моря, а почти в центре какого-то гигантского, необычного для нашей планеты сверхконтинента. И климат здесь был тоже сверхконтинентальным. Здесь создавался мощнейший вечный антициклон с безоблачным небом. Зимой это приводило к чудовищным морозам. В отдельные дни температура воздуха падала до минус ста градусов. Вот когда мамонтам, овцебыкам, арктическим якам и бизонам требовалось их теплое «юбочное» одеяние из длинных густых волос, опускавшихся с боков почти до земли. Вот когда расходовались на жизнь огромные запасы жира, накопленные за лето в их могучих горбах. А пищей была трава, правда, сухая, замороженная, но не покрытая снегом. Целый океан сухих трав. Ведь лед на океане был посыпан землей. Откуда? Да ведь ледниковые эпохи отличались не только развитием ледников и мерзлоты. Бескрайние сухие степи покрывали тогда всю северную Евразию. Тучи пыли клубились в те эпохи над степями Европы, Сибири и Северной Америки. Эта пыль, копившаяся год за годом, образовала всем известный со школьной скамьи лёсс. Толщи лёсса покрывают равнины Западной Европы, Польши, Украины, Западной Сибири и Аляски. Есть они в Якутии и у нас, на Северо-Востоке.

Таким образом, практически вокруг всей Арктики пыль стояла столбом. И, конечно, она поступала в Арктику и выпадала там на морском льду: сначала — тонким налетом, потом все более утолщавшимся слоем лёсса.

Летом с безоблачного неба начинало светить круглосуточное, незаходящее арктическое солнце. Температура резко поднималась, особенно на поверхности темной земли. Это создавало идеальные условия для бурного роста трав. Ведь неглубоко под землей зале-

гал лед. Он слегка подтаивал и увлажнял почву. Затем по мере накопления и утолщения слоя лёсса в нем самом начинали расти ледяные жилы — сплошные, расставленные как бы по линиям шахматной доски подземные стены льда.

«Лед? — спросите вы. — В крайне сухом климате мамонтового мира?» Да, в Арктике климат тогда был суше, чем в теперешней Сахаре. Но если сейчас в ее пески заложить специальные холодные трубы от какого-нибудь колоссального холодильника, то песок «завтра» станет мокрым, а «послезавтра» замерзнет с большим содержанием льда. Откуда же возьмется вода? Это пары, поступающие из воздуха. Такое физическое явление мы ежедневно наблюдаем в своем домашнем холодильнике.

Этот феномен, столь скромный в нашем сегодняшнем быту, в ледниковые эпохи создавал грандиозные подземные льды. В ледяных землях Северной Якутии и нашего Северо-Востока его, собственно, больше, чем самой минеральной земли. Лед составляет девяносто процентов всех отложений в толще до тридцати — сорока пяти метров. Лёссовая пыль оставалась в нем в виде отдельных столбов, зажатых в лабиринте гигантских ледяных жил. Вот на одном из таких столбов, очевидно, и стоит тот загадочный кирпичный дом в Якутске. И никакой тайны зодчества здесь нет. Строитель всего лишь выбрал удачное место и, скорее всего, напал на него случайно. А вообще известно, что под любым давлением создается тепло: вот вам и ответ на вопрос, почему под обычными фундаментами домов вечная мерзлота деформируется. Стало быть, площадь давления нужно уменьшить, то есть строить здания, как многие туземцы Океании строят свои хижины, — на сваях. Сейчас уже применяются и так называемые холодные сваи. В них монтируются термосифоны — несколько трубок, заполненных керосином, который обладает способностью, охлаждаясь зимой, понижаться в уровне и при этом сильнее охлаждать грунт вокруг свай. Причем за короткое северное лето эта температура меняется незначительно. Поэтому несущие возможности свай увеличивают-

ся и они могут выдерживать здания более тяжелые, чем без термосифонов. Так в Магадане впервые начали строить дома в девять этажей.

Теперь, когда природа вечной мерзлоты уже достаточно изучена и, как строить на ней, известно, говорить об этом, конечно, просто. Но тогда, в начале тридцатых годов, ни у нас в стране, ни где-то за рубежом такой науки, как мерзлотоведение, еще не существовало. Строителям Магадана до всего приходилось доходить опытным путем. Сначала рыли под фундаменты зданий котлованы глубиной до пяти метров, прогревали электричеством грунт, уплотняли его и укрепляли железобетонными подушками. Но готовить такие фундаменты можно было только летом, и обходились они очень дорого, а оправдывали себя все равно далеко не всегда. На ровной площадке дом стоял, а чуть склон — начинал «плыть».

Потом обратили внимание, что поставленные на железные опоры складские пакгаузы держались хорошо где угодно, в том числе и на склонах сопки, а такие же пакгаузы на обычных фундаментах коржило.

Так впервые возникла идея строить дома на сваях.

Но покорением вечной мерзлоты все проблемы колымских градостроителей не решались. Что значит построить на Севере город благоустроенный? Прежде всего — сделать дома теплыми. А какой дом, выражаясь инженерным языком, держит тепло лучше всех? От чего это зависит?

Стали строить на сваях дома барачного типа, считая, что чем дом ниже, а стены его толще, тем он должен быть теплее. Но оказалось, что завезенные из Ленинграда щитовые домики со сравнительно тонкими стенками гораздо теплее. В чем же дело?

В Москве или Ленинграде над этой проблемой работали бы, наверное, целые исследовательские организации. Но на Колыме таких организаций не было и помочь северянам тоже никто не мог. Поручили в спешном порядке разобраться во всем молодому

инженеру Ивану Ивановичу Лукину. Сейчас, когда пишется эта книга, он еще продолжает работать в Магадане. Не хочет расставаться с городом, в котором прошла вся его деятельная жизнь. Небольшого роста, очень подвижный, лобастый, рассказывает, живо поблескивая веселыми, добрыми глазами:

— Над этой чертовой загадкой я чуть себе мозги не сломал. Почему в домиках теплее — никак не пойму. Вроде по всем показателям бараки должны держать тепло лучше, толщина стен там во всякая, а тут всего полторы пяди — и теплее. А размер комнат одинаковый, и топят вроде так же. Думаю, прикидываю в голове и сяк и этак, — ни до чего не додумаюсь. А попадешься на глаза Берзину, тот с вопросом: «Ну, как дела, батенька?» Понятно, что он имеет в виду, а что ему ответить? Вздыхаешь только да в землю смотришь. Он, правда, сильно не жал, понятливый мужик был, с сочувствием. Но от этого на душе еще муторней делалось. Стоишь перед ним дурак дураком... Потом я начал считать все обмеры и неожиданно получил один очень любопытный результат. На условно одинаковую кубатуру зданий площадь наружных стен у бараков оказалась в два с лишним раза больше, чем у домиков. Я так и подпрыгнул на месте: вот где собака зарыта!

Хорошо, начал вертеть расчеты дальше, и вышло в конце концов, что в наших условиях выгоднее всего строить дома сферические, как якутские юрты. Но многоэтажные каменные здания шарами же не сделаешь. Значит, тогда кубические. Возьмем, допустим, барак двести метров на десять и на четыре. Его общий объем получится восемь тысяч кубов, то есть на сто условных кубов выходит семьдесят один квадратный метр охлаждающейся поверхности. У кубического же дома при том же объеме охладиться будут всего тридцать квадратных метров. Отсюда и вся разгадка. Но, понятно, кубическими коробками улицы тоже не заставишь. Однако это уже дело архитектора, важно знать, от чего плясать.

Ну, решил одну задачу; мне тут же — вторую: почему в некоторых домах рвется кирпичная кладка? Дом стоит нормально, а кир-

пич зимой рвется, в стенах дыры образуются. А почему — черт его знает. Опять мозги набекрень. Додумался до того, что ночами кирпичи перед глазами мельтешить стали. Но все ж таки и этот орешек я разгрыз. Штукатурку-то мы «пожирнее» старались делать, чтоб покрепче была, цемента не жалели, а оно в итоге бетон получался, у которого коэффициент расширения на морозе вдвое больше, чем у кирпича. Штукатурка и рвала кирпич, сама потом осыпалась и в стенах дыры оставляла. Летом-то она сжималась в обратном порядке, и тут уже кирпич ее рвал. Потому что меньше сжимался. А строить-то надо долговечно, такая задача перед нами стояла.

Да что там говорить, проблем хватало. Хотя бы та же окраска зданий. Как будто ничего сложного, помалярил и вся недолга, а на самом деле — целая академия. Облицовка домов камнем или там лепные украшения, колоннады — удовольствие для Севера слишком дорогое и практически не всегда возможное. А дома должны как-то различаться, и нужно добиться, чтобы выглядели они привлекательно и в прозрачно-сумеречные белые ночи, и в темные, долгие зимние ночи, и в пасмурную погоду, и в снегопад, и в дождь, и на фоне снега, и на фоне разжиженной глины. А это не так-то просто, потому что освещение не только окрашивает предметы, но и перекрашивает их. Ведь окраска предметов зависит от двух световых потоков: волн, отраженных самими предметами, и рассеянного света атмосферы. Сливаясь в глазу наблюдателя, эти два потока образуют зрительное ощущение той или иной окраски, в зависимости от состава света в этих двух потоках. При слепящем солнечном свете все цвета становятся беловатыми или слабо-желтоватыми. Больше всех изменяется красный, а меньше всех — фиолетовый. Наиболее светлым кажется желтый, а наиболее темным — синий. В лучах восходящего и заходящего солнца все предметы краснеют и оранжевеют, а зеленый цвет, кроме листвы, которая отражает красные лучи, темнеет. С наступлением сумерек быстрее всех исчезает красный цвет, потом темнеет и следует за ним желтый. Наиболее долго кажутся светлыми и исчезают позже других цве-

тов голубой и синий. На рассвете все идет в обратной последовательности: первым появляется синий, а последним — красный...

Так в природе, и, когда все это уравновешено, никаких проблем не возникает. Но у нас-то почти три четверти года — зима, долгие зимние ночи. Значит, большую часть жизни мы видим город освещенным искусственным светом, при котором белое становится желтоватым, красное — оранжевым, оранжевое — желтым, зеленое — более теплым, голубое — зеленоватым; синее темнеет, становится почти черным, фиолетовое краснеет.

Эту исключительную роль искусственного освещения и должны особенно учитывать архитекторы и главный художник города, чтобы люди никогда не чувствовали себя подавленными однообразной серостью и без зрительного напряжения отличали один дом от другого.

Вот, не простая это проблема — создать в наших условиях город привлекательный, именно создать... Человек жив радостью, а не печалью, в этом все дело. Но не все зависело от решения чисто инженерных и архитектурных задач...

Экспедиция Билибина верно оценила преимущества и значение бухты Нагаева. Да, лучшей гавани тут нет, следовательно, порт, а значит, и город нужно было строить именно здесь. Однако билибинцы, не предвидя всех сложностей строительства на первом его этапе, упустили из виду одну очень существенную деталь — водоснабжение. То есть они понимали, что порту и городу понадобится пресная вода, но считали, что для этого хватит источников на Каменном Венце, и они действительно достаточно мощные. Но брать из них воду, как это делали заходившие в бухту суда, строителям оказалось не только неудобно, но не всегда и возможно. За неимением водопровода ее возили оттуда в водоналивных баржах, которые выходить из порта в штормовую погоду не могли. А штормит в бухте Нагаева, к сожалению, нередко. То, что

в здешних краях она одна из самых тихих, это так, но тишина здесь весьма и весьма относительна. Сегодня штиль, на водной глади ни зыбки, а завтра разразится такой ураганище, выдержать который нелегко и громадным океанским кораблям.

Поэтому перед строителями стояла дилемма: либо прокладывать дорогу к Каменному Венцу берегом бухты, либо прорубать в тайге четырехкилометровую просеку к речке Магаданке. В первом случае пришлось бы рвать крепчайшие базальтовые скалы и не получить взамен ничего, кроме дороги. Второй же вариант, кроме всего прочего, давал еще и лес на топливо и частично для строительства. Остановились на нем. Потом, чтобы не расчищать новые участки тайги, начали вдоль просеки строить дома. Тянули улицу, тянули и постепенно дотянули до самой Магаданки. Затем поближе к воде построили механические мастерские, вокруг которых быстро вырос рабочий поселок.

Так стихийно рождался возле Магаданки город, не имевший никакого предварительного плана. Да в то время его не могло и быть, поскольку до образования Дальстроя его предшественники — руководители Дальцветметзолота строить какой-то солидный город на Колыме вообще не собирались. Уже упоминавшийся управляющий Верхнеколымской конторой приисков Василий Онуфриевич Домбак, еще не зная ничего о Дальстрое, писал в сентябре 1931 года в Далькрайком:

«Как и повсюду, где когда-либо велась золотодобыча, временный характер строительства на обнаружившей свою золотоносность Колыме очевиден, и нет нужды доказывать, сколь пагубна вскружившая отдельным товарищам головы гигантомания, преследующая своей целью не скромные затраты на строительство обычных старательских поселков, а капиталовложения в поселки непременно городского типа и даже города, появление которых ничем оправдано быть не может. Благие намерения оградостроительствовать дикую тайгу в конечном итоге обернутся совершенно напрасными затратами, ибо наивно предполагать, что кто-нибудь, кроме приспособленных, но малочисленных туземцев — их немногим

более семи тысяч на всю необъятную Колыму, — захочет жить в этом гиблом климате постоянно. И, собственно, чем занять народ, когда кончится золото?..»

Конечно, в Далькрайкоме думали иначе, поэтому и был создан Дальстрой, но, пока он создавался, строительная стихия продолжалась, причем в самом неудобном для города месте.

Слово «Магадан» произошло от эвенского «монгодан». По преданию, когда-то над северной частью Охотского моря пронесся такой ураган, что море перехлестнуло сопки и ринулось в тайгу, оставив после себя буреломы и громадные паводковые завалы. Потому эвены и назвали это место Монгодан — морские наносы — и никогда здесь не селились, так как климат тут никудышный. Что на вечно неспокойном Охотском море, то и в городе. Чуть летом заштормило — и в Магадане ливни. Или сырой вязкий туман, хотя всего в шести километрах отсюда солнечно и сухо. И зима в городе не типично колымская. На том же шестом километре морозная тишина и от света глазам больно, а в Магадане пурга, наметающая сугробы в семь-восемь метров. И опять туман. Если над морем проносятся циклоны, ветер в городе сбивает с ног.

Крайне неудачно выбрана городская площадка. Нужно было строить его, как и рекомендовали билибинцы, в сторону Каменного Венца. Но дальстроевцы были поставлены перед свершившимся фактом. Пришлось исходить из того, что есть. И первое, что сделал Берзин, — запретил вырубать тайгу по правую сторону просеки Нагаево — Магаданка. Было решено создать здесь парк культуры и отдыха. Затем на просеке, ставшей главной улицей города — проспектом Ленина, — директор Дальстроя приказал вновь посадить деревья.

Будучи сам архитектором, Берзин рассуждал правильно. Если поздно менять площадку города, то нужно его хотя бы так спланировать, чтобы дома превратились в заслоны от господствующих ветров и наползающих с моря туманов, и улицы, чтобы они выглядели наряднее, максимально озеленить. В этом отношении он даже выдвинул конкретную задачу: на каждого жителя города не менее

пятидесяти квадратных метров зелени. Вдвое больше экологической нормы!

Вот здесь-то магаданцы, наверное, и поняли впервые по-настоящему, как легко северную природу ранить и как трудно, а порой и невозможно восстановить загубленное.

При Домбаке механические мастерские и рабочий поселок вокруг них были построены на месте великолепной тополиной роши, которую извели всю до последнего дерева. И просеку к Магаданке рубили не по мелколесью, а как раз там, где стояли самые крупные лиственницы. Теперь все нужно было восполнять. Но оказалось, что привезенные из тайги и вновь посаженные молодые тополи в Магадане почему-то не приживались. Три года подряд гибли и все посадки лиственниц, а в чем тут причина — никто ничего не понимал. Все делали старательно, с душой, нашлись и опытные лесоводы, а деревья тем не менее гибли.

Потом, испытав все научные рекомендации, принялись сами экспериментировать наугад. Начали брать пробы почвы в Магадане и искать точно такие же почвы в тайге. И только там выкапывали саженцы. Тополи, однако, все равно не приживались, а лиственницы и кустарники медленно, подолгу болея, но все же пошли в рост. Можно себе представить, какая это была для магаданцев радость. Наконец-то они нашли тот золотой ключик, который так долго искали.

Как-то научно объяснить свою находку не пытались, главное — нашли, и ладно. Но какой же это был подвижнический труд! Ведь не просто же выкопать в тайге тысячи корней, и найти еще, где копать, да перетащить корни с землею, да посадить, поливать, холить.

Говорят, голь на выдумки хитра. Нет, здесь была не голь, было упорство, горячая вера в успех и всеобщий энтузиазм. Специального треста по озеленению никто не создавал. Массовые выезды, а вернее, выходы в тайгу устраивали по воскресным дням, а посадками и всем прочим занимались только после работы.

Пример показывал директор краеведческого музея Александр

Полуэктович Хмелинин. Огородив возле музея небольшой участок, он первым взялся вырастить в Магадане декоративно-ягодный сад. Посадил несколько кустов привезенной из Приморья садовой черной смородины, рябину, шиповник, березу, лиственницу и настойчиво пытался заставить расти на магаданской земле тополь. В конце концов ему это удалось, и скоро его сад стал одним из красивейших уголков города.

Потом такие же сады посадили агроном горкомхоза Владимир Иванович Горозеев и рабочий Константин Леонтьевич Збарашенко. Они начали культивировать малину, разные огородные культуры, а Збарашенко построил и теплицу, в которой выращивал цветы, в том числе прекрасные гладиолусы и астры.

Со временем садоводство в городе стало массовым и было организовано даже садовое товарищество, в которое вошло более двухсот энтузиастов. Так под Магаданом возникли дачи, где прекрасно растут и плодоносят многие культуры, никогда прежде на Северо-Востоке не произраставшие. Особенно замечательный сад у магаданца Георгия Александровича Кудрина. У него плодоносят черная, красная и белая смородина, сибирская вишня, крыжовник, малина, земляника, цветут сирень, акация, в 1982 году впервые зацвела барнаульская яблоня. Из огородных культур, кроме картофеля, капусты, редиса и моркови, Георгий Александрович выращивает ревень, хрен, приморскую черемшу, дикий лук.

К саду Кудрина примыкают два с половиной гектара земли, которые стараниями Георгия Александровича превращены в прекрасный парк. Здесь растут перенесенные из леса береза, ольха, рябина, лиственница, тополь, акклиматизированы черемуха и сибирская ель. Есть в этом парке и северные ягодники: брусника, жимолость, голубика, морошка.

Насколько серьезны успехи магаданских садоводов, можно судить по тому, что они были участниками Выставки достижений народного хозяйства СССР, и многие из них награждены бронзовыми медалями, а Георгий Александрович Кудрин — серебряной.

Когда в июле 1979 года Магадану исполнилось сорок лет, в адрес горкома партии, горисполкома и просто в адрес города пришли сотни поздравительных телеграмм, открыток и писем. Среди них и письмо одной из первостроительниц Магадана Зинаиды Лихачевой. Оно немножко длинновато, поэтому я приведу его здесь с некоторыми сокращениями:

«Здравствуй, Магадан!

Глядя на твои теперешние фотографии, вижу прекрасный, но незнакомый город. Как ты возмужал, как похорошел!

А я помню тебя с твоего раннего детства. Помню с момента причаливания нашего парохода со странным, похожим на протяжный гудок названием — «Кулу»...

По берегу растянулись длинные низкие строения, которые при ближайшем рассмотрении оказались штабелями мешков с зерном. Ветер громыхал обледенелыми углами брезента. Горстки рассыпанной ржи вмерзали в серую гальку.

В лицо бил снегодождь, оставляя на губах солоноватый привкус.

Так ты встречал приезжих — хлебом и солью.

Грузовики бултыхались в глубоких дорожных выбоинах. Вдоль дороги желтели свежие пеньки. Уцелевшие лиственницы голыми ветками беспомощно отмахивались от наступающих щитовых домов, почерневших от сырости. Кое-где попадались палатки, обложенные пластами торфа. Как ни странно, я обрадовалась. Значит, никакого города еще нет? Значит, предстоит начать его строить на диком, необжитом месте? Охватило волнение, которое испытывает человек перед чистым листом бумаги. Человеком овладевает желание скорее заполнить его своими образами, мыслями, мечтами...

Итак, здесь будет город. Нельзя, чтобы сводили лес. Лиственница в столетие едва достигает шестиметровой высоты. Необходимо сохранить эти — уцелевшие. Говорят, здесь не растут цветы? Что ж, можно сделать газоны из ярких северных мхов. А сам город будет построен в прекрасных пропорциях «золотого сечения»,

взятого от снежных кристаллов, весь из каменных кружев, металла и стекла... На спускающихся к морю белых ступенях будут бродить зеленые, гривастые волны...

Таким я увидела тебя, Магадан. А был ты всего-то из трех-четырех немощных улочек, освещаемых светом из незанавешенных окон.

Я знаю, что сейчас, рассматривая свои фотографии, уцелевшие с того времени, ты чуть ли не сомневаешься в их подлинности и, как мы, люди, недовольные своими изображениями, сваливаешь все на недоброкачественную работу фотографа, но, поверь, некрасивым и хилым был ты в детстве...

Если мне посчастливится навестить тебя теперь, я знаю, как это произойдет.

Я буду ходить по твоим проспектам, развернувшимся в гостеприимном жесте: добро пожаловать! А молодые, красивые и строгие дома, поблескивая стеклами окон, будут вежливо глядеть на меня, удивляясь: что ищет эта пожилая незнакомая женщина на улицах и площадях?

И только, верю, одно здание узнает меня. Бывший Дом культуры имени Горького, ныне музыкально-драматический театр.

Коробка здания была закончена. Наружные стены ждали штукатурки, которая подчеркнет линии, повторит эффектные тени, отмытые на чертежах тушью. Портальные колонны ждали коронации капителями, внутри еще бушевал созидательный хаос. Грохотала бетономешалка. Арматурщики гнули железные каркасы, в грохоте и лязге взрывались голубые искры электро-сварки...

Начальник Магаданстроя диву давался: ни на одном строящемся объекте не было такого перевыполнения плана работ, как на этом. А причина была одна: вдохновленные высотой, простором, обилием света, люди знали, что строят здание для театра, торжественных собраний и веселых танцевальных вечеров, и, чувствуя себя причастными к будущим праздникам, работали безупречно и радостно.

...А помнишь, Магадан, тот страшный день, когда из уличного громкоговорителя вылетела жуткая весть: «Сегодня, в четыре часа утра, гитлеровская Германия...»

У длинного, барачного вида здания управления кадрами гудела толпа. Люди требовали немедленной отправки на фронт. Рабочие строительства Дома культуры подали коллективное заявление с просьбой о мобилизации. Потянулось напряженное ожидание. Говорили, что послан запрос в Москву.

Через несколько дней в недостроенном Доме культуры состоялось собрание. Работник управления, оглядев набившихся в зал людей, скупо объявил:

— Москва отказала. Ни один человек, кроме военных специалистов, не может уехать с Колымы.— И, видимо, чтобы смягчить жестокость отказа, мягко добавил: — Здесь, товарищи, тоже фронт, только трудовой, и так же, как на войне, каждый человек на счету, как боец...

Люди метались в поисках возможностей активнее включиться в борьбу страны, разделить со всем народом обрушившиеся на него тяготы. Казалось дезертирством продолжать мирное строительство, отдавая ему только законные рабочие часы. Явилась мысль: просить разрешения на продолжение рабочего дня на два часа без оплаты.

И тогда состоялось второе собрание в зрительном зале. Приехал один из руководителей Дальстроя Воронович. Старик молча вглядывался в разгоряченных людей, от которых несло крепким рабочим потом. Затем сказал:

— Знаю, отказала вам Москва. Понимаю, что тяжело... А что касается дополнительных двух часов, управление Дальстроя вам разрешило. Но предупредило, что теперь все зависит от наличия стройматериалов, в основном от цемента. Подвоза с материка ждать не приходится, и, если цемента не хватит, стройку придется законсервировать...

Работа создавала ощущение своего присутствия на переднем крае. Кто из нас не сгорал вместе с Гастелло? Кто не бросался

под танки, обвязавшись связкой гранат? Все мы умирали и воскресали для новых боев, для Победы.

Дом культуры закончили раньше срока. Лепные потолки сверкали алебастровой белизной. В зрительном зале осветители пробовали свет. Лампа бросала цветные пятна на бархатный занавес... Все было готово к торжественному открытию. Вспыхнули люстры, праздничный свет залил зал. Покрытый тяжелым алым шелком стол. Обрамленный огнем флагов портрет Верховного Главнокомандующего. И в каждом сердце неугасимая вера в слова: «Наше дело правое — победа будет за нами!»

Как давно это было... Хотя у городов свой отсчет времени, но по нашему, человеческому счету тебе, дорогой, уже сорок. Ты зрелый город. Ты, конечно, изменился внешне, но верю, что тепло человеческих сердец, отданное тебе, навсегда в тебе и осталось, а от тебя перейдет в сердца новых магаданцев. И так от поколения к поколению, потому что непреходяща любовь людей к созиданию, потому что бессмертен Труд».

Перечитываю это образное, взволнованное письмо и сам заражаюсь его настроением.

Я не видел твоего младенчества, Магадан, но знаю тебя вот уже четверть века.

Помню, в 1960 году твоей молодой архитектор Нина Милованова мечтала: «Представьте себе, на Крайнем Севере, в стране вечной мерзлоты и снежных буранов, люди вырастят цитрусовые, сделают Дворец-сад. Стекланный свод, паркет в залах, вдоль стен — аллеи, плетеные скамейки. Мандарины, лимоны и пальмы под крышу. Под пальмами, в уголке отдыха, мягкие кресла, столы красного дерева, аквариумы, певчие птицы. Широкие мраморные лестницы, статуи, зеркала. Во Дворце будет народный театр, лекторий, университет культуры, бильярдная, кафе и отдельно — сказочное царство детей...»

Есть теперь у тебя такой Дом, Магадан,— Дворец культуры профсоюзов, под сводами которого зреют кофе и бананы, лимоны и апельсины, цветет множество других субтропических и тропических растений.

Не знаю, существуют ли на свете счастливые города, но то, что на нашей земле есть город, излучающий счастье, я это чувствую всякий раз, когда прилетаю в Магадан. На душе у меня становится так хорошо, как, пожалуй, не бывает нигде, разве еще дома, в родном Богуславе. Да я и здесь дома, среди друзей и знакомых. И, конечно, с дорогой моей подружкой Валей Журбой.

Интересное вышло у нас когда-то знакомство.

Я давний, постоянный и ревностный читатель «Магаданской правды». И вот где-то в начале шестидесятых годов на ее страницах я стал замечать, вернее, отличать от других очерки и серьезные проблемные статьи, подписанные В. Журбой. Иногда даже завидовал этому Журбе. «Вот, — думал, — здорово пишет!» Потом, десяток лет спустя, за той же подписью начали появляться материалы в газете «Социалистическая индустрия». «Ну, правильно, — решил я, — давно пора мужику в центральной печати себя показать». А еще через некоторое время в редакции этой самой «Социалистической индустрии» представляют мне даму:

— Знакомься, наш магаданский собкор Валентина Ивановна Журба.

Я, что называется, дар речи потерял. Представлял себе эдакого хмуроватого детину, степенного, в годах, а тут девица под мальчишку. Худошавая, разноглазая. Один глаз серый и нормальный, то есть обыкновенный, а другой с вертикальным зрачком и карий. Удивительный глаз. Кажется, он смотрит на тебя с прикидкой: а какой ты, мол, есть такой? В сером же глазе в то же самое время отблеск улыбки.

Такое в природе редко встречается, а если и встречается, то, говорят, только у натур, особенно щедро природой одаренных. Но тогда об этом последнем обстоятельстве я не подумал. При виде сей девицы вместо добротного мужика, право слово, аж обидно стало. Вроде как нашего мужского полку убыло. Смеется:

— А я из вашего «Золотого материка» до сих пор цитаты сдираю.

Это одна из моих книг о Колыме так называется — «Золотой материк».

Взятые из нее цитаты у В. Журбы я, разумеется, видел и, насколько помню, чуточку гордился этим: сам Журба меня цитирует! И на тебе — девица...

Вышло так, что на второй день после нашей встречи я попал в больницу. Первой навестила меня в больнице она, В. Журба. Я лежал только что прооперированный, с разрывающей все мое нутро болью. Только Журбы мне и не хватало! Но тут из газетного свертка (дело было зимой, в крепкий мороз) появилась... одна-единственная, но какая роскошная алая гвоздика! Понятное дело, я и про боль забыл, и про все огорчения...

С тех пор Валюша — лучшая моя подружка. Благо, ни ее муж, ни моя жена нас не ревнуют.

Славный она человек, моя Валюша. Жизни, несмотря на фамилию («журба» по-украински — «грусть»), — через край, хотя доля и трудная выпала ей. Детдом, профтехучилище, пекарня, тяжкий недуг. Все же сумела закончить среднюю школу, Московский университет, стала блестящей журналисткой. Оставляли после университета в Москве, но сама попросилась подальше, аж на Колыму. Потом, правда, перевели в столицу, но... проработала немного и — нет, не то, не та атмосфера. Вернулась в Магадан корреспондентом «Социалистической индустрии».

И вот сейчас бродит со мной по магаданским улицам.

— А знаешь, у нас воробьи поселились!

— Как — воробьи? — смотрю на нее с недоумением.

— Так, воробьи, обыкновенные. Никогда же на Колыме их не было, а теперь живут, откуда-то прилетели. Помнишь пословицу? «Воробей есть — значит, жить можно». А ты говоришь, в Магадане уютно.

— Когда это такое я тебе говорил?!

— Ага, не говорил, это я так. А ты не обратил внимания, наша телевышка похожа на маленькую Эйфелеву башню? Заметил? Молодец! У нас ведь телецентр сначала не государственным был,

его сами магаданцы построили, энтузиасты-любители, ага. Еще и в Хабаровске телевидения не было, а мы уже смотрели свои передачи... Во, обрати внимание, наши куранты опять опаздывают!

Магаданские куранты — городская достопримечательность, над которой магаданцы подтрунивают, но которой в душе каждый гордится.

В 1939 году на углу проспекта Ленина и нынешнего проспекта Карла Маркса стояло самое тогда высокое пятиэтажное здание, на крыше которого спустя пять лет соорудили стрельчатую башню. Шла война, и магаданцы опасались нападения японцев, поэтому башню построили для наблюдения за воздухом. Потом, уже после войны, городские энтузиасты (в Магадане их всегда в достатке в самых разных и часто неожиданных областях) решили смонтировать в этой башне свои собственные куранты. Их механизм занял целую комнату, а циферблат — всю ее наружную стену. Долго они шли точно, но затем как-то так оказалось, что главные часы города остались без хозяина, некому стало за ними смотреть и они остановились. Но нашелся все-таки еще один энтузиаст, который взялся их отремонтировать, — Александр Васильевич Тришкин, электромонтер. Не часовщик, но ремонт сделал отлично, и механизм курантов теперь в полном порядке. Однако подключен он к часам на центральном почтамте, которых никто из прохожих не видит, но которые вечно опаздывают. Поэтому синхронно отстают и всем видимые куранты. Так что они, куранты, тут ни при чем, виноваты электрочасы центрального почтамта...

— Ага, — охотно соглашается Валя. «Свои» куранты она тоже очень любит. — Ой, Сань, какая у меня идея!

— Да ну?

— Вот тебе и «ну», — интервью брать у прохожих, прямо на улице. Это же тысячи судеб, книги твоей не хватит.

Точно, описать всех прохожих Магадана никакой книги не хватит, но несколько интервью я решил все же взять.

Первый, кого останавливаем, — крупный мужчина в рабочей спецовке. Объясняем, кто мы, знакомимся. Николай Зиновьевич Скакунов, бригадир штукатуров Магаданского домостроительного комбината, — человек в Магадане известный, лауреат Государственной премии СССР.

— Ну, что вам сказать... — На высоком, с залысынами лбу собрались морщины, в серьезных глазах под густыми черными бровями напряжение — думает. — Жизнь моя в общем-то обыкновенная. На стройку пришел в шестнадцать лет, сначала учеником штукатур, потом, ясно, стал штукатуром. В 1968 году по инициативе нашего комитета комсомола организовали на комбинате первую комсомольско-молодежную бригаду из выпускников профтехучилища. У меня к тому времени уже был кое-какой опыт, и комсомольскими делами я занимался, поэтому назначили бригадиром. Успех, как всегда, пришел не сразу, ребята-то со школьной скамьи. Но ничего, потом все наладилось. Мне присвоили звание «Лучший штукатур города Магадана». В семидесятых годах получил два ордена — «Знак Почета» и Трудового Красного Знамени. Мой помощник по бригаде Виктор Михайлович Полецкий имеет звание «Заслуженный строитель РСФСР». Работаем, строим, бригада стабильная, дисциплинированная, план перевыполняем... Что сказать о Магадане? Я ведь магаданец, родной он мне с детства, и руками своими строю его, уже и счет забыл, сколько домов мы отделали. Нельзя мне Магадан не любить...

Навстречу идет коренастый кудрявый усач, похожий на запорожца. Чему-то про себя улыбается.

— Здравствуйте!

Кивнул в ответ головой и, не останавливаясь, шагает дальше.

— Минуточку, товарищ...

— Вот в чем дело, — сказал, выслушав наши объяснения. — А то со мной многие в городе здороваются. Профессия такая, мы с отцом водители автобуса на пятом маршруте, так нас, кто пользуется автобусом, все знают. И мы к людям пригляделись.

Я еще подумал, что лица что-то незнакомые, когда вы поздоровались...

Владимир Алексеевич Жадан, тридцать один год. Родился и вырос на Ставропольщине, отслужил в армии, потом, одиннадцать лет назад, приехал к родителям в Магадан. Они приехали сюда жить и работать по оргнабору. Север потянул, отец бывал когда-то в северных краях.

Хотел, как батька, сесть сразу за баранку, принимали водителем автобуса в то же пассажирское автопредприятие, но отец посоветовал сначала послесарить, чтобы машину до винтика изучить. Послушался и теперь не жалеет, автобус знает, как свои пять. У них семейный экипаж, посменно работают с отцом на одной машине. И план обций, всегда его перевыполняют, хотя маршрут считается не «кассовым», нет на пути крупных предприятий.

Какие события в жизни? Да вот сегодня случилось событие — приняли кандидатом в члены партии. Потому и шел улыбаясь? Конечно, праздник немаловажный.

Как относится к Магадану? Как же к нему можно относиться, если город замечательный. В городах-гигантах, может быть и великолепных, человек — песчинка в космосе, а Магадан с его полутора сотнями тысяч населения можно объять. Хотя размеры его и внушительные — восемнадцать тысяч гектаров, но, поднявшись на самую высокую в городе Марчеканскую сопку, ты видишь его весь, смотришь и радуешься, какой он красавец белокаменный, с улицами прямыми, как струны. Не бывают струны с волнами? А да, верно, город на сопках, с волнами, но улицы все равно ведь прямые. Но самое важное: ни на одной из них ты не ощущаешь себя затерянным в людской толчее. Людей много в любую погоду, но никто не летит стремглав, не толкается, идешь и чувствуешь себя личностью.

Не скучает ли по Ставрополю? Смеется. Магаданец уже. В отпуск на родину ездит, понятно, но только в отпуск. К Магадану привыкаешь не сразу, но, когда привыкнешь, расставаться надолго

с ним нелегко. Трудно объяснить, в чем тут дело, но у Магадана есть какой-то магнит, который притягивает тем сильнее, чем дальше здесь живешь...

А насчет отдаленности, так вот смотрите, — показывает на афишу-программу областной филармонии.

Афиша любопытная. В ближайшее время в Магадан прибывают солисты Тбилисского государственного академического театра оперы и балета имени Захария Палиашвили. Это заслуженный артист Грузинской ССР, лауреат международного конкурса Д. Мдивани (баритон) и Э. Краивешвили (тенор). В программе вокального дуэта произведения Верди, Доницетти, Пуччини, Россини, Чайковского, Палиашвили. Концерты гостей с берегов Куры пройдут в коллективах предприятий областного центра.

По многочисленным заявкам северян в Магадан вторично прибывает заслуженная артистка РСФСР В. Толкунова. Затем творческую эстафету примет вокально-инструментальный ансамбль «Эребуни». Артисты дадут большой концерт для строителей областного центра в честь их профессионального праздника. С интересной программой выступит в Магадане и ближайших поселках музыкальный ансамбль «Век».

Ожидается приезд киевского ансамбля «Кобза». Украинских артистов сменит эстрадная группа «Черген» из Ленинграда. Сольные концерты дадут в Магадане артистка В. Ерофеева и заслуженная артистка РСФСР пианистка Т. Гусева. Приедет фортепианное трио из Москвы. В его составе — лауреат международных конкурсов А. Бондурянский (фортепиано), В. Иванов (скрипка) и М. Уткин (виолончель). В программе концертов — произведения мастеров русской и зарубежной классики: Гайдна, Моцарта, Бетховена, Брамса, Танеева, Рахманинова, Шостаковича и Шебалина.

Посетит Магадан одна из интереснейших исполнительниц песен Е. Камбурова. Пройдут гастролы Казахского государственного хореографического ансамбля классического танца и народной артистки Союза ССР Л. Касаткиной.

— Видите, артисты со всего Союза к нам едут. А удобства какие, гляньте вот.

Рядом с афишей филармонии плакат «Служба быта предлагает», в котором перечислено больше сотни услуг, от ремонта сложной бытовой техники, холодильников и телевизоров до ремонта и реставрации ювелирных изделий...

Возле универмага «Восход» встречаем солидное семейство. Папа толкает двухместную зеленую коляску для близнецов, мама ведет за ручку девочку лет двух. Пяти-шестилетний мальчик с независимым видом шагает рядом с папой.

Григорий Яковлевич и Валентина Прокофьевна Киселевы. Он — шофер облрыбпотребсоюза, она — преподаватель русского языка и литературы. Нет, были не в универмаге, ходили в мебельный магазин, гарнитур для гостиной присматривали. Да, новоселье. По случаю рождения близнецов получили трехкомнатную квартиру в новом девятиэтажном доме. Хлопот, естественно, много, но хлопоты радостные. Зовут в гости. Такая квартира, просто чудо. Не совсем еще, правда, все устроено, но это неважно, гостей принять есть где. Не можете? А если все же?.. Ну, что ж, на нет, как говорится, и суда нет...

Магадан? Да разве о нем простыми словами расскажешь? Вот поэт наш Петр Нефедов, он хорошо сказал.

Здесь улицы ветры продули,
Промыли туманы, дожди,
Здесь Север, и даже в июле
Палящего солнца не жди.
Но знали б, как город мне дорог,
Где след мой на каждом шагу...

Стихи прочитала, конечно, Валентина Прокофьевна. Очень душевно читала, и я невольно представил ее себе в школьном классе. Наверняка ребята слушают свою учительницу затаив дыхание...

Еще одна женщина, среднего роста, чуть полноватая, с тяжелым «мужским» портфелем в руках. Обрамленное русыми кудрями кареглазое лицо знакомо по опубликованному в магаданской печати фотографией — штукатур КолымаГЭСстроя Светлана Юрьевна Литвиненко, делегат XXVI съезда КПСС. Как выяснилось после короткого знакомства, приехала со стройки в Магадан на летнюю экзаменационную сессию в здешнем филиале Всесоюзного заочного юридического института. Располагает ли свободным временем? Да, только что сдала очередной экзамен, можно немного отдохнуть.

Чтобы поговорить спокойно и подробнее, сели в соседнем скверике на скамейку. Светлана Юрьевна, положив свой портфель на колени, засмеялась:

— Что же вам рассказать?

— А вы с самого начала, то есть как жизнь ваша начиналась, когда, где, как потом на Колыме оказались. Вы ведь не коренная колымчанка?

— Заметно?

— В газетах писали.

Смуглое, полнощекое лицо хоть немного и утомлено, но очень подвижное, все время улыбается, обнажая два ряда крепких, белых в синеву зубов.

— Донбассовка я по рождению, из Тореза, в сорок седьмом там родилась, через два года уже четвертый десяток разменяю... — На минутку задумалась, глянула вопросительно: — Длинно получится, если с самого начала, не заскучаете? Нет? Ну, тогда что ж, ладно...

Я слушал, и ее рассказ живо рисовался в моем воображении. ...С тех пор немало воды утекло, а она все помнит слова той доброй старой женщины.

— Всяко бывает, детка, а горюниться не след, пустое это — горюниться, — выслушав невеселую Светланину историю, сказала она с утешающей строгостью. — Найдешь место середь людей и будешь жить, пропасть люди никогда не дадут...

Светлана даже не спросила, как ее зовут, — случайная попутчица в междугородном автобусе Донецк — Торез. А слова запомнились. Кстати были они, успокоили.

Ей исполнилось тогда шестнадцать. Училась в донецком техникуме, но со второго курса ушла. По семейным обстоятельствам.

Непутевый отец бросил их и сгинул неведомо куда. Разыскивать его ради алиментов мать из гордости не желала, воспитывала двоих детей сама, Светлану и маленького Сережу. Но одной ей приходилось, конечно, трудновато.

Когда Светлана, закончив восемь классов, поступила в техникум, Мария Николаевна, чтобы больше зарабатывать и получить одевать взрослеющую дочь, попросилась с относительно легкой работы машиниста очистных сооружений в шахту. А подземка есть подземка, тем более для не слишком здоровой женщины. Мария Николаевна часто стала болеть, и, хотя не жаловалась, бодрилась, Светлана, приезжая по выходным домой, видела: здоровье у мамы все хуже. Пересиливая себя, ходила на работу, боялась, что врачи потребуют из подземки уйти.

Как ни хотелось Светлане продолжать учебу в техникуме, но...

Разговаривая с той незнакомой женщиной в автобусе, она еще не знала, куда пойдет и кем. Устроиться где-нибудь, а где — не так уж важно. Лишь бы только мама поскорее подземку оставила.

Так и маме сказала. Приехала, мол, не за продуктами, как обычно, — вернулась насовсем. Говорят, в Торезе появилось неплохое место среди людей, приглашают занять.

Но шутки шутками, а мать, понятно, в слезы. Ой, доченька, ой, родимая, да как же это, да что же это? — техникум бросила! Два годочка же всего осталось! Доучилась бы, на ноги встала, со специальностью-то...

Характер у Светланы с детства — дружки-подружки, хоровод-частушки, но сказала — отрезала! А сейчас она и не могла иначе.

Слишком большую чувствовала на себе ответственность. И не только за больную маму. Шестилетний братик тоже требовал ее внимания.

Утром следующего дня Светлана поспешила к Ивану Порфирьевичу Беседе — секретарю парткома той самой шахты, где работала Мария Николаевна. Не на официальный прием, нет. Для Светланы Порфирыч, как его все звали в Торезе, был просто дядя Ваня, с которым можно посоветоваться. До недавнего времени они жили с Беседами по соседству. Дядя Ваня хорошо знал их семью и, чем мог, помогал им.

Как всегда, Светлане он искренне обрадовался.

— А, Светик-Самоцветик! Прошу, прошу, заходи, сусидонька дорога. — Седой, крупный, с прокуренными казацкими усами, Порфирыч сидел у себя в кабинете в белой, вышитой крестиком сорочке. Заулыбался, любясь нежданной гостьей. Она носила в ту пору заплетенные в голубые ленты косы, ниспадавшие по цветастому ситцевому платью до самых икр. Крепенькая, румяная — настоящий Светик-Самоцветик, поневоле залюбуешься. Но что-то у Светланы сегодня лоб нахмуренный и глаза с заботинкой.

Порфирыч встревожился.

— Що з тобою, Свитланочко? Бида якась?

— Да нет, дядя Ваня, не совсем беда, — вздохнув, опустилась на стул Светлана. — Пришла поговорить с вами...

Вникая в торопливую речь девушки, Порфирыч по привычке пощипывал кончик длинного уса. Что техникум бросила, жаль, известно. Ну да что решила, значит, решила, горевать теперь лишнее. Будет стремление, успеет еще и техникум закончить, и в институт поступить. А вот то, что душа о маме болит, тут все правильно.

Вдруг, хлопнув по столу ладонью, Порфирыч почти возликовал:

— Слухай, Свитланочко, а я придумав, ей-ей, придумав! — И, хитро сощурившись, мешая от азартного волнения украинские слова с русскими, выложил Светлане свою моментальную придумку.

ку.— Мы ось що зробимо. Ломать голову, дэ у Торэзи тоби влаштуватись, нічого. Пойдеш до нас на очистные сооружения ученицею машиниста. Скажэш мамі, нібы на цих сооружениях тоби інтэрсно. А мы матинку-голубушку до тэбэ — у наставныці! Бо вона ж у нас машинист пэршого класу, хвигурою була на очистных сооружениях, хоч и заробляла там мэншэ, ніж у шахти. Ну, попросымо, звычайно. Мовляв, сам бог тоби, Мыколаивно, звэлив доньку свою вчыты. У кого ж вона кращэ навчыцца? Отут вона, сэрдэшна, шахту свою и забудэ, ей-ей, забудэ!.. Ну що, гарна моя стратэгія?

Вот так все и устроилось.

Казалось, нашла Светлана свое место. Через три года, в девятнадцать лет, сразу четыре замечательных события: закончила среднюю школу рабочей молодежи, избрали комсоргом участка, приняли в партию, вышла замуж.

Славно все складывалось. И муж, как хотелось верить (не сглазить бы!), самостоятельный попался.

Светлана помнила, сколько горя хлебнула мама с пьяницей отцом, как из-за него настрадалась. Помнила и больше всего боялась достаться такому же. Но Алексея в беспутстве никто не замечал. Не пил, портрет на Доске почета. И собою видный, чернобровый, кудрявый, орлом смотрит. Летними вечерами, бывало, выйдет с баяном на улицу — девочки вокруг стаями. В Торезе по Алексею многие вздыхали. Но предложение он сделал все-таки Светлане, и она была счастлива, гордилась, что из многих он ее выбрал. Нехорошо, конечно, тщеславиться, да кто ж без греха?.. В суматошные предсвадебные дни как на крыльях по городу летала...

К сожалению, верно говорят: «Знал бы наперед, где упадешь, соломки бы подстелил».

Вскоре после свадьбы она собралась ехать в Донецк поступать в институт. Сказала о своем намерении Алексею. Ждала, что похвалит, приласкает, но тот против ожидания глянул на нее как-то дико, совсем не своим прежним взглядом, хмыкнул, всохотнул,

словно уяснив, наконец, какую нелепицу услышал от жены, и оглушил (другого слова не подберешь) вопросом:

— А рожать ты думаешь?

Ответила вроде как виновато:

— Я же на заочный, Алеша. В Донецк только на сессии ездить два раза в год...

— А с книжками кто дома сидеть будет? Мне, что ли, с мальцом потом возиться?

— У нас бабушки две...

— Ребенку не бабушки — мать нужна! — сказал, будто в самое сердце гвоздь вогнал.

В ту ночь, зарывшись лицом в подушку, Светлана впервые проплакала до утра. Алексей лежал рядом, спокойно спал, словно между ними ничего особенного не произошло. На рассвете только невнятно пробормотал сквозь сон: «Не хлюпай, мне в забой с утра».

Как же с таким человеком жить дальше?.. Проклятая бабья доля... Но почему, почему она должна покоряться какой-то бабьей доле? И что оно, кто это придумал — бабья доля?

Она не понимала этого ни умом, ни сердцем. Не хотела, вернее, понять...

Она не предполагала, что утром, вставая с постели, вдруг почувствует незнакомую дурноту. И сразу сникнет. Вот она, твоя бабья доля...

Потом родилась Ирочка.

Из-за ребенка три года старалась переломить себя, угождала Алексею. Хоть и молодая, горячая, а разумом сознавала: не просто это, ой, не просто дитя без отца оставить. На себе безотцовщину испытала. Да Алексей внешне вроде и не обижал ее, по-своему заботился о них с дочкой. На базар ходит, в магазин, иногда даже пеленки Ирочкины помогал стирать. «Повезло тебе, Светка, — говорили соседки. — Не муж — находка!» И она охотно соглашалась, самой так думать хотелось. Да себя-то не обманешь. Какое тут везенье, когда вся жизнь, как в скорлупе. Сначала по

настоянию Алексея написала заявление, чтобы освободили от обязанностей комсорга. Бросила художественную самодеятельность, друзей растеряла. Даже на партийных собраниях урывками стала бывать.

Ни книг, ни театра, ни кино. «Кино? Зачем же я тебе цветной телевизор покупал?»

Как-то в воскресенье, убирая в комнате, глянула в большое зеркало и от неожиданности замерла: опустилась-то как! В двадцать три года совсем за собой следить перестала...

Постояла, подумала и разом решила: еще не поздно начать все сначала, нет, не поздно!

Когда она подала на развод, он долго не мог понять, что с ней вдруг стряслось. Так все хорошо было и... Взбесилась баба...

— Не баба я тебе, я — женщина!

— Не в лоб, так по лбу. А ребенка?

— Воспитаю, не беспокойся.

— Да ты хоть скажи, чем я перед тобой виноват?

— Разные мы с тобой люди, Алексей, не будет у нас с тобой жизни нормальной.

— Была же.

— Для тебя — да, для меня — нет.

— Ну, может, в чем я и провинился, но не рушить же из-за этого семью.

— Не было у нас семьи, видимость только одна. Ты сам по себе, я — вокруг тебя да в себе. Не семья это — сожительство.

— А хоть бы и так, что в этом плохого? Люди вон завидуют... Не уговорил. Раз решила, стало быть, решила.

После развода собрала Ирочку и недолго думая махнула в Алушту, к дальней родственнице. Чтоб и случайно на улице с ним не встречаться.

В Алуште пошла на стройку в бригаду маляров. Через год назначили бригадиром, избрали партгоргом участка. А еще спустя два года здесь и вторую судьбу свою нашла — Леонида. Он прорабом тогда на их участке работал, молчаливый голубо-

глазый атлет, — единственный жених на добрых две сотни невест.

Ее полюбил, разведенную, с ребенком, годом старшую.

Ирочку удочерил, а Танечка уже его была, кровная.

Дали им на четверых в Алуште просторную двухкомнатную квартиру, с верандой и окнами на море.

Постепенно стали обрастать вещами, домашностью разной. Жить бы, да и только, но затосковалось Светлане Юрьевне. Сердцем бы не ожиреть в этом солнечном Крыму...

Молчун Леонид — парень с понятием, не то что Алексей. Предложил ехать работать и жить на Колыму. Отец у него офицером был, служил раньше в Магадане, поэтому Колыму Леонид знал и знал, чего ищет мятежная душа его Светланы.

Тут, на Колыме, выбрали себе самую крупную стройку края — КолымаГЭСстрой. Он — плотником-бетонщиком, она — штукатуром-маляром. Определились. С такими морозами да темпами работы, как здесь, сердца не зажиреют...

Человека с так называемой «общественной жилкой» видно сразу. Заметили на стройке и Светлану Юрьевну. Сначала избрали председателем местного комитета профсоюза, потом — партгоргом стройуправления, членом райкома партии. А спустя четыре года оказали и высшее доверие — послали делегатом на XXVI съезд КПСС.

Работа, общественная деятельность, учеба в заочном институте, дом, две дочери. Трудно ли все совмещать? Да как сказать... Когда в радость все, какие же трудности? Куда ни кинь, ко всему причастна. И главное — действительно есть свое место среди людей...

Мы снова ходили с Валею Журбой по проспекту Ленина. Внезапно меня словно током ударило. Навстречу стремительно шла женщина (опять женщина!), увидев которую я онемел, а кто она — не мог сообразить... Постой, постой, где же мы с ней встречались?

Где-то определенно встречались, но где? Быстрее соображай, а то ведь пройдет мимо...

— Извините, пожалуйста...

— Да, в чем дело? — Остановилась с явным нетерпением, даже с раздражением, и не будь со мной Журбы...

— Видите ли, мне показалось...

Долгая мучительная пауза. Смотрим друг на друга, узнавая и не узнавая. Вдруг она даже вскрикнула:

— Вы?! Александр Семенович?!

Господи, да ведь точно она, Валя, везет мне на Валентин. А все же не мудрено, что узнал не сразу. Столько воды утекло!

Тогда была девчонка. Длиннорукая, нескладная, в нелепом наряде: туго завязанный на затылке клетчатый суконный платок, серая брезентовая куртка коробом и такие же брюки, заправленные в кирзовые сапоги. Рослое чернобровое дитя. А теперь — женщина. Высокая, статная, в модном джерсовом платье цвета морской волны. Уложенная короной тяжелая темная коса будто переплетена множеством нитей серебристого люрекса. Вот только глаза, кажется, все те же... Нет, они тоже изменились. Тогда в них тихо светилась боль...

— Надо же! А помните?..

Конечно, я помнил, все помнил... В 1958 году с небольшим отрядом геологов я шел вниз по реке Алазее к Восточно-Сибирскому морю. Где-то там, в устье реки, по геологическому прогнозу предполагалась кимберлитовая трубка — коренное месторождение алмазов.

Нас было шестеро: начальник отряда Вавилов, уже немолодой, много походивший по Северу таежный волк, его помощник Саша Рубцов, раскудрявый весельчак, когда-то служивший на флоте и не упускавший случая похвастать своей морской хваткой, пятидесятилетний завхоз отряда Федор Галка, которого все почему-то звали «американцем», молодой шурфовщик Николай Белкин, я и она, коллектор Валя Полякова, с которой мы теперь вот встретились.

В пути с нами приключилась неприятная история: на алазейских перекатах разбился наш кунгас. Снаряжение и продукты удалось спасти, но мы остались без транспорта.

Саша предложил соорудить плот. Предложение казалось разумным, но Вавилов отнесся к нему скептически.

— Напрасный труд, — осматривая побывавшие в воде приборы, хмуро сказал он.

Дружно поддержанный остальными участниками похода, Саша все же настоял на своем. Вавилов против всех не пошел.

Плот совместными усилиями соорудили. Но прежде чем погрузить на него наше имущество, Вавилов приказал Саше «пройтись сотню метров для пробы».

И вот тут мы убедились в правоте нашего начальника.

Едва Саша вырулил на середину реки, плот начало бешено крутить и швырять от берега к берегу. Нависшие над водой листовенницы грозили столкнуть Сашу в реку. Он еле успевал пригибаться. Плот был неуправляем и летел через перекаты так, что мы не могли за ним угнаться.

— К отмели, бей к отмели! — спотыкаясь и падая, кричал Николай.

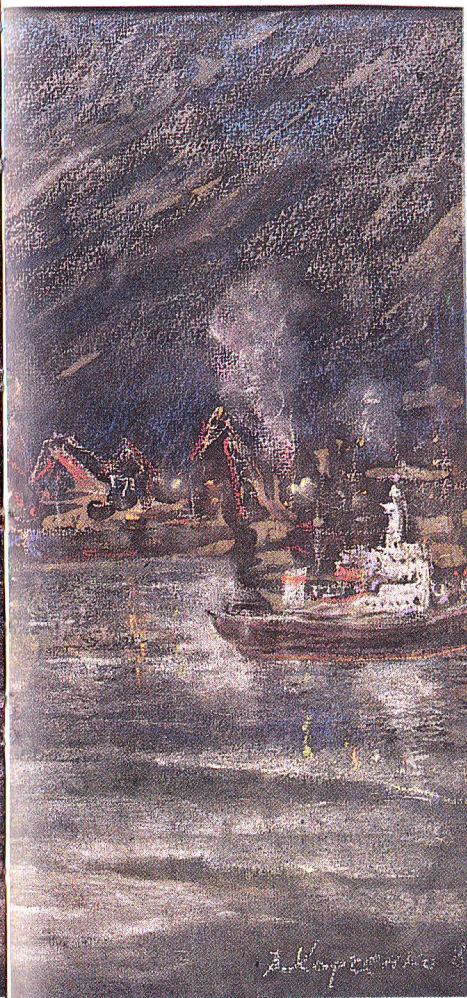
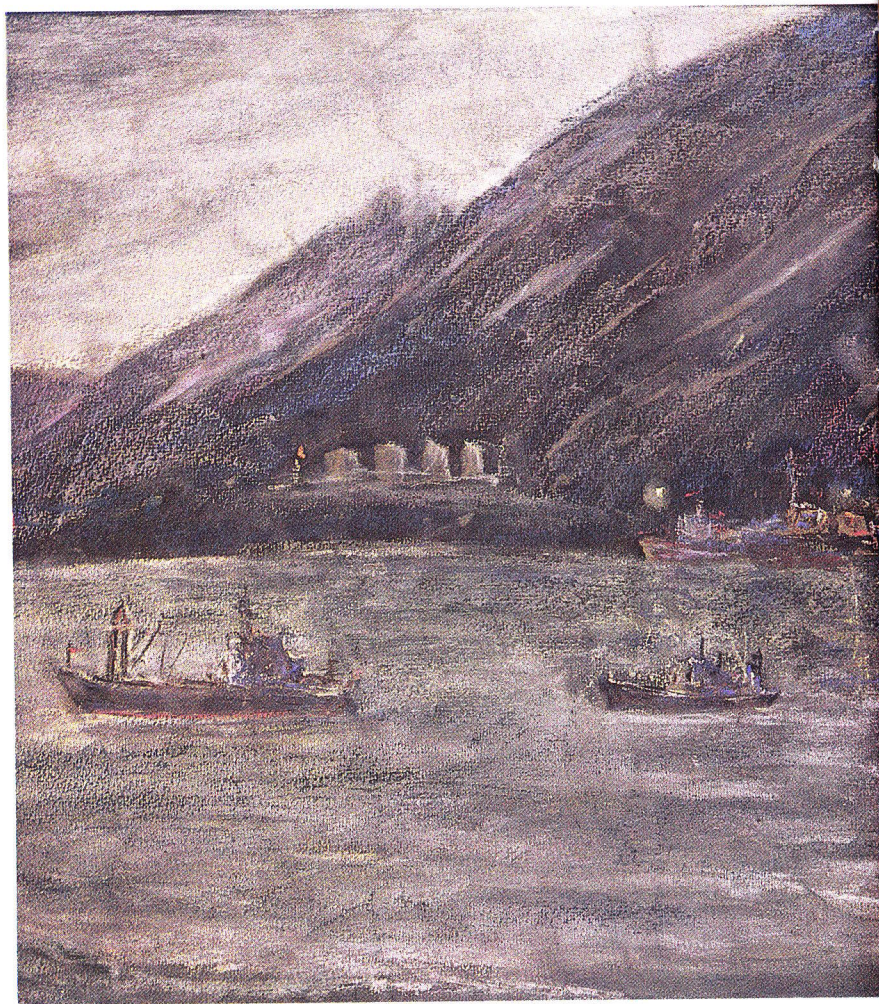
Изо всех сил работая веслом, Саша старался причалить к первой попавшейся косе, но его старания были напрасны.

Вдруг впереди забелел бурун, в его пене чернела громадная коряга. С разгону налетев на нее, плот встал дыбом, перевернулся и, качнувшись, поплыл дальше, оставив Сашу в водовороте.

Наш бравый моряк вышел из воды с улыбкой провинившегося школьника. В душе мы ему сочувствовали, но вслух не жалели, боялись разозлить Вавилова. Однако начальник был настроен мирно.

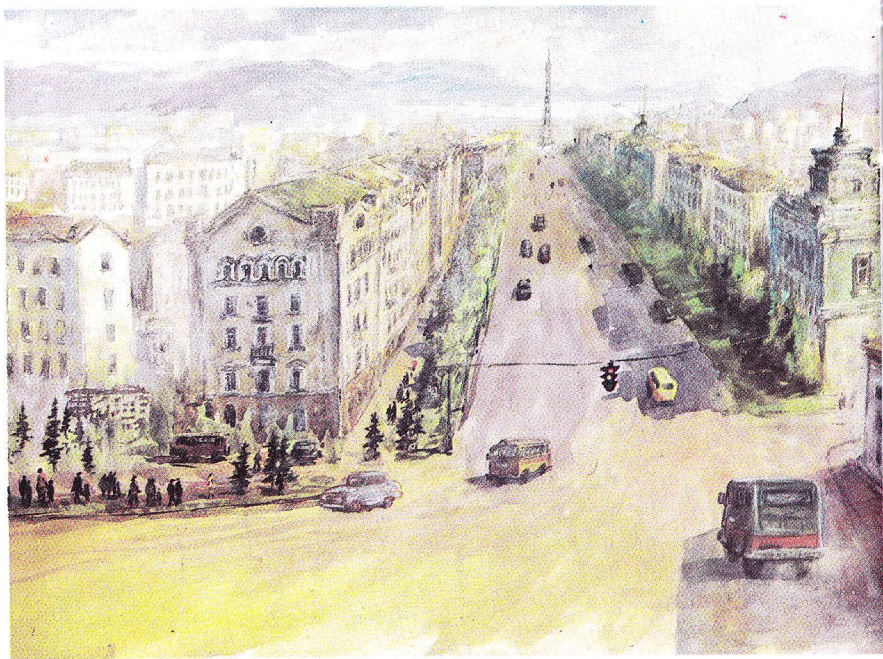
— Побаловались, и довольно, — спокойно сказал он.

Положение создалось незавидное. На кунгасе мы везли почти тонну груза: рацию, поисковые приборы, кайла, лопаты, лотки для промывки шлихов, продовольствие. Словом, все, без чего не

Магаданский морской торговый порт.

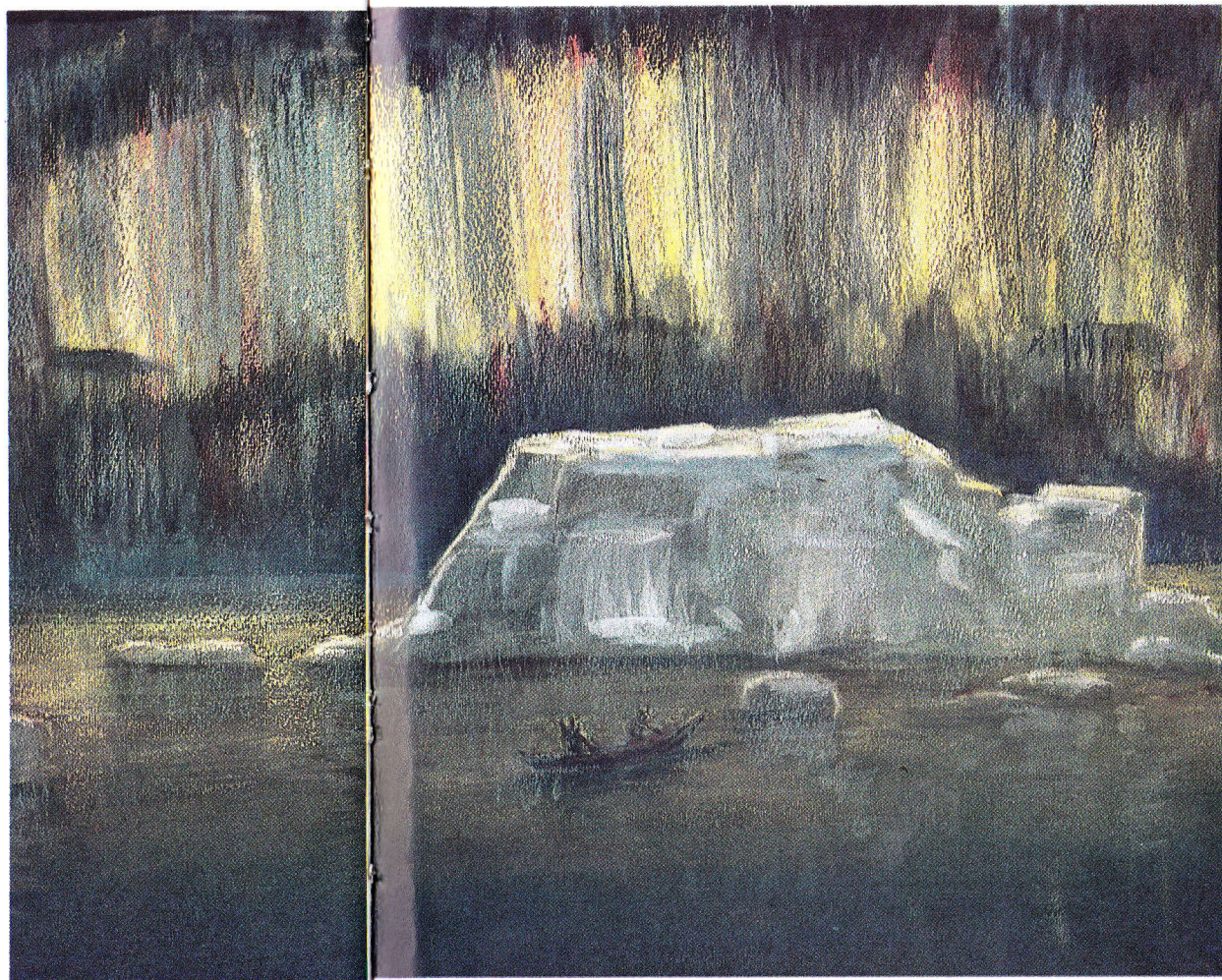
Первый директор Дальстроя, легендарный чекист Эдуард Петрович Берзин.

Центральная улица Магадана —
проспект Ленина.

Вблизи Магадана большое теплич-
ное хозяйство совхоза «Приго-
родный».

Через спутник связи по системе «Орбита» колымчане принимают телепередачи из Москвы.

Северное сияние всегда удивляет своей неповторимой красотой.

обойдешься ни в каком геологическом походе. Теперь содержимое кунгаса беспорядочной грудой лежало на берегу. Нужно было решить, что делать: то ли, взяв самое необходимое, идти к устью Алазеи, то ли построить лабаз, спрятать груз и возвращаться на базу.

Перспектива возвращения нравилась меньше всего. И не только потому, что оно было бы бесславленным. Я заметил, что Вавилов почему-то не хотел этого из-за Вали.

— Павел Денисович, там же зимой стоянку делали, все заготовили,— просила она, и он не обрывал, не хмурился, как в разговоре с другими. Отвечал уважительно:

— Погоди немножко, с базой надо связаться, может, вертолет пришлют.

База по радию ответила: «Вертолетов ближайшее время нашем распоряжении нет. Советуем плыть Алазеи плоту».

Перечитав радиограмму, Вавилов сунул ее завхозу:

— Что думаешь, Захарыч?

— Мне не впервой, я пойду,— расчесывая пятерней пышную черную бороду, ответил «американец», на Сашкином опыте видевший, что плыть по Алазее на плоту невозможно.

Первые дни погода, как выразился Саша, «держалась сознательно». Небо над нами было синее, ясное, солнце — не равнодушное и не жаркое. Но благодатное время скоро кончилось. До устья Алазеи оставалось километров двести — двести пятьдесят, когда подули северные ветры и на нас обрушились проливные дожди. Рюкзаки стали каменными. Мы едва волочили ноги. Труднее всех приходилось, конечно, Вале. Вавилов долго присматривался к ней, потом, когда мы, прыгая по кочкам, форсировали очередную марь, остановился и строго сказал:

— Будет, девонька, развязывай лямки!

Он потянулся к ее рюкзаку, но она испуганно отпрянула:

— Не надо, я не устала.

Помощи ни от кого из нас она не принимала. Упрямо сдвинув брови, шла, как все: тяжелым, размеренным шагом. А вечерами на

привалах вместе со всеми разбивала палатку, собирала сучья для костра, варила еду.

Изнуренные дневным переходом, мы залезали в спальные мешки и сразу засыпали. Валя обычно оставалась еще у костра. Сидела, думая о чем-то своем. Иногда она вынимала из нагрудного кармана куртки два пожелтевших обрывка топографической карты, исписанные на обороте размашистым торопливым почерком.

О ней мы знали мало: на Север приехала из Симферополя; после педагогического института пошла на курсы коллекторов геологических партий, закончила их и теперь идет с нами. Может быть, начальник отряда и бородатый завхоз знали больше, но нам ничего не рассказывали. А расспрашивать мы не решались. В тайге и тундре спрашивать человека о том, что он не считает нужным сказать сам, не принято. Как-то я все же спросил, что она так часто перечитывает.

— Письмо.

— Интересное?

Она пожалала плечами.

— Это муж писал.

— Разве вы замужем?

— Была...

Вмешиваться в личную жизнь нехорошо, и я, наверное, не стал бы любопытствовать дальше. Прочитать письмо она дала мне сама. Потом я его переписал.

«Валюша, родная, опять мы не сможем увидеться и, думаю, долго. Никак не выберусь в отпуск.

Ты даже не представляешь, сколько отсюда до Симферополя! Нашим собачонкам бежать да бежать. Мы на них гоняем иногда по тысяче километров, а в прошлую зиму махнули даже больше. Забавный был у меня компаньон. Мы его прозвали «американцем». Все у него по расчету. Жаль только, что наша поездка пока ничего не дала. Ползимы готовили стоянку, а весной послали совсем в другой район. Знал бы, не рвался зимой в тундру. Там кругом

будто замерзший белый океан: ни дерева, ни домика, только наша палатка, мы да собаки. Прожоры они страшные. Брали для них в дорогу шесть больших мешков юколы — это рыба вяленая, — и все слопали, еще и нашим пайком лакомились. Не жалко, пусть лакомятся. Скоро им на «пенсию» уходить. На электричках в тундру будем ездить. И город будет. Сама увидишь, как по моему маршруту поезда побегут. Ты представляешь: вверху гудят провода, а в вагонах электрички пассажиры сидят и спрашивают друг друга:

— Вам куда?

— В Любовь, то есть в город Любовь.

Интересно, правда?

Я тут с идеей ношусь, доказываю, что поиски ниже Полярного круга пора кончать. Открытого в предполярной тайге хватит разрабатывать лет на сто, а то и двести. Теперь надо перебираться ближе к побережью Ледовитого океана, в тундру, чтобы и ее осваивать. Особенно меня привлекает тундровый район Колымы. Фактически ведь он до сих пор не изучен, а богатства там должны быть большие. К сожалению, дальше границ Якутии меня не пускают — территория другого геологического управления.

Неужели и на будущее лето не найду? Ты как считаешь? У меня расчет найти. Завтра я снова выезжаю к устью Алазеи, надо подремонтировать прошлогоднюю стоянку, за год там все подветшало. Ты не волнуйся, я буду жив и здоров.

В Симферополе теперь, наверное, дожди?

Ну, всего доброго.

Целую.

Твой Костя».

Валя рассказала, что в ту зиму, когда Костя вторично пошел в тундру готовить стоянку для отряда, больше месяца не утихла свирепая полярная пурга. Но время не ждало. Костя решил идти в поход, не дожидаясь затишья. Его спутниками были два каюра —

якут Егор Булунов и эвен Алексей Нечетов, хорошо знавшие и тайгу и тундру. Отправились на собачьих упряжках. Нарты были загружены кормом для собак, снаряжением и продовольствием. На нартах Кости приспособили рацию.

Поход продолжался три недели. На базу все время поступали радиogramмы об успешном продвижении на север.

«Привет всем, кто нас слышит. Собачонки сильнее пурги. Сегодня прошли километров шестьдесят, повторяю, шестьдесят. Ветер удивляется, мороз нокаутирован».

«Небольшая заминка. Прошли километров пять. Все живы. Ветер бахвалится замести. Не выйдет. Привет товарищам».

«Проскочили километров тридцать, повторяю, тридцать. Все нормально».

«Одололи километров десять. Глубокий снег. Собаки тонут, но тянут».

«Временный привал. Пурга усиливается. Все здоровы...»

На этой радиogramме связь неожиданно прервалась. Что случилось с людьми, на базе не знали. Плотная снежная мгла и сильный ветер не давали организовать поиски с воздуха.

Ничего отрадного не принесла и весна. Под крылом самолета плыла бескрайняя рыжая марь, островки карликовой березы да редкие, петляющие меж каменных сопок речушки. И никаких признаков человека.

Пилоты возвращались на базу угрюмые и злые. Спустившийся к устью Алазеи глассер вернулся назад изуродованный перекатами, без винта и каких-либо результатов.

Стало ясно, что люди погибли. Очевидно, их замело где-нибудь на топкой мари, которая с наступлением распутицы скрыла все следы.

Собаки тоже погибли. Без людей долго просуществовать они не могли.

...Я думал о Косте Полякове, старался представить его образ. В воображении вставал высокий, сухощавый парень в унтах, полшубке и лохматой собачьей шапке.

Шумели над головой поджарые лиственницы, урчала рядом Алазая.

Валя сидела у затухающего костра и молча смотрела в темноту.

Такой она мне запомнилась. И вот теперь, спустя почти четверть века, встретились. И где — в Магадане!

По случаю такой встречи дальнейшие интервью у магаданских прохожих были, конечно, отменены. Вернулись в гостиницу, где мы жили, как выяснилось, почти в соседних номерах.

Пока мы охали да ахали, Валя Журба потихоньку успела притащить из гостиничного буфета шампанского.

Выпили за встречу, вспоминали прошлое, говорили и о настоящем. Оказывается, она закончила горный институт и аспирантуру, защитила диссертацию — кандидат минералогических наук и уже давно работает на Чукотке в нефтеразведке. В Магадан прилетела в командировку, что-то решать в облисполкоме.

Говорили, и мне все хотелось спросить, одна она или...

Догадалась. Вынула из сумочки целлофановый пакетик с чем-то вроде обломка сосновой веточки.

— Знаете, что это?

Я все понял. То была вторая половинка корня разрыв-травы.

На Украине есть обычай. Когда расстаются двое влюбленных, они разламывают корень разрыв-травы на две половинки. Люди говорят: «Если ты не поверишь разрыв-траве, если не сможешь сохранить верность, уйди в дикое поле и живи один».

Поняла значение целлофанового пакетика и бывшая дончанка Валя Журба, обняла Полякову за плечи, и я лишний раз убедился, что женщины — всегда женщины...

Снова оставшись вдвоем с Журбой, заговорили о будущем Магадана. Валя знает о своем городе все, когда, где и что будет построено, какие ожидаются перемены.

Уже сейчас Магадан молодеет с каждым днем. Он стал студенческим. Сотни юношей и девушек обучаются в педагогическом институте, филиалах Хабаровского политехнического и Свердловского центрального института технического обучения, Института инженерно-технических работников Министерства цветной металлургии СССР и средних специальных учебных заведениях. Кроме того, в Магадане пять научно-исследовательских институтов и два проектных, несколько филиалов. Быстрыми темпами будет развиваться город и дальше. К двухтысячному году он станет еще более благоустроенным и прекрасным. В одиннадцатой пятилетке и последующем десятилетии строительство сделает качественно новый скачок. Будет осуществлен переход к комплексной застройке микрорайонов домами улучшенной планировки, с большим жизненным комфортом, появятся новые архитектурно-планировочные решения общественных зданий. Например, новые детские сады и школы будут строиться с бассейнами: плескательными — для детских садов и плавательными — для школ.

В новые жилые кварталы войдут дома повышенной этажности. На важных градостроительных узлах возникнет интересная объемная планировка, обогащающая силуэт застройки города. Вместе с микрорайонной системой обслуживания будет развиваться и районная, с широкой сетью универсамов, предприятиями общественного питания, зрелищными и спортивными зданиями и сооружениями.

Совершенно изменится облик Нагаевского жилого района — в ближайшие годы там начнется застройка двух новых микрорайонов. Иным станет и центр города, с улицы Горького он сместится к набережной Магаданки, к новому Дому Советов. Оба берега Магаданки будут укреплены. Через реку перекинутся два новых моста.

Закончится устройство центральной парковой зоны с каскадом прудов.

В Магадане появятся троллейбусы.

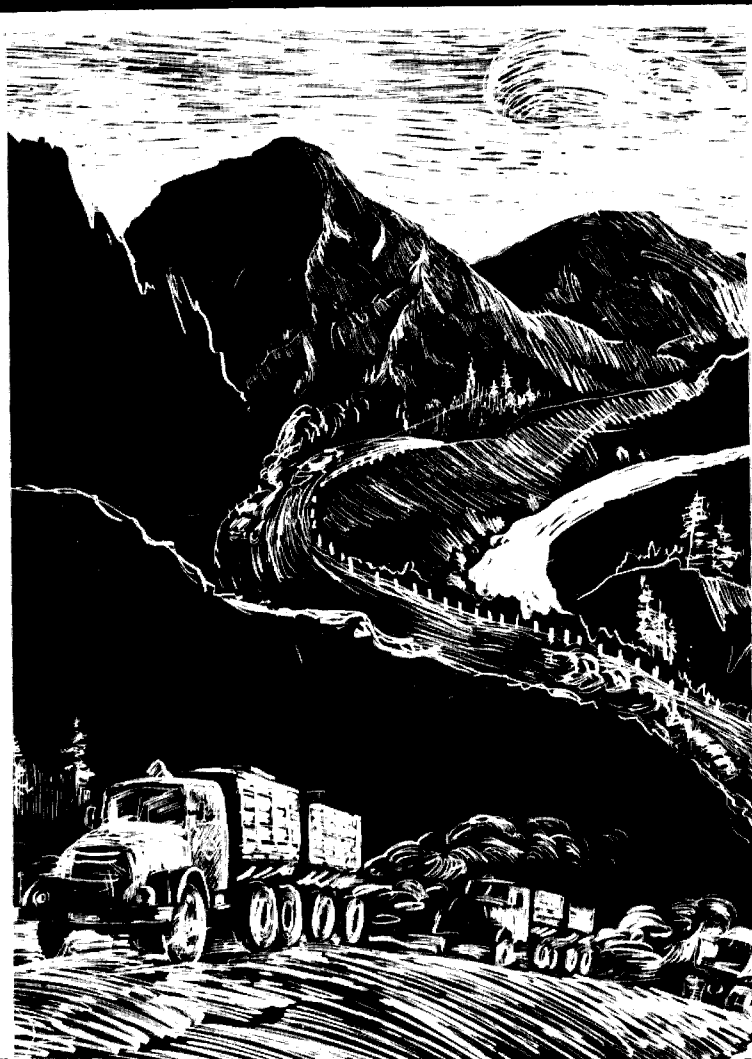
Будет развиваться и промышленность города. Значительно возрастут мощности существующих предприятий и возникнут новые. В ближайшее время закончится строительство швейной фабрики, вступит в строй станция технического обслуживания автомобилей индивидуального пользования. Намечено расширить возможности магаданских рыбаков, построить информационно-вычислительный центр и новый домостроительный комбинат.

Большое внимание намечено уделить благоустройству города, сохранению окружающей среды и всех зеленых насаждений, соблюдению экологического равновесия между природой и искусственной средой.

Словом, участь канадского Доусона Магадану не грозит.

Золотое кольцо

«Золотоносную Колыму должно опоясать Золотое кольцо дороги, тогда и только тогда она станет нам доступной. Но это, товарищи, лишь одна сторона нашей задачи. Вторая, не менее важная, заключается в том, чтобы найти наиболее рациональные способы и показать, как нужно вести дорожное и промышленное строительство на вечной мерзлоте. Мы уже начали наступление на мерзлоту в Нагаеве и у речки Магаданки, где будет воздвигнут город Магадан, теперь нам предстоит также изыскать методы отсыпки устойчивого дорожного полотна, которое держалось бы на мерзлоте с такой же прочностью, с какой держится асфальт на обычных грунтах».

Из речи Э. П. Берзина перед изыскателями и строителями Колымской автотрассы, 1932 г.

Магадан остался позади, впереди — вся Колыма...

Величие и суровая красота этого неласкового края покоряют, как море.

Вдоль автотрассы плывут задымленные сизым туманом сопки. На самых высоких из них белеет снег и дремлют облака. Часто, прижимаясь к дороге, подолгу провожают машину шумливые речки. В прозрачной воде, такой прозрачной, что видно каменистое дно, купают ветки-косы тальники, смотрятся в заводи грустные северные тополи. Иногда над речными рукавами, где вода чуть потише и слабее течение, вспыхивают и гаснут небольшие фонтанчики. Это «танцует» хариус — лакомство богов. Мясо у него кажется сдобным, а запах, как у апельсина.

Тайга на сопках и в распадках мелкая, листовенницы точно игрушечные. Много свежих гарей и почерневших пней.

Сопки на земле разместились вольно, у каждой свой надел. Те из них, которые не тронуты гарями, — вечно зеленых юбках стланика — стелющегося кедрача. Понизу юбки оторочены алыми лентами иван-чая. Во второй половине июля ему время цвести, и сейчас некоторые долины сплошь алые, лишь то там, то здесь по алым плантациям багрово-салатными пятнами расплескался багульник да рубиновыми купами горит ерник.

В речных поймах темно-зеленые волны ивняка, осока, кусты шиповника с уже покрасневшими, но еще не спелыми ягодами.

Время от времени попадаются ржаво-голубые равнины — поросшие бурой травой и голубикой мари.

Природа пестра, девственна и мудро спокойна.

Не хочется верить, что в этих самых местах большую часть года беснуются вьюги, с сухим перетреском бродят шестидесятиградусные морозы, оглашают тайгу пушечной пальбой наледи.

Здесь наледи — пожалуй, самое скверное, чем знаменита колымская мерзлота. Хотя лето на Колыме короткое, скованная зимними морозами земля все же успевает оттаять на полметра, а то и на метр. Потом с наступлением холодов она снова замерзает, но медленно. Сначала как бы покрывается тонким панцирем.

Постепенно толщина панциря увеличивается, и он идет на сближение с вечной мерзлотой. Между двумя слоями — вновь замерзающим и никогда не оттаивающим — накапливается вода. Она испытывает огромное гидростатическое давление и, найдя слабое место, вырывается наверх с оглушительным взрывом, который можно принять за выстрел из пушки.

Над взорванным грунтом поднимается мощный фонтан, который на лету замерзает. За зиму в тайге там и тут так образуются целые ледовые горы. Случается, им угодно вымахать прямо посреди дороги...

В этом, главным образом, и состоит сложность дорожного строительства на мерзлоте. Нужно сделать дорожное покрытие таким, чтобы оно не было подвержено воздействию наледей, с одной стороны, а с другой — надо учесть глубину летней оттайки грунта с таким расчетом, чтобы она никогда не увеличивалась глубже определенной отметки. Иначе дорожное полотно будет проваливаться.

Шел 1932 год.

«4 февраля... Прибыли в бухту Нагаева поздно вечером. Над сопкой, к западу от бухты, висели клокья темных снежных облаков, окрашенных по краям отблесками заходящего солнца. От этого вечерние сумерки становились гуще, мрачнее. Маленьких домиков и разноцветных ситцевых палаток за их пеленой почти не было видно.

На льду нас ждал старый, полуразбитый трактор с большими, сколоченными из бревен санями.

Проехали бухту. Дорога пошла на подъем. На вершине холма, за домиками и палатками, начинается тайга. Сзади на фоне черного неба вырисовываются очертания Каменного Венца. Возле него, у самых «ворот» бухты, пять слабых силуэтов пароходов: наш «Сахалин», красавец «Литке» и застрявшие здесь еще с осени «Теодор Нетте», «Даншинг» и «Свирьстрой».

«Стальной конь» тащит за собой наши сани с пыхтеньем и чиханьем, которые на подъемах усиливаются. Иногда весь «поезд» останавливается. Тогда мы соскакиваем с саней и помогаем трактору взять препятствие...

День давно угас, когда мы достигли домика на конной базе, на берегу небольшого овражка, приютившего на своих склонах ряд палаток и несколько жалких домиков.

Наш домик был сбит из сырого леса, стены и потолок покрыты седой изморозью. Когда печка топится, изморозь тает и на нас капает вода.

Мы рады и этому приюту. Ничего лучшего не ждали. Каждый заранее знал, что на долгие месяцы, а может, и годы придется забыть об удобствах.

Вечером началась пурга. Все кругом грохочет, охает и гудит. Вздрагивают стены избушки.

Мы сидим и молчим. Только наша бородатая «мамка» — Эрнст Оттович Лапин — время от времени подбрасывает в печку дрова и, прислушиваясь к завываниям пурги, изредка отпускает крепкие словечки из своего морского лексикона.

Когда сели пить чай, раздался стук в дверь. Зашел познакомиться с нами заведующий конной базой Михаил Лазаревич Лунeko, невысокого роста, с обветренным лицом и серыми пронзительными глазами.

Прежде всего нас интересовало положение на приисках. Лунeko опустил голову, вздохнул:

— Плохо. Очень плохо. Все работы на приисках давно прекращены.

— Почему?

— Люди голодают. Иссякли всякие продовольственные запасы. «Среднекан» голодает уже третью пятидневку. На Утиной положение еще хуже. Нет теплой одежды, нет обуви. Начались болезни. Семьдесят процентов приискателей поражены цингой. Много обмороженных. В ближайшее время радиосвязь с приисками прекратится, потому что там нет горючего...

Рассказ Лунеко прервал стук в дверь.

Открыл Эдуард Петрович. В домик ворвался ветер и снег. Свеча мигнула и погасла. Когда ее зажгли, увидели коренастого человека, одетого в черный тулуп и высокие белые валенки; на голове — добрая финская ушанка. Лицо полное, глаза узкие, немного заплывшие, но живые.

— Я — Домбак, сегодня еще управляющий Цветметзолотом. Кем буду завтра — не знаю. Теперь уж вы будете тут главнокомандовать. А я хоть завтра на пароход. И так довольно потрудился, потерял здоровье в этом проклятом краю.

Предложив новому знакомому чаю, стараемся продолжить разговор о приисках. Интересуемся, что предпринимается, чтобы спасти людей.

— А что тут предпринимать?! — с досадой махнул рукой управляющий. — Летом забросили продуктов на прииски только до декабря, больше продовольствия в Нагаеве не было, сами сидели голодные. Ждали осенью «Теодора», он пришел, а разгрузить вовремя ураган не дал. Начали разгрузку только зимой... Все, что в силах, сделали. Направили вот на прииски колонну конного транспорта. Шутка — пятьсот километров без дороги! Снегу до верхушек лиственниц навалило, мороз пятьдесят-шестьдесят градусов, и пурга не утихает.

Эдуард Петрович спросил, есть ли автомашины.

— Есть, как же, десять штук. И десять тракторов. Ими ничего не сделаешь, говорю вам — дороги нет, тайга! Вот сами увидите...

Управляющий стал закуривать трубку, и в этот момент, словно подтверждая его слова о «проклятости» края, пурга за стеной зашумела с такой силой, что весь домик вздрогнул. Удары бури становились все сильнее и продолжительней. По временам даже внутри нашего дома гудело, как в пустом ящике на ветру.

— Говорю, сами скоро убедитесь, что это за край, — прервал установившееся было молчание Домбак, злобно сплюнув на раскаленную печь. — Тут, брат, тебе не материк! Здесь все как будто создано только для того, чтобы сгубить человека...

Круто оборвав себя, он повернулся к доктору Пуллерицу, сердито спросил:

— Что чай гонять? Кроме чая, у вас, что ли, ничего другого нет?

— Обходимся чаем...

— И зря. Я-то тоже почти не пьющий, а в такую погоду чего уж... Ладно, тогда пошел я, и так задержался...

Ушел. Следом за ним простился с нами и Лунеко.

Сейчас уже за полночь. Товарищи легли отдыхать. Моя очередь дежурить у «буржуйки». Эдуард Петрович ворочается. Наверное, не спится. Я знаю, о чем он думает. Мы все думаем об одном. Слишком много ужасов рассказали нам за эти несколько часов.

Пурга усиливается. По временам к ее уханью и вою воображение примешивает стоны, призыв на помощь. Галлюцинация. Завтра начнется наша борьба с природой. Кто из нас выйдет победителем — мы или тайга?..»

Когда начальник особого отдела Дальстроя Карл Григорьевич Калнынь делал в своем дневнике эти записки, в тайге на первых пяти золотых приисках Колымы — «Холодном», «Борискином», «Юбилейном», «Первомайском» и «Среднекане» — от голода, жестоких морозов и цинги страдало несколько сот человек. На «Холодном» люди доедали последние кожаные сапоги и ремни. На человека выдавали в день лоскуток кожи в двадцать квадратных сантиметров. Но и этот «пак» скоро должен был кончиться.

Посланная на помощь голодающим конная колонна бесследно исчезла: либо погибла, либо где-то застряла. По непроходимой, занесенной снегом тайге можно было проехать только на собаках, но это не имело смысла. На пятисоткилометровый путь собачьей упряжке нужно почти три центнера корма, а всего она способна увезти не больше двухсот килограммов.

На второй день после прибытия в Нагаево Берзин созвал всех шоферов и сказал, что необходимо добраться на автомашинах

если не до приисков, то хотя бы до половины пути, чтобы дальше можно было перебросить продовольствие на собаках или оленях.

Машины должны были пересечь речку Магаданку и по занесенной конной тропе пробиваться к построенному еще билибинцами стану Элекчан, откуда начиналась вторая тропа на прииски. В пути предстояло штурмовать два перевала: Карамкенский и Яблоновый. Поскольку положение было чрезвычайным, автоколонна объявлялась военизированной. Комиссаром и техническим руководителем назначался техник Абрам Исаакович Геренштейн, командиром — опытный автомобилист Иван Дмитриевич Борисенко.

Из Нагаева вышли шестого февраля. Впереди простирался бесконечный снежный наст. В морозном тумане кружилась поземка. Где находится тропа, определить было трудно. Шли напролом по целику. Передняя машина зарывалась в снег выше радиатора. Мотор задыхался и поминутно глох. Двигались со скоростью четыре километра в сутки. За восемь дней прошли всего тридцать один километр.

Идти дальше с такой же скоростью было бесполезно и невозможно. Начинались крутые подъемы. Машины буксовали и скачивались назад. Геренштейн и Борисенко решили возвратиться.

Услышав рокот вернувшейся в поселок колонны, Берзин выскочил из барака; бодая бородкой воздух, набросился на Борисенко.

— Вы преступник, вы с-саботажник! — Увидев почерневшие, неодобрительно нахмуренные лица шоферов, присмирел, сказал мягче: — Вы потеряли много времени, нужно было сразу посылать за тракторами.

В тот же день колонна снова повернула в тайгу. Теперь дорогу прокладывали два трактора. На реке Хасын, в восьмидесяти семи километрах от Нагаева, один из них неожиданно ушел под лед. Вместе с машиной погиб тракторист.

Опять пришлось возвращаться.

Третий поход возглавил сам Берзин. Автомобили оставили

в поселке, шли на тракторах. На сей раз добрались до Карамкенского перевала.

Перевал был наглухо закрыт четырехметровой толщей снега. Пробиться сквозь нее тракторы не могли.

Берзин послал в Нагаево записку Калныню: «Немедленно пришлите пятьдесят человек с лопатами и палатками для временного жилья. Пусть возьмут также кузнечный горн и пудов тридцать угля. Завтра поутру все должны быть у Карамкена».

По проторенной тракторами дороге посланец на «катерпиллере» обернулся скоро. С ним прибыли и пятьдесят рабочих. Выстроились с лопатами, как перед боем. Берзин обошел строй, спросил с улыбкой:

— Ну, как, батеньки, чувствуем себя?

Все за эти дни успели узнать, что нытиков он не любит, поэтому отвечать старались бодро:

— Нормально, Эдуард Петрович!

Самочувствие было, конечно, далеко не нормальным. Пурга утихла, и в тайге стало спокойнее, но на смену пурге пришла белая тьма. Холодное яркое солнце лило на снег столько света, что режало глаза. Защитных очков не было. Тракторист головной машины ослеп.

Головной трактор вел Володя Грищенко, разбитной толстячок, плясун и песенник. Весной, когда началась на Охотском море навигация, его отправили лечиться в Ленинград.

Через полгода он прислал письмо:

«Здравствуйте, ребята!

Это письмо я пишу сам. Буквы вывожу наугад, но строчки уже вижу. Врачи говорят, что зрение вернется процентов на шестьдесят. Мало, но нужно радоваться и этому. Я думал, что на всю жизнь останусь совсем темным и, честно признаться, здорово перетрусил. Если бы не Эдуард Петрович, может, ревел бы. Перед перевалом он переобувался в моей кабине, и я заметил, что у него обморожены обе ноги. Он натирал их снегом, но они и не покраснели. Я сказал ему, что может начаться гангрена, а он засмеялся:

«Это ничего, батенька, перевал надо взять». Как у него ноги, целы?

Очень соскучился по всем вам, но ехать снова на Колыму, наверное, не придется. Трактор теперь прощай навсегда. Буду искать что-то другое. Я играю на гитаре, и врачи советуют поступать в музыкальное училище. Может, и поступлю. Жаль, что училища нет в Нагаеве, а то бы поехал к вам. В Ленинграде скучно, не люблю больших городов. И знакомых у меня здесь нет.

А что у вас нового? Получил два письма от Геренштейна, но он интересуется моим здоровьем, а о делах не пишет. Даже не написал, кто на моем тракторе работает.

Ну, ладно, буду кончать. Передавайте привет Эдуарду Петровичу и пишите чаще.

Ваш Вовка».

Штурм Карамкенского перевала начался двадцать шестого февраля. Перед началом Берзин произнес речь:

— Хочу надеяться, товарищи, что моя агитация вам не нужна.— Пламенным оратором он не был. Фразы строил с трудом, тщательно выговаривая каждый слог: как человек, выучивший русский язык по книгам.— В этом необъятном и диком краю мы являемся представителями великой партии большевиков, представителями советского народа. Наши действия должны соответствовать нашей морали. Долг обязывает нас умереть самим, но сохранить жизнь тех, кто в тайге, на приисках. Так поступают настоящие товарищи, и такой вывод следует из нашей морали.— Он помолчал, как бы желая убедиться, понятно ли он говорил, окинул взглядом застывший перед ним строй и закончил уже скороговоркой: — Прошу задавать вопросы.

Вопросов не было.

— Ну, что ж, батеньки, тогда за дело!

Было 6 часов 30 минут утра. Рассвет.

Ослепшего Володю Грищенко в кабине головного трактора сменил все умеющий Геренштейн. Он таранил лбом машины плотную снеговую стену, разрыхлял ее и отъезжал назад, уступая место

рабочим с лопатами. Вдруг что-то треснуло, и трактор на глазах у всех скрылся под снегом. Люди в ужасе бросились к дыре в снегу и удивленно ахнули. Это оказалась речка Донишко. Трактор провалился под вспученный лед, но остался цел и невредим. Вода в Донишке вся вымерзла. Геренштейн стоял на сухом галечном дне и, сконфуженно улыбаясь, просил подать ему веревку, иначе из этой ловушки ему не выбраться.

Отогрелись остротами по адресу Геренштейна, вытащили трактор из западни и снова взялись за лопаты.

Нужно было вырвать из-под наста и отбросить в сторону примерно триста тысяч кубометров снега, обыкновенными лопатами, на ветру и лютом морозе, когда легким не хватает воздуха, а глаза слепит белая тьма. Семьдесят человек, от директора Дальстроя до повара колонны, работали не разбирая спины. Утром отмеряли две тысячи метров, устанавливали вешку и не уходили в палатки, пока не достигали ее.

Лопались от мороза щеки, обмораживались руки и ноги. Не выдерживали даже лопаты. Металл на морозе стал хрупким, как стекло. Лопаты от ударов об окаменевший снежный наст разлетались вдребезги. Ковали новые. Чтобы ветер не задувал горн, его установили под ледовым куполом, в геренштейновской «ловушке».

Силы таяли, но вешка с каждым днем устанавливалась дальше, дневную норму увеличивали.

Шестого марта, в полночь, месяц спустя после первого выхода из Нагаева, вершина Карамкена была взята. Она подарила людям свою самую чудесную живую акварель — северное сияние.

Сначала где-то за далекими темными сопками будто вспыхнул пожар. Красное зарево залило горизонт. Потом из его глубины выплыли сферические шары: зеленые, розовые, светло-голубые, оранжевые. Минуту постояв недвижимо, они помчались по горизонту, а там, откуда они выплыли, взметнулись ввысь гигантские огненные столбы. Небо играло всеми цветами радуги: то ослепительно яркими, то бледными, то опять яркими. По потемневшему

небосводу будто тысячи рук сыпали горстями бисер. Он катился по огромному, совершенно черному пространству и то разгорался, то мерк.

Зачарованные люди любовались величественным зрелищем и хорошие улыбки светились на их лицах. А там, впереди, их ждал второй, еще более трудный перевал — Яблоновый...

Во время того тракторного похода Берзин понял, что дорогу на прииски надо начинать строить немедленно. Вернувшись в Нагаево, он послал в Далькрайком радиogramму с просьбой прислать дорожных изыскателей.

В конце мая с этой целью на Колыму прибыло шесть человек. Отряд возглавлял молодой инженер Василий Петрович Кузнецов, который спустя десять лет погиб на фронте под Москвой. Но остался его дневник. Тоненькая ученическая тетрадь, серенькая, с замочными краями. Один уголок обожжен. Страницы в мутной желтизне.

Сделанные химическим карандашом записи поблекли, местами расплылись. Почерк мелкий, убористый, читается с трудом:

«...Мы шли в полную неизвестность. Никто не мог сказать, что ждет нас впереди. У нас была бодрость духа и горячее желание выполнить поставленную перед нами задачу, но не было ни географических карт, ни хотя бы приблизительного знания местности и, самое главное,— не было почти никакого опыта. Как-то так получилось, что в нашем отряде не оказалось ни одного таежника.

Сначала наш поход казался нам веселым туристским путешествием. Если мы чего-то и опасались, так это хищных зверей, и вооружились до зубов, а вооружаться нужно было обыкновенными инструкциями, как форсировать реки, преодолевать подъемы

и спуски, распознавать мари и находить по ним проходы. Если бы у нас были такие инструкции и хотя бы небольшая тренировка, может быть, нам не пришлось бы перенести тех страданий, которые выпали на нашу долю на Черной мари...»

Отряд Кузнецова принял мари за обычную заболоченную долину. Высокая трава, кочки, изредка маленькие зеркальца озер. Только когда уже в центре долины неожиданно провалилась и с головой ушла в землю передняя лошадь, все вдруг увидели, что находятся на трясине. Счастливая случайность вывела отряд на маленький твердый островок, со всех сторон окруженный гиблой падью. Не было пути ни вперед, ни назад. Там, где неизвестно каким чудом прошел отряд, будто кто-то прорыл канал. Потрещанная полоса мари осела и покрылась водой. С каждой минутой она становилась все шире. Прибывающая вода начала затоплять островок.

«...Положение усложнялось тем, что поблизости не росло ни одного деревца, которое можно было срубить и бросить под ноги. Сами мы могли прыгать по кочкам, но были не в силах тащить на себе лошадей и навьюченный на них груз. Я приказал разбить ящики с галетами и сделать из досок для животных что-то наподобие башмаков или широких лыж. Копыта на них погружались в болото не так глубоко. На таких же досках передвигались и мы. Каждый тянул за собой на поводу лошадь и, если она проваливалась, помогал ей высвободить из трясины ноги. Чувя опасность, бедные животные покорялись нам почти с человеческим пониманием обстановки. Глаза их были полны трогательной кротости, словно они просили у нас прощения за свою беспомощность. К нашему большому сожалению, всех лошадей спасти мы не сумели. Кроме утонувшей возле островка, погибли еще две. Вместе с ними трясина поглотила часть приборов и почти половину продовольствия».

Переход через Черную марь длился тридцать восемь часов. Тридцать восемь часов невероятного напряжения сил и воли. Двое изыскателей заболели; Кузнецова трепала лихорадка, рабочий Федоров подвернул ногу. Врача в отряде не было, помочь больным никто не мог. Не могли изыскатели и пополнить запасы продуктов. Впереди их ждали три полуголодных месяца. Надо было бросить все и возвращаться в Нагаево, но тогда бы строительство дороги началось на год позже. Отряд решил продолжать работу.

«...От Черной мари мы отошли километров на двадцать. Шли вязкой долиной, прорубаясь сквозь густые заросли стланика. Было тепло и сухо. Ветер дул в лицо, и мы почувствовали запах дыма. Сначала мы обрадовались, подумали, что это дым костра. Костер в тайге — это отдых, новые люди. Но вот где-то вдалеке в небо взвился столб огня. За ним еще один, второй, третий... Запах дыма сменился вонью гари. Навстречу нам мчался таежный пожар».

Огонь по тайге летел стремительно, захватывая громадные пространства. Потоки горячего воздуха выхватывали из гигантских костров головешки, поднимали их высоко в небо и швыряли на еще не охваченные пожаром участки тайги.

Там, где упала головешка, через две-три минуты вздымался столб огня. Пожар разрастался, как половодье, но во много раз быстрее.

Спасаясь от огненного урагана, бежали от огня все обитатели тайги: медведь, олень, рысь, россомаха, горностай, бурундук. Хищных и безобидных — всех их роднило постигшее бедствие.

Изыскатели укрылись от огня на вершине гольца — голый каменный сопки.

«...Не хочу плакаться, но нам действительно было нелегко. Мы еще не оправились от перехода через марь и едва передвигали ноги, особенно Федоров. Вывих ноги мы ему вправили, но нога распухла и сильно болела.

На сопку нас вынес тот же инстинкт, который гнал от пожара зверей. Мы выскочили на вершину и, обессилив, попадали на камни.

Прокатившись над землей, огонь ушел под землю. Горели корни деревьев, торфяники. Под торфом выгорали огромные тоннели. Внешне казалось, что торфяник только слегка дымится, но стоило стать на него ногой, и ты проваливался в адское пекло. Так погибла еще одна наша лошадь и сильно обгорел завхоз Михаил Потапенко. На третий день мы его похоронили...»

Прошлое кажется далеким и не совсем правдоподобным. Наша черная «Волга» мчится по широкой бетонированной трассе, как по взлетной полосе современного аэродрома. Вот тридцать первый километр, откуда повернула назад та первая аварийная автоколонна. Мы проскочили его, не заметив на своем пути даже дорожной чербинки.

У реки Хасын, где задержалась вторая автотракторная колонна, сейчас поселок городского типа — центр самого молодого на Колыме Хасынского района. В первый год строительства дороги на этом месте стояла палатка изыскателей. Так и осталось за поселком название — Палатка.

Впервые я попал сюда двадцать лет назад, когда Палатка еще была только придорожным поселком автомобилистов и никаких предприятий, кроме автобазы, здесь еще не было.

Помню случай.

Видя глазеющего по сторонам новичка, ко мне подходили какие-то люди, бесцеремонно оглядывали с ног до головы, спрашивали:

— Ты откуда?

- Из Москвы.
- Шоферить у нас будешь или так чего?
- Посмотрим, может, и пошоферу.
- Ну-ну, смотри!

Какого-то парня в лоснящейся телогрейке привлек мой фотоаппарат.

- Рисуешь?
- Вроде этого.
- Там с Хасына видик приличный, мостик и все такое. Могу показать.

— Давай показывай.

Не спеша пошагали к видневшемуся за поселком мосту. Идти метров двести — есть время хорошенько друг друга рассмотреть. Росточек у моего добровольного экскурсовода был маленький, но вид бравый. Высоко поднятая курчавая голова, фуражка набекрень, из-под распахнутых телогрейки и пиджака выглядывал неизвестно каким чудом сохранявший безукоризненную чистоту галстук. Лицо смуглое, волевое и вместе с тем по-детски наивное. В прищуренных глазах чуть притушенный огонек. Судя по внешности, парень душа, с хитринкой только. Я понимал, что не желание показать «приличный видик» привело его ко мне, но не раскрывался, ждал, что скажет дальше.

Попыхивая сигаретой, осторожно выведывает:

- МАЗ знаешь?
- Немного.
- Насчет прицепов, спаренных, например, понятие имеешь?
- Чуть-чуть имею.
- Ясно.

Сказал вроде равнодушно, а сам исподтишка косится на мои не внушающие особого доверия руки. Потом вдруг откровенно:
— Сменщик мой, понимаешь, на «Татру» ушел. Хочешь пару недель помощником и сразу на самостоятельную? Насчет заработка гарантирую, обиженным не будешь.

Я едва сдержался, чтобы не рассмеяться, но спросил серьезно:

— А не холодно?

— Чего?

— Холодно, говорю, зимой на трассе ездить.

Сузив глаза, хлестко сплюнул:

— Сочи на Колыме ищешь?

Круто развернулся и, полный негодования, зашагал прочь, так и не выслушав моих объяснений. До сих пор помню, как возмутили его мои слова о колымских холодах. Интересно бы снова встретиться, да вряд ли, Палатка за эти двадцать лет стала фактически городом, а я и имени того парня не знаю.

Удивительное испытываешь чувство, приезжая в давно знакомый и вместе с тем совершенно новый поселок. Тогда Палатка почти вся была деревянная. Бараки, почерневшие от времени приземистые домики, среди которых двухэтажная кирпичная школа казалась каменным гигантом. Теперь на фоне многоэтажных корпусов она совсем потерялась, вернее, потеряла свою былую внушительность. Да и не школа теперь в этом здании, а детский сад. Новая школа, как и жилые корпуса, в четыре этажа. Новый Дворец культуры, Дом быта, гостиница, здание почтамта и краны, краны... Строится Палатка. Сейчас здесь, кроме автомобилистов и местной интеллигенции, живут также геологи и горняки, которых в последнее время стало большинство. В шестнадцати километрах отсюда за эти годы возник горно-обогатительный комбинат, сотни работников которого предпочитают получать квартиры не в своем прикомбинатовском поселке, а здесь, в Палатке. Дальше ездить на работу, но тут больше чисто городских удобств: центральное отопление, горячая и холодная вода, телефон, больше магазинов, регулярное автобусное сообщение с Магаданом. Да и культурная жизнь в райцентре побогаче, чем в комбинатовском поселке. Собственно, хотя от Магадана до Палатки 87 километров, с городом она связана так тесно, что фактически является его пригородом, как и поселок авиаторов Сокол, тоже построенный за эти годы на пятьдесят шестом километре трассы.

Кто-то подсчитал, что в среднем палаткинцы и сокольчане поч-

ти вдвое чаще бывают в магаданском музыкально-драматическом театре, чем магаданцы. Очень охотно посещают они областную филармонию, магаданский Дворец культуры профсоюзов и Дворец спорта. Да и вообще чувствуют себя магаданцами, как подмосковные зеленоградцы — москвичами.

— При желании у нас в Палатке тоже есть где культурно провести свободное время, но Магадан все-таки соблазнительней, — сказал мне в разговоре на эту тему шофер Николай Филиппович Танчик, которого в райкоме партии мне представили как одного из лучших водителей Палаткинской автобазы.

Лет ему сорок восемь. Крупный, увалистый, с широким скуластым лицом и вопрошающе пытливыми серыми глазами. О себе рассказывает с грубоватым юморком. «У меня шило в одном месте с детства застряло, никак не мог где-то определиться».

Родом он из села Новоподгороднего на Днепропетровщине. Там закончил семь классов, после чего пытался поступить в Днепропетровский индустриальный техникум, но не прошел по конкурсу. Поступил в ремесленное училище. Потом, после училища, работал аппаратчиком на Днепродзержинском химическом комбинате. Стоишь да кнопки переключаешь — скучно. Пошел на курсы шоферов. Они все-таки хоть на одном месте не сидят. Получив права водителя, вернулся в родное село. Поработал немного в колхозе и ушел в армию. Служил под Москвой в войсках противовоздушной обороны, участвовал в парадах на Красной площади. Вот это было дело! По струночке тягач с ракетой нужно провести. Весь — комок нервов. И сам собой доволен — ни сучка ни задоринки. Похвала командира тоже, конечно, приятна, но важно самому осознать, что с нелегкой задачей справился.

Тогда, в армии, впервые понял: чтобы не скучать, жить нужно так, чтобы мускулы звенели и кровь в жилах не застаивалась. Наградила природа силенкой, значит, и дело подбирай себе соответственно.

Еще была цель учиться. А то послушаешь иной раз, как люди образованные между собой говорят, и досада берет: о том не

знаешь, того не понимаешь. Скрипнешь зубами, зароешься в книги, да только и книги понимать нужно уметь. Не для неучей они писаны.

После армии снова пытался поступить в техникум и снова провалился. Ну, деваться некуда, сел за баранку. Через два года женился. Жена Светлана Ивановна фельдшером работала, культурная женщина. Стала подбирать для него книги по принципу от простого к сложному. Так-то оно так, а все же не школа. Но вечерняя школа только в райцентре была. Туда из села не находишься. Работа, дом, семья и день в колхозе не нормированный. А тут дочка Леночка родилась. Подрастет — вопросы начнет задавать: почему то да почему это? А папа глазами будет хлопать.

Снялись с насиженного места, поехали в Северодонецк. Другок там был армейский.

Работал водителем в Северодонецке, закончил вечернюю среднюю школу и заочный автодорожный техникум. Жена тоже училась, в Киевский институт народного хозяйства заочно поступила. Дипломы оба защитили с отличием. И дочку вторую, Алечку, прижили. У старшей, Леночки, музыкальные способности оказались. Решили, чтобы и шла по этой линии. Сейчас уже Свердловскую консерваторию заканчивает. А младшая пока школьница, закройщицей дамского платья мечтает стать. Пусть, раз нравится.

Жизнь как будто определилась. Все хорошо пошло, только все та же беда — мускулы не звенят. Случайно как-то сказал жене: «Поехать бы куда-нибудь за запахом тайги, а?» Но та шутку не приняла, загорелась всерьез. Начали колдовать над картой Советского Союза. Если дальше всего, значит, во Владивосток или в Магадан.

Покопались в городской библиотеке, нашли кое-какие книги. Приморье сразу отпало — виноград в Уссурийской долине созревает. Другое дело Колыма. Морозы, пурги — это подходяще.

Уже в Магаданском аэропорту ненароком разговорился в буфете с парнем, который улетал в отпуск. Истинно колымская душа у него, Ивана Никитенко, оказалась. Через пять минут зна-

комства говорит: «Поезжай напрямик в Палатку, там как раз комната моя пустует, ключи у соседей, я им черкну».

Так вот и попал в Палатку. Первое время послесарил немного, потом — за баранку на бензовоз МАЗ-504В.

Спрашиваю:

— Ну и как, мускулы зазвенели?

Смеется:

— Седьмой год как струна.

— А жена как?

— Нормально, работает заместителем заведующего районной информационно-вычислительной станцией. Кругом порядок.

— Значит, теперь определились?

— На Колыме не заскучаешь...

«Золотоносную Колыму должно опоясать Золотое кольцо дороги, тогда и только тогда она станет нам доступной», — говорил Берзин. Это прекрасно понимали и все колымчане. Но поставить перед собой задачу еще не значит тут же ее решить.

За два года (1932—1933) героическим трудом прорубили в тайге трассу на пятьсот километров. Следом шла отсыпка дорожного полотна, грунт для которого брали с обочин. И вот у всех на глазах уже готовые километры «поплыли». Дорога сначала расползалась, потом проваливалась. Вместо дорожной насыпи, которая возвышалась почти на метр, образовались болотистые рвы. Их засыпали, но снова все повторялось. Как будто под насыпью была какая-то прорва.

В чем дело, никто не мог понять, однако с каждым разом убеждались, что возобновлять насыпь — сизифов труд. Зимой, скованная морозами, она держалась, а с наступлением летнего тепла проваливалась.

Потом из кюветов взяли пробы обнаженной мерзлоты, и оказалось, что она на 50—70 процентов состоит из воды. Наконец стало ясно, что дорожное полотно летом просто растаивает, как

лед. Значит, чтобы дорога держалась, брать грунт из кюветов нельзя. Нужно отсыпать полотно, не нарушая естественных условий мерзлоты. Как это сделать, подсказала сама природа Колымы. Вокруг много сопок, словно насыпанных из щебня. Вот он, этот щебень, да приречный галечник и годились для дорожного полотна.

Теперь приходится только поражаться темпам строительства. Щебня и галечника требовались миллионы кубометров, а всей техники — грузовой автомобиль, тачка да лопата. И тем не менее дорога строилась со средней скоростью 250 километров в год!

В 1936 году, когда отмечалось пятилетие Дальстроя, помощник Берзина по экономике Лев Маркович Эпштейн писал в журнале «Колыма»:

«В горной стране, в условиях вечной мерзлоты и бездонных болот выстроена одна из красивейших в Союзе и лучшая по качеству на всем Дальнем Востоке дорога — ярчайший пример большевистского упорства, смелости и размаха. Дорога, о трудностях строительства которой поются песни. Дорога, которая является ключом к сокровищнице колымских богатств. Этим ключом, когда дорога подошла к приискам, Дальстрой открыл сокровищницу и превратил Колыму в передовой район золотой промышленности... На геральдическом щите Колымы, если бы такой пришлось делать, я бы изобразил на одной половине нарты на фоне белого пятна, а на другой — грузовую машину на фоне радуги, перечеркнутой линией автодороги...»

Гордость дальстроевца понятна. Трудно, невероятно трудно приходилось колымским шоферам в зимние стужи, но трасса вопреки всему жила, работала, грузы в тайгу шли, а значит, работали и прииски.

Природа Колымы с тех пор, разумеется, не изменилась. Какой была она суровой, такой и осталась. Но изменилась техника. Дорожника с тачкой, кайлом и лопатой теперь не увидишь. На смену ему пришли машины: могучие самосвалы, экскаваторы, грейдеры, бетоноукладчики, бульдозеры... Да и сама дорога стала вдвое шире. Снежные заносы сейчас ей не страшны. Отпала и не-

обходимость работать автоколоннами. Шофер, ведущий современный автопоезд, знает, во-первых, что без помощи грейдера или бульдозера он нигде не останется, а во-вторых, он уверен в своей машине, ибо это уже не та серийная «Амушка», которая делалась одинаковой для всех районов страны, а автомобиль, сделанный специально для Севера. У автомобилестроителей теперь даже термин такой существует — «северный вариант». А вот каким он должен быть, этот вариант, определяет единственная в нашей стране Северная испытательная станция, которая находится здесь же, на колымском Золотом кольце.

Я познакомился с ее директором Вадимом Александровичем Афанасьевым. Лет ему, как и шоферу Танчику, сорок восемь. Но по наружности — полная противоположность. Тот богатырь и уже стопроцентный колымчанин. А этот щупленький, среднего роста, в очках. В улыбке, движениях, жестах чувствуется интеллигент не первого поколения и пока что не северянин. Тех сразу отличаешь; чем — сказать затрудняюсь, но укоренившихся колымчан распознаешь безошибочно. Есть у них что-то этакое неупловимое, особенное, а что именно — не могу объяснить. Просто каким-то чутьем угадываешь настоящего северянина на расстоянии.

— Это вы правильно сказали, я их тоже начинаю угадывать, — соглашается Вадим Александрович и как бы извиняется: — Из коренных москвичей я, здесь четвертый год только, не акклиматизировался. Собственно, моя жизнь на Колыме мне до сих пор чудом кажется. Понимаете, сбывлась самая потаенная моя мечта, и так сбывлась, что сам не перестаю диву даваться...

Жил в интеллигентной московской семье парень, жил и, сам не зная почему, мечтал стать испытателем автомобилей, и не где-нибудь, а непременно на Севере. Но с детства пришлось очки носить. Из-за них, клятых очков, понимал, что мечте не сбыться. А жить без крыльев нудно. То тем, то другим пытался увлечься, к разному приглядывался. Химия показалась интереснее всего. Поступил в Московский химико-технологический институт. И вот,

когда был уже на третьем курсе, увидел в вестибюле института объявление: набор желающих в автошколу ДОСААФ. Чем черт не шутит, вдруг примут.

С трудом, с оговорками, колеблясь и сомневаясь, но все же приняли. Через полгода — права автоводителя в кармане. В институте сразу перевелся на вечернее отделение и — на стройку, за баранку МАЗа.

Потом вдруг озарение: в армию-то перед институтом его браковали, а школу-то он закончил Добровольного общества содействия армии, авиации и флоту. Теперь должны принять.

Пошел в военкомат, так, мол, и так, желаю послужить, имею досаафовские права шофера. В военкомате заинтересовались.

— Куда же ты хотел бы?

— Куда требуются автоводители.

— Нет, водителей в армию пока не требуется. Вот разве механиком-дизелистом на флот... У МАЗа-то твоего двигатель дизельный?

— Так точно!

— Ну и хорошо, пошлем, значит, на флот. Какой тебе из них нравятся?

— Северный!

— Ладно, пусть Северный.

Благополучно три года отслужил, в партию вступил, закончил институт. А тут товарищ один случайно в разговоре обронил: на автозавод имени Лихачева требуется испытатель с химическим уклоном. Пошел — приняли инженером в конструкторское бюро. Семь лет занимался стеклопластиковыми. Потом назначили начальником центральной заводской лаборатории по неметаллам. Здесь столкнулся с автомобилями для Севера и даже попал однажды по долгу службы на испытания северного варианта ЗИЛ-130С. Впервые увидел Якутию и Колыму.

Так связался с профессиональными автоиспытателями, стал «своим» человеком на испытательном полигоне Центрального

научно-исследовательского автомобильного и автомоторного института — НАМИ.

Когда в 1977 году было решено создать на Колыме Северную испытательную станцию, к нему как уже «бывалому» колымчанину обратились с просьбой помочь в разработке программы станции. Видно, помогал так усердно, что затем предложили ее возглавить, станцию то есть. Вымечтал, можно сказать, себе должность. Счастлив теперь безмерно. Отныне северные варианты новых автомобилей — его детища.

Как расставались с Москвой жена, дети?

— Куда иголка, туда и нитка. Были москвичами, станут колымчанами...

За Палаткой, на сто третьем километре трассы, — Карамкен. Подъезжаем, и в памяти всплывают картины первого штурма этого перевала. Он скрыт за поворотом, и воображение рисует его неприступно грозным. Но вот промелькнул столбик с цифрой 102, а «Волга» мчит все с той же легкостью.

Поворот, и точно из-за сорванного занавеса — поселок, сверкающий на солнце стеклом и алюминием корпуса того самого горно-обогатительного комбината, который возник за эти годы в шестнадцати километрах от Палатки. Жилые и промышленные здания как бы вытеснили кусок горного хребта. Был перевал и нет его, срыли строители позвонок хребтины.

Дальше поселок Атка и маленькое селенье Поворотный, где дорога круто сворачивает вправо — на Талую. Повернули, и уже через несколько минут такое ощущение, словно попал куда-то на Луну. Совершенно голые громады гор, то фиолетовые, то алые, то цвета охры с сизоватой синевой. Их причудливость может передать только кисть художника, словами не расскажешь. Но вот перевал, шофер по моей просьбе тормозит. Вид отсюда изумительный. Там, внизу, среди сочной зелени ослепительно белые корпуса курорта. Должно быть, космонавты в иллюминаторы своих кораб-

лей так видят нашу прекрасную планету. Лес, луга, голубизна озер, рек, увенчанные шапками облаков горы. Талая — воистину жемчужина Колымы. Кажется, природа сама знала, что здесь, на суровом Крайнем Севере, людям понадобится такой райский уголок.

Едва покинув машину, я устремился к главному корпусу, ждал волнующих рассказов. Но заместитель главного врача Вадим Александрович Чурилов, который принял меня, деловито официален:

— В минувшем году курорт отметил свое сорокалетие. За это время здесь отдыхали и лечились 154 тысячи человек: из Магаданской области, Якутии и северных районов Хабаровского края. К услугам больших радоновые ванны, сапропелевые грязи и гидрокарбонатнохлориднонатриевая вода (как только выговорил!), обладающая чрезвычайно ценными лечебными качествами... Круглый год из местного совхоза получаем парное молоко; овощи и зелень — свои. На базе горячих источников при курорте построены теплицы, которые достаточно дают овощей и зимой. Тепличники выращивают даже арбузы...

Показывает мне лечебные кабинеты, палаты... Ну, что о них скажешь? Курорт, он и есть курорт. Все очень здорово, курортники не нахвалятся. А мне, признаться, повезло — опять совершенно неожиданная встреча со старым знакомцем. Смотрю — никак уэленский Рольтыргин. И точно, он, мой бывший проводник на мыс Дежнева. Двенадцать лет не виделись, но и он узнал меня сразу, обрадовался:

— Ай, Саша, ай хорошо, шибко хорошо!

...Есть на свете три знаменитых мыса: мыс Горн — самая южная точка Американского материка, мыс Игольный — самый южный берег Африки и мыс Дежнева — самая восточная окраина Евразии. Три мыса — три края земли, три незримых черты, где сливаются океаны. У мыса Горн воды Тихого океана встречаются с водами Атлантики, у Игольного Атлантика сливается с Индийским океаном, а у мыса Дежнева Тихий океан роднится с Северным

Ледовитым. Три скалистых мыса словно соединяют все океаны Земли.

У мыса Горн я охотился на китов, с крутого обрыва Игольного фотографировал бушующий прибой, а вот попасть на мыс Дежнева, хоть он и в нашей стране, мне никак не удавалось.

Наконец, я оказался в чукотском поселке Уэлен. Отсюда до мыса Дежнева рукой подать. Если добираться туда берегом моря, всего тридцать километров. Для Чукотки это не расстояние. Как-то знакомый чукча сказал мне:

— Завтра, однако, побегу к соседу, давно не виделись, навещать надо.

Я спросил, далеко ли живет сосед.

— Совсем недалеко,— говорит.— На собачках три дня бежать, на лыжах — пять. Близко.

До того соседа было почти двести километров. А тут тридцать. Пешком пройти ничего не стоит. Так мне тогда казалось.

Я был очень удивлен, когда Рольтыргин явился ко мне в гостиницу, весь обвешанный походным снаряжением. Два охотничьих карабина (один для меня), туго набитый всякой снедью рюкзак, чайник, примус, бидон керосина, два топора и две ручные пилы. Еще узел с меховыми спальными мешками и двумя парами запасной обуви.

— Можно подумать, Рольтыргин, что мы уходим в тундру на целый месяц,— сказал я.

— Идешь на день, надо собираться на месяц,— серьезно ответил он.— Разве ты большая полярная станция и знаешь, какой подует ветер?

— А зачем нам топоры и пилы? Разве мы собираемся прорубаться сквозь лесную чащобу?

Он укоризненно покачал головой.

— Совсем тундру не знаешь. Мясо в рюкзаке крепко замерзнет, ножом не разрежешь, топор надо. Тундровый снег твердый шибко, топор разобьешь, пилой резать надо. Тебе одна пила, мне одна пила — работа шибко идет.

Скоро я смог убедиться, что Рольтыргин во всем был прав, и главное в том, что сам не поленился и меня заставил нести запас еды, может быть, не на месяц, но на добрых две недели.

Из Уэлена мы вышли рано утром. Из-за горизонта над Ледовитым океаном поднимался огромный оранжевый шар — молодое северное солнце, всего лишь две недели назад развеявшее полугодовой сумрак полярной ночи. Лучи его золотистыми косыми струями скользили над голубыми торосами океанского льда, над белой пустыней тундры, и все вокруг покрывалось розовой дымкой. Твердый, как камень, снег вспыхивал миллионами солнечных зайчиков, больно слепил глаза. Прикрываясь ладонью от яркого света, я смотрел по сторонам, старался навсегда запомнить искристую красоту третьего края земли.

Впереди с высокого скалистого берега спускалось к океану семейство белых медведей: медведица и двое маленьких медвежат. Один за другим они спрыгнули со скалы на лед и неторопливо, вразвалочку зашагали навстречу солнцу. Только эти медведи да мы двое были живыми путниками в безбрежном стылом просторе.

Рольтыргин долго шел молча, потом сказал:

— Не нравится мне, однако, солнце.

— Почему, Рольтыргин?

— Ветер будет, однако.

— Думаешь?

— Не надо думать, смотреть надо. Солнце шибко красное, на пургу, пожалуй.

Мне вспомнилась старая морская поговорка: «Солнце красно поутру — моряку не по нутру».

— Да, Рольтыргин, примета верная,— сказал я, желая показать себя не таким уж незнайкой.— Но идти можно. Быстрее пойдем, глядишь и обгоним пургу.

Он с сомнением покачал головой, но согласился.

В тот день мы успели пройти километров десять. Дальше идти стало невозможно.

Сначала ветер задул как будто не очень сильный. Но уже че-

рез полчаса разыгралась настоящая пурга. Мы шли, как против бурного потока воды. Мою козью шубу продувало насквозь. Снег набивался под полы, оседая на брюках и свитере плотной ледяной коркой. Я пытался срывать лед со свитера, но его ворсинки вмерзли в лед и словно спаялись с ним.

Потом я почувствовал, что у меня начинают замерзать ноги. В тяжелые овчинные унты, еще недавно такие теплые, будто накачивали холод.

Впереди уже ничего не было видно. Колючий снег хлестал по глазам и резал их, как крупинки битого стекла. Цепляясь за Рольтыргина, я шел почти вслепую.

— Еще маленько надо идти! — пересиливая свист ветра, прокричал он у моего уха. — Маленько дальше отдыхать можно.

Не знаю, сколько прошло времени, пока ветер вдруг немного ослаб. Пурга продолжала бушевать, но снег бил по глазам уже не так остро. Можно было осмотреться.

Мы оказались в небольшом каньоне, похожем на кратер потухшего вулкана. Как Рольтыргин нашел его, я не представляю до сих пор. В снежных вихрях не было видно даже протянутой вперед руки. Но проводник вышел точно к каньону, который для нас был спасением. Мы провели в нем шесть с половиной суток. Пилами вырезали в снегу глубокую яму, потом в одной из ее стенок таким же способом вырезали грот и там, в гроте, пережидали пургу.

Теперь я по-настоящему мог оценить запасливость Рольтыргина. Из своего громадного рюкзака, кроме нескольких увесистых кусков мороженого мяса, он извлек еще ворох очень нужных вещей. Брезент и четыре колышка — мы накрыли яму, чтобы нас не заносило снегом; мягкая оленья шкура — мы постелили ее в гроте; два сухих листовенничных чурбачка — чтобы разогреть керосин и примус.

Керосин, который я нес, замерз и превратился в белую кашицу. Налить его в примус было нельзя. Тогда Рольтыргин взял нож и настрогал с чурбачка лучинок. Поджигая одну за другой, он

подносил их пламенем ко дну бидона, и керосин вскоре растаял. Потом он так же подогрел примус.

Наверху бесновалась пурга, а мы, уютно устроившись на оленьей шкуре и спальных мешках, пили крепкий горячий чай, закусывая галетами и знаменитой северной строганиной. От большого куска мороженой оленины Рольтыргин отрубил кусок поменьше, потом, быстро работая ножом, построгал этот кусок на тонкие лепестки. Строганина была готова. Белые от мороза лепестки мяса мы посыпали солью и так ели. Непривычная для меня еда, но ничего, есть можно. А продрогшему да голодному и вовсе вкусно. Рольтыргин смотрел, с каким аппетитом я уплетал строганину, и его чуть желтоватые темные глаза лукаво улыбались.

— Знаешь, Рольтыргин, — сказал я, — а где-то на юге уже вишни цветут. Ты ел когда-нибудь свежие вишни?

Он неопределенно пожал плечами.

— Пожалуй, не знаю. Какой вишни?

— Ягоды такие, круглые и красные, как маленькие солнышки. Они на дереве растут, сочные очень.

— Пожалуй, не ел. Не знаю, однако.

— А как дерево растет, видел?

Он усмехнулся.

— На кино видел.

Вспомнив наши подмосковные леса, я вздохнул.

— Эх, Рольтыргин, ты бы послушал, как шумят деревья. Так шумит тихое море. Как далекая музыка.

До мыса Дежнева мы добрались на седьмые сутки.

Как всегда после пурги, над окружающим миром стояла звенящая тишина. Серебристое полярное небо поглубело, и не было на нем ни единого облачка. Заснеженные сопки тундры, льды в проливе между мысом Дежнева и Аляской — все сверкало в яростных потоках холодного света.

— Хорошо, — сказал Рольтыргин.

Потом мы гостили у полярников, у которых в деревянном ящике росло маленькое деревце лимона. Рольтыргин подошел

к нему и, забыв о нас, то одним ухом, то другим прислушивался к зеленому листикам. Я не сразу сообразил, что ему нужно.

— Ты что, Рольтыргин? — спрашиваю.

Он растерялся, покраснел даже. Ответил почему-то шепотом:

— Не шумит, однако...

Вспомнив свой рассказ о шумящих деревьях, я улыбнулся.

— Это же комнатное деревце, Рольтыргин. Шумят большие деревья, которые на улице растут, когда ветер листьями шевелит...

И вот спустя двенадцать лет мы встретились с ним здесь, в зеленом парке Талой. Обняв рукой ствол тополя, он засмеялся:

— Шумит, однако. Помнишь?..

Непривычно было видеть его, чукчу, в тенниске-разлетаке, с голой грудью.

— Жарко тебе здесь, Рольтыргин?

— Шибко жарко, однако хорошо, деревьев много, шума много. Кости тоже, однако, не болят.

— Ревматизм у тебя?

— Не знаю, однако. Кости болели шибко, теперь хорошо, не болят. Грязь такая здесь, кости лечит. Доктор в Уэлене сказал, ехать в Талую надо, путевку выписал. Я прилетел.

— Ну и как, нравится тебе здесь?

— Шибко нравится. Дома расскажу...

Спасибо Талой, друга повидал.

При въезде в следующий поселок на ажурной металлической конструкции слова Маяковского: «Я знаю — город будет! Я знаю — саду цвeсть!»

Здравствуй, Оротукан!

...Осень 1932 года на Колыме выдалась удивительная. То с середины сентября обычно уже метели, а тут вторая половина октября, а пока ни снежинки. Только пожелтевший лес да багряные склоны сопки подернуты серебристым инеем.

— Кухта, шибко хороша кухня, — показывая на причудливые

изразцы инея, говорит старый якут Гермоген Винокуров. Спокойный и внешне ко всему равнодушный, в душе он явно зачарован красотой колымской природы и эту свою зачарованность хочет передать двум молодым русским, которых ведет из Среднекана вдоль ручья Крохалиного на стан Оротукан. Но у русских — инженера Виктора Семеновича Вяткина и связиста Александра Васильевича Николаева — никакого восторга иней не вызывает, едва плетутся за стариком.

«Плохие, однако, ходоки, — думает, наверное, Гермоген. — Зачем в тайгу посылают таких?»

Махнул рукой, зашагал с привычной проворностью. Пусть себе плетутся; у него, Гермогена, от такой ходьбы, как у них, ноги тяжестью наливаются.

— Эй, догор! — кричит Вяткин. — Слышишь, догор! Ноги кушать просят. Чай маленько есть.

Отдыхать Гермоген совсем не расположен. Но от чая как откажешься? Пока те подошли, у него уже костерок дымится.

После, за чаем, Николаев жалуется: очень уж одиноко в тайге, Гермоген охотно соглашается:

— Твоя правильно говорит, шибко одиноко стало в тайге. Люди-то много, зверь сопсем разбегался.

Николаев загорячился.

— Ничего ты не понимаешь, Гермоген. Вот у нас в Одессе в это время живи — не хочу. Фруктов, каких душа желает, — горами. Яблоки, груши, виноград...

Гермоген обиделся, сердито оборвал связиста:

— Яблоко, груси... какой это прукт? Сопсем плохой твой прукт. У нас прукт — это прукт! Белка, сохатый, бурундук... шибко хороший прукт...

— Я тебе, Гермоген, про Фому, а ты мне — про Ерему. Какие же это фрукты — белка, сохатый? Звери они, а не фрукты.

— Симбир плохой твой прукт! — не принял веселого тона старик. Осадил хвостуна, и что с ним еще говорить? Молодые шибко, сами не знают, что языком плетут...

Так вспоминал свой первый поход в Оротукан Виктор Семенович Вяткин, назначенный тогда начальником механических мастерских, которых еще не существовало. В пойме реки Оротукан стоял в тополиной роще один только приземистый барак золоторазведчиков.

«Геолог прораб Белоглазов страшно рад приходу новых людей,— продолжает свои воспоминания Вяткин,— но старается скрыть свою радость под напускной солидностью. Он хочет казаться старым таежным волком. Курит короткую якутскую трубку, отпустил рыжеватую, правда, еще жидкую бородку и говорит баском, но это ему плохо удается: голос все время срывается. Во всех жестах и взглядах — юношеский задор и восторженность. Он строго распоряжается насчет чая, потом, не выдерживая своей роли, бежит в небольшую палатку, белеющую в кустах, и через несколько минут выходит оттуда с пожилым человеком, который, ловко вскинув на плечо ружье, направляется в лес. А прораб, смущенно улыбаясь и как бы оправдываясь, объясняет нам:

— Ужин приготовить надо, ребята поработали хорошо.

Через два часа охотник вернулся с парой глухарей и связкой куропаatok.

— Откуда это?! — удивился Николаев, поднимая с пола громадных глухарей.

— У нас свои «угодяя», — улыбнулся Белоглазов. — Вон на террасе целый глухариный ток. Всю зиму держатся глухари, мы и промышляем. Хотите? Тут совсем рядом, — предложил он любезно.

После такого пути не до охоты. Мы поблагодарили и отказались, хотя предложение было очень заманчиво.

За ужином Белоглазов рассказал об успехах разведчиков. На ключе Хищник намечается рудное месторождение, в пойме Оротукана — неплохие россыпи. На листах ватмана он изобразил будущий промышленный район. Вверху, на речной террасе, — благоустроенный рабочий поселок. На Хищнике — обогатительная

фабрика. В пойме Оротукана — разработки россылей. Кругом асфальтированные дороги, мосты...»

Молодой геолог жил в палатке, работал в глухой тайге, а мечтал о благоустроенном поселке с асфальтированными дорогами. Когда он говорил, лицо его необыкновенно оживлялось, глаза горели восторгом.

— А что бы вам хотелось сейчас? — спросил Вяткин.

Он задумался, по-детски наморщив лоб. Вопрос оказался неожиданным, и он не сразу нашелся. Потом улыбнулся:

— Как ни странно, сейчас мне позарез нужно простое передвижное горно. Замучила заправка инструмента. Мы бы значительно увеличили проходку шурфов...

Простое передвижное горно было первой потребностью колымских разведчиков золота. Но и его взять было негде. «Материк»¹ присылал машины: автомобили, тракторы, горную технику, но там, на «материке», никому, очевидно, не приходило в голову, как нуждалась зарождавшаяся золотая промышленность Колымы в простейшем: лопатах, кайлах, тачках... Не щедро шли и запасные части к машинам. «Материковским» снабженцам, привыкшим к «материковским» же стандартам, казалось, что и на Колыме автомобиль или трактор без капитального ремонта могут работать годами. Они не знали местных условий и не представляли себе, как быстро здесь изнашиваются механизмы. Сто сорок автомобилей АМО, таких надежных в Калуге или Вологде, здесь все до единого вышли из строя, не проработав и года. Они нуждались в замене поршней, поршневых колец, покрышек блока, валиков... У тракторов плавилась подшипники. Горная же техника, закупленная на колымское золото за рубежом, вообще не имела никаких

¹ Колыма — тоже на материке, но в те годы она была настолько изолированной, что колымчане чувствовали себя словно на острове. Поэтому всю остальную страну вошло в обычай называть материком, и этот обычай сохранился до сих пор, хотя белая изоляция Колымы давно ушла в прошлое.

запасных частей. Экскаваторы «Шкода» и «Дегаг» не выдерживали и одного летнего сезона.

На переписку с «материком» уходили долгие месяцы, а то и годы, но запросы колымчан полностью, как правило, не удовлетворялись. Тогда Дальстрой принял решение построить в Оротукане, который становился центром нового горнопромышленного района, свои механические мастерские, способные делать не только кайла и тачки, но и запасные части к машинам, а также горное оборудование.

Об этом периоде Виктор Семенович Вяткин пишет:

«Решение о мастерских было принято в 1932 году, но настоящему строительству началось только осенью 1935 года, когда к нам прибыли работники вновь созданного Южного горнопромышленного управления. Сам поселок к тому времени уже был построен: рубленые бараки, двухквартирные дома, магазин, склады и даже небольшой клуб. Но люди все приезжали, и рядом с поселком вырос целый ситцевый городок.

Вскоре к Оротукану подошла первая колонна тракторов.

Зима наступила рано. На реке образовалась большая наледь, которую тракторы пройти не могли. Колонна поэтому остановилась в излучине поймы на левом берегу Оротукана.

Трактористы — народ закаленный и нетребовательный. После трудного пути добротная утепленная палатка превзошла все их ожидания.

Душой тракторной колонны был старший тракторист Босалаев, высокий голубоглазый блондин. Волевой, выносливый, он делал чудеса. Любой трактор, который он вел, оживал в его руках. Он заставлял работать мотор на войлочных прокладках вместо подшипников. А когда гусеницы совершенно выходили из строя — разваливались и, казалось, трактор терял способность двигаться, Босалаев сооружал из ломиков и тросов какие-то сложные накладки, бандажи, и трактор, ко всеобщему удивлению, шел вперед.

Однажды с высокого Запятинского перевала свалился трактор и разбился. На него все махнули было рукой. Но Дмитрий Босала-

ев и Аркадий Глушко в пятидесятиградусный мороз сумели эту машину собрать, завести и своим ходом пригнать в поселок. Трактористам было незнакомо слово «невозможно». Никто не знал, когда они отдыхают. Не видели, чтобы отдыхал и Босалаев. Днем он вел трактор впереди колонны, а ночью производил ремонт, словно не чувствовал усталости. С его темного от копоти и масла лица не сходила добрая, спокойная улыбка.

Когда Босалаева спрашивали, какие у них нужды, он смущенно пожимал плечами, оглядывая на себе телогрейку без рукавов, и робко, как бы стесняясь, говорил:

— Все хорошо, вот только тряпок не хватает для факелов, все, что было, пожгли. Как бы там старья какого-нибудь подбросить.

Даже как-то вошло в привычку, что трактористы носили телогрейки без рукавов: приходилось отрывать их на факелы для разогрева моторов.

Выносливость и самоотверженность трактористов были необыкновенны.

Однажды при разогреве мотора трактора вспыхнул бензин в баке. Машина полыхала огнем и вот-вот должна была взорваться, поэтому дежурный боец, охранявший стоянку, не подпустил к ней никого. Но Аркадий Глушко все же прорвался к трактору, набросил на пылающий мотор тулуп и сам уселся на него. Когда огонь погас, он завернул пробку бака, сбросил на землю остатки тулупа, завел трактор и отогнал его от продолжавшего гореть на снегу бензина.

И это никто не называл героизмом — это была работа...

К весне получили несколько металлорежущих станков. Осваивать их тоже пришлось трактористам.

Посыпались заказы с приисков. На одном из них встали компрессоры, на другом остановились движки, на третьем отказались работать насосы...

Литье, чугун и еще раз литье... Начался так называемый «чугунный голод». А тут еще вышла из строя целая колонна

новеньких тракторов НАТИ. Головки цилиндров оказались у них со скрытыми дефектами, а запасных не было. Пока пришлют их с «материка», пройдет не меньше года. А тракторы нужны сегодня, сейчас.

Имея в своем распоряжении две двадцатилитровые тигельные печурки, нужно было отлить сорок головок цилиндров. А литье фасонное, не простое. И не должно быть ни одной раковинки, ни одной зазубринки — поршневой цилиндр!

В тех примитивных условиях, в каких находились металлисты Оротукана, задача перед ними стояла более чем сложная. Получится, нет — кто его знает. Заранее обнадеживать управление все же не рискнули. Модели и стержни делали втихомолку, под секретом. Отливку опытных образцов производили по ночам, чтобы никто не видел. Много пришлось проявить умения, изобретательности, пока наконец была найдена технология. Но прежде чем начать серийную отливку головок цилиндров, решили одну из них испытать, пустили отремонтированный трактор по самому трудному маршруту. Дмитрий Босалаев, также принимавший участие в отливке, гонял двигатель на всех режимах. Экзамен машина выдержала.

Успех с головками цилиндров определил перспективу литейного производства в Оротукане. Управление приступило к строительству чугунолитейного цеха с двумя вагранками...

В «механическом городке» определяются два самостоятельных профиля: транспортно-эксплуатационный со своей ремонтной базой и ремонтно-механический. Проблема производства чугуна полностью решена, но горная промышленность развивается с невероятной быстротой. Открыты новые управления: Западное, Тенькинское. Горные предприятия оснащаются тяжелыми маши-

¹ От немецкого «тигел» — сосуд (горшок). Первая тигельная печь была изобретена человеком пять тысяч лет назад. Потом была придумана вагранка, и только несколько столетий назад человек узнал шахтную печь — домну. Металлургия Оротукана начинала свое развитие с тигеля.

нами. Быстро развиваются и растут рудная промышленность и обогатительные фабрики. Возникает потребность в стальном литье...»

Колыма, хоть и является частью материка, свое «островное» положение тем не менее оправдывала. Сообщение только морем и только в короткие месяцы навигации. Правда, на поставки всего необходимого «материк» ко второй половине тридцатых годов уже не скупился. Пока продолжалась навигация, непрерывным потоком прибывали машины, оборудование, товары широкого потребления, продовольствие. Но «материк» не мог предусмотреть всех нужд Колымы, да и сами колымчане, составляя заявки, не всегда знали, что им завтра еще понадобится. Может, какая-то шестерня, а может, какой-то стальной болт, о необходимости которого сегодня никто и не подозревает.

С уверенностью можно было сказать только одно: продолжать развитие золотой промышленности без собственной металлургической базы Колыма не сможет. Значит, нужны уже не просто мастерские с вагранками, а мастерские, вагранки плюс мартен, то есть плюс сталь. Иными словами, Колыма нуждалась в заводе с законченным металлургическим циклом. Кроме того, этот же завод должен был заниматься горным машиностроением.

Особенно остро почувствовалась потребность в таком заводе с началом Великой Отечественной войны, когда поставки с «материка» сразу резко сократились и нельзя было ожидать, что в скором времени все изменится к лучшему.

Колымчане, однако, сознавали, что крупное сталеплавильное производство им не поднять. Ограничились поэтому выбором мартена объемом всего в две с половиной тонны. Но и такая маленькая печь далась не легко.

Едва вырыли котлован под здание мартеновского цеха, хлынули проливные осенние дожди. Речка Оротукан вздулась, вышла из берегов. Котлован полностью затопило. Пришлось откачивать

воду, осушать образовавшееся на дне котлована болото. Потом ударили пятидесятиградусные морозы. Жидкий бетон на морозе не схватывался, а просто замерзал. Нужно было сооружать тепляки: огораживать залитый бетоном участок опалубки временной постройки и круглосуточно топить в ней «буржуйки». Это было очень сложно, дорого и долго. Тогда инженеры Евгений Дмитриевич Квашнин и Федор Саввич Сидоренко предложили вместо обычной железной арматуры закладывать в бетон металлические трубы и пропускать по ним горячий пар. Сделали. Получилось. Но пришло время класть мартен, а класть его не из чего. Нужен был так называемый динасовый кирпич для свода, специальные клиновидные кирпичи для арок, магнезитовый кирпич — для вертикальных стен. Ничего этого не было.

Начали пересматривать весь кирпич, который только имелся на Колыме. И вот на одном из складов обнаружили небольшую партию шамота — огнеупорного кирпича, завезенного на Колыму неизвестно кем и для чего. Так же случайно в соседней с Оротуканом Аркагале были найдены бумажные мешки, в которых оказался магнезитовый порошок, по ошибке когда-то присланный на Колыму вместо цемента. Конечно, порошок еще не кирпич, но уже материал, который можно пустить в дело. Динасовый же кирпич взялись изготовить аркагалинцы.

Так с миру по нитке собирались материалы для будущей сталеплавильной печи. Из шамотного кирпича выложили подину, из железных трубок, набитых замешанным на смоле магнезитовым порошком, — вертикальные стены, из аркагалинского динаса — свод.

Подобная смесь самых разных материалов противоречила всем правилам металлургии. С повышением температуры печь либо сгорит, либо... Сгорели, к счастью, только железные трубки и смола, зато магнезит спекся в несокрушимый монолит. Прекрасно выдержали испытания также подина и свод.

Это была удача, пусть, может быть, случайная, но удача. И вот девятое декабря 1942 года. Ровно в двенадцать часов

дня бывший уральский сталевар Михаил Иванович Еремин, которому доверили провести первую плавку, пробил ломом летку — глиняную пробку, закрывающую отверстие в печи, — и огненный ручей хлынул в ковш...

Так из бывших механических мастерских вырос оротуканский завод горного оборудования.

Как и Палатку, я знаю Оротукан двадцать лет и так же, как Палатку, сейчас его не узнаю. Деревянных построек почти не осталось. У подножия крутой горы — идеально ровные улицы четырехэтажных белокаменных корпусов. Очень много тополей. Каждая улица — бульвар. Замечательные здания Дворца культуры, Дома быта, заводского профилактория, средней школы, детского сада. Но особенно оротуканцы гордятся своим Дворцом спорта и стадионом. На всем Северо-Востоке и даже в Магадане футбольные поля галечные, а здесь единственное поле с травяным покрытием. Оротуканцы засыпали галечник лессовым грунтом и посеяли траву. В результате получилось футбольное поле не хуже, чем в московских Лужниках. Есть чем гордиться.

Изменился и завод. Теперь это крупное многопрофильное предприятие, выпускающее продукцию более двух тысяч наименований. Буровые станки ударно-канатного бурения, землесосные агрегаты, одно- и двухтрансформаторные высоковольтные подстанции, товары народного потребления, кислород медицинский, электрические калориферы, различные поковки и штамповки, дистанционные пульта управления золотопромывающими приборами, запасные части к драгам, экскаваторам и почти всем видам бульдозеров, большой перечень изделий к гидроэлеваторным установкам, мельницам, дробилкам и многим другим видам горных машин и оборудования. И не только для Магаданской области. Продукция Оротуканского завода горного оборудования сейчас идет также в Якутию и Хабаровский край, на Кам-

чатку и Урал, в Приморье и Среднюю Азию, на Кавказ, в Архангельскую область и ряд других районов страны.

Никто и нигде не варит такую сталь, какую придумали и плавят оротуканцы. Того первого мартена давно нет. Его заменили три электродуговые печи, выплавляющие пятнадцать тысяч тонн стали в год. Это, разумеется, немного, но тут главное — качество. Если, допустим, самая распространенная сталь-45 уже при температуре 30—40 градусов мороза дает трещины, а при более низких температурах рассыпается, то сталь оротуканцев и при морозе 60 градусов не теряет ни пластичности, ни крепости.

— Секрет нашей стали в ее химической формуле,— говорит сталевар Леонид Ильич Пригоренко.— По своему составу она вдвое сложнее любой другой. Дополнительные компоненты и придают ей повышенную хладостойкость.

Невысокого роста, голубоглазый, он охотно говорит о производстве, но растерянно улыбается, когда я прошу его рассказать о себе.

— Что тут рассказывать, все гладко в биографии. Двадцать три года на Колыме живу, работаю. Бывший детдомовец, родителей почти не помню...

Ему сорок семь. Родился на Витебщине, в Белоруссии. В начале войны отец ушел на фронт и в первые же дни погиб. Мать тоже вскоре умерла. Пятилетнего Леню с его четырехлетней сестренкой Ниночкой забрали в детский дом и эвакуировали в город Чусовой Пермской области. Так там и остались. После восьмого класса пошел рабочим на буровую нефтеразведчиков. Продолжал учебу в вечерней школе, закончил 10 классов. Армия, потом Пермский горный институт. Но в институте не проучился и одного семестра — слишком маленькая была стипендия. Поступил в техническое училище при Лысьвенском металлургическом заводе, где готовили сталеваров.

В 1960 году, когда кончал училище, из Оротукана пришел запрос на шесть человек, но завод никого не отпускал. У самих кадров не хватало. Он, однако, глянул на карту и решил: «Поеду!»

Что в Лысьве сидеть, там вон какой простор. Пугали морозами, пургами, а его это только еще больше распяляло. Значит, жизнь там не медовая, не засахарилшсья.

И невесту свою Нину — тезку сестренки — сговорил. «Быстренько» поженились и давай вместе пороги директора завода обивать. Нина тоже на заводе тогда работала, в отделе технического контроля сталелитейного цеха. Говорят директору: «Не к мамке же на пироги просимся,— на Колыму! Почему не отпускаете?» Тот два месяца согласия не давал, считал, наверное, что одумаются. Да нет, не одумались. Пришлось директору просьбу удовлетворить.

Приехали. А здесь и жить негде, и заработки первое время меньше лысьвенских были. Все равно остались. Через год, когда родился Павлик, дали двухкомнатную квартиру. И вообще жизнь наладилась. Нина бухгалтером пошла работать, его из подручных сталевара перевели в сталевары. Сейчас он 800 рублей в месяц зарабатывает, жена — от 500 до 600. Павлик взрослый уже, в армии. А Маринка — она младше Павлика на десять лет — в музыкальной школе учится, пианисткой мечтает стать.

Собираются ли на «материк»? В отпуск — да, каждые два года ездят. А насовсем — нет. Привыкли в Оротукане. И дети здесь родились. Павлик в Москве служит и то по Оротукану скучает. Тут вся жизнь по-другому идет. Трудно, зато интересно...

Наша «Волга» снова на автотрассе...

Северный пейзаж замечательный. Природа расцветила Колыму щедрой палитрой красок самых разных цветов, таких сочных, что все кажется нарисованным ярчайшей темперой.

Вот сопка, покрытая бархатистым ковром ягеля. В косых лучах утреннего солнца одна ее сторона светло-зеленая, другая, куда лучи проникают сбоку,— темно-фиолетовая.

Дальше, прямо перед нами, высокая гора увенчана грудой

скал. Пологий ее склон на переднем плане светится золотом с киноварью, сбоку — искристое серебро.

Вершины редких лиственниц на сопках, купы и целые разливы розового иван-чая.

Солнце еще не поднялось до апогея, но уже жарынь.

Машина продолжает бег... Вот наконец и река Колыма. В летнюю сушь сильного впечатления здесь, у поселка Дебин, она не производит. Так, река вроде среднерусской Оки. Но по обнаженным галечным берегам и навороченным корягам видно: в половодье она совсем иная, шире во много раз...

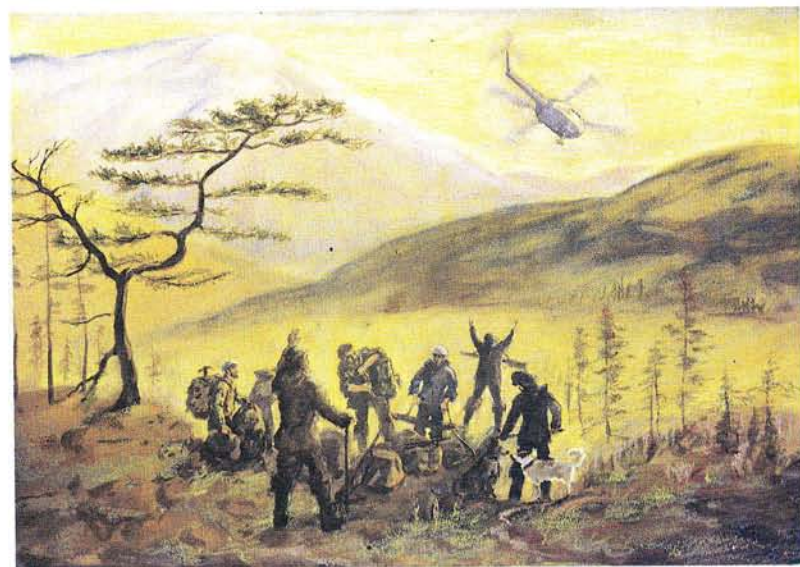
За мостом поворот влево, на Синегорье — поселок Колыма-ГЭСстроя.

С крутого перевала вид открывается чудесный. У излучины реки меж действительно синих гор многоэтажные корпуса сверкают на солнце белизной, как будто они покрыты эмалью. Другого такого красивого поселка на Колыме нет. Разве еще Талая. Но то курорт, а тут рабочий поселок. Хотя, собственно, если судить по размерам, то и не поселок, а великолепный современный город, построенный посреди тайги с большим размахом, умением и любовью.

...Не так уж далеко ушли те времена, когда об электрической лампочке на Колыме ее коренные жители понятия не имели. Впервые они увидели это чудо только в конце 1933 года — в новом таежном поселке Магадан дала ток первая на Северо-Востоке локобильная станция. Работала она на дровах, а мощность ее составляла всего 672 киловатта.

Так начиналась колымская энергетика. Потом, много позже, были построены Магаданская и Тасканская ТЭЦ, Аркагалинская ГРЭС и десятки мелких локобильных электростанций, снабжающих электроэнергией часто один лишь прииск или даже участок.

Долгое время считалось, что на Колыме с ее шестидесятиградусными морозами и вечной мерзлотой вообще нельзя строить никаких гидросооружений, а если и можно, то только на мелких

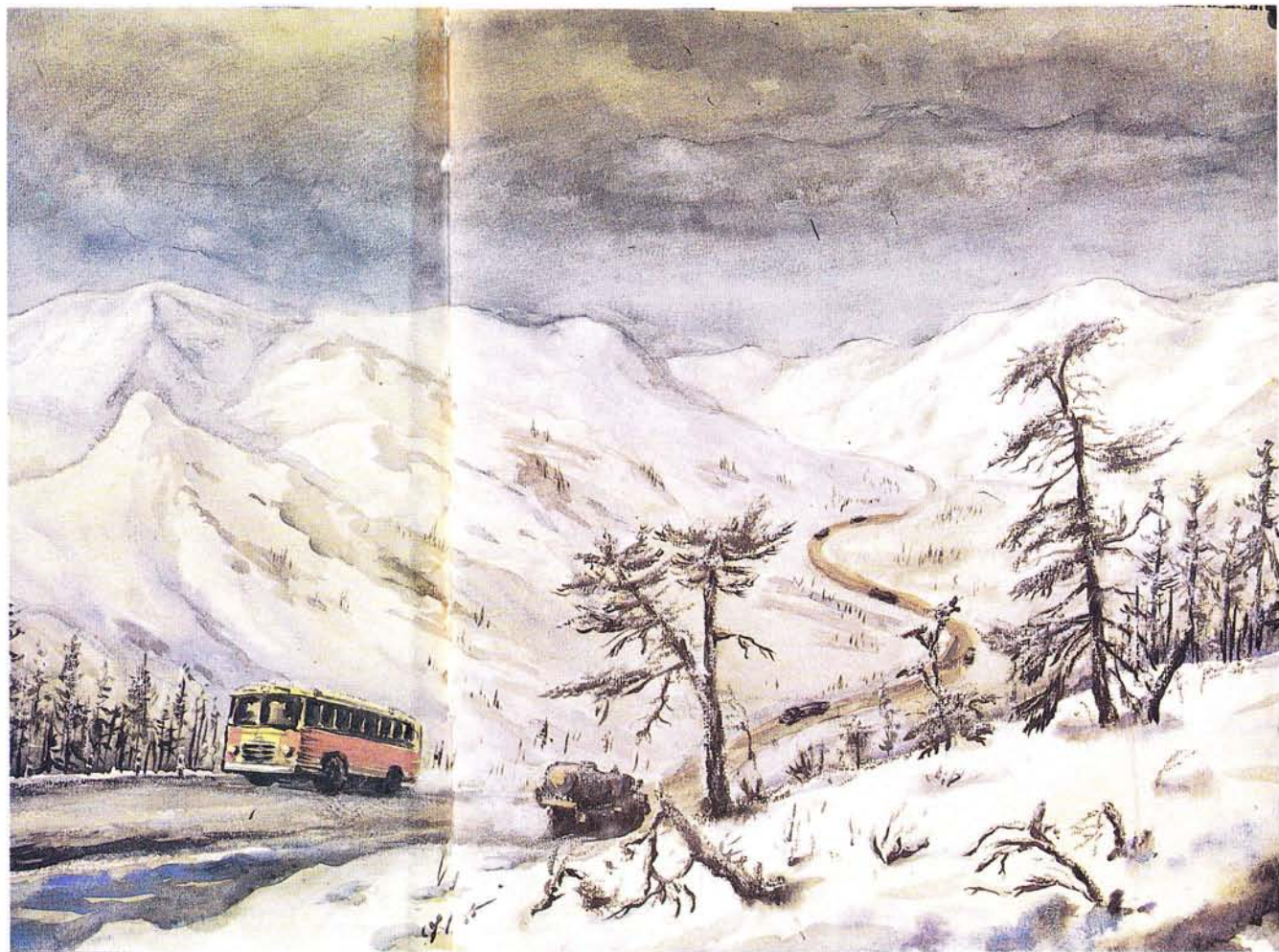
В колымской тайге высадились геологи.

Разведчики земных недр всегда в пути.

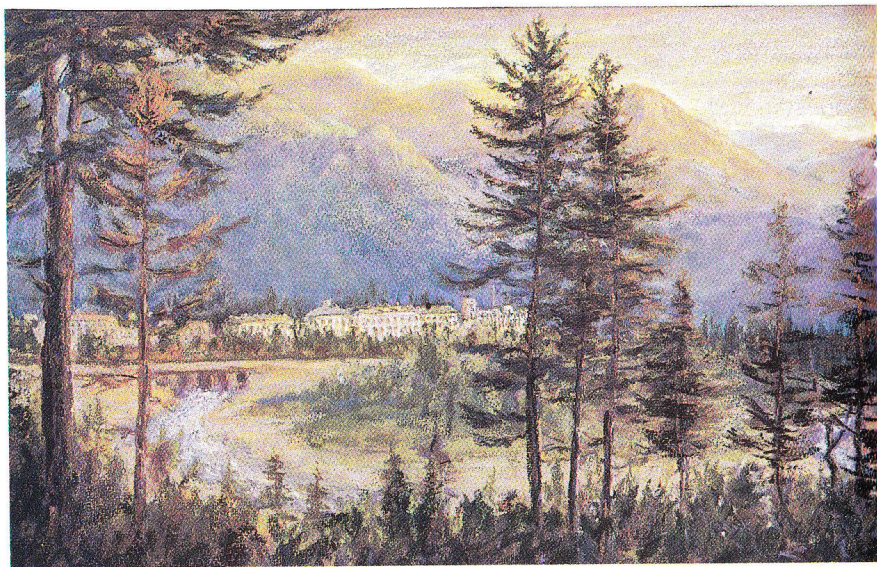

Рабочий одной из колымских геологических экспедиций Герой Социалистического Труда Михаил Григорьевич Петров.

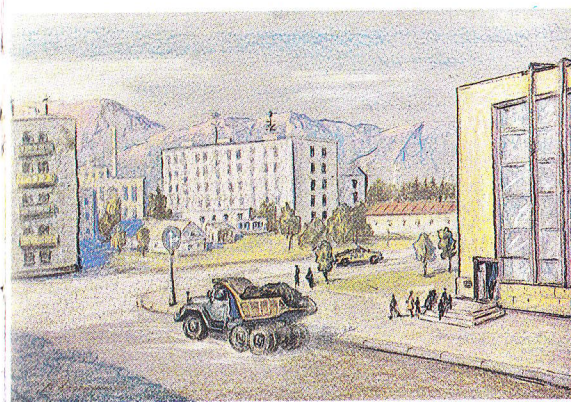
Колымская автотрасса зимой.

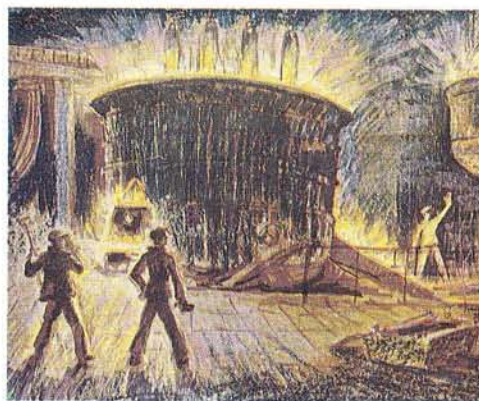
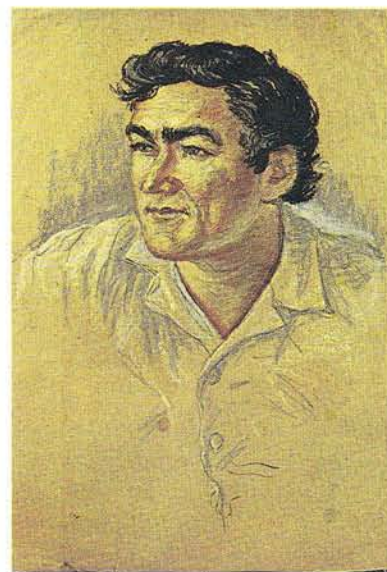
Курорт Талая.

Рядом с колымским курортом
очень красивое озеро Годубое.

Поселок Палатка.

◀ Один из самых высоких на Колыме перевалов — Кулинский. Вид с его вершины открывается замечательный.

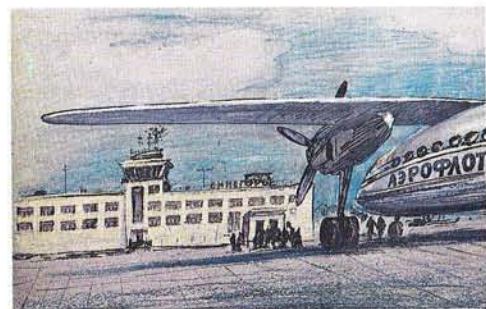
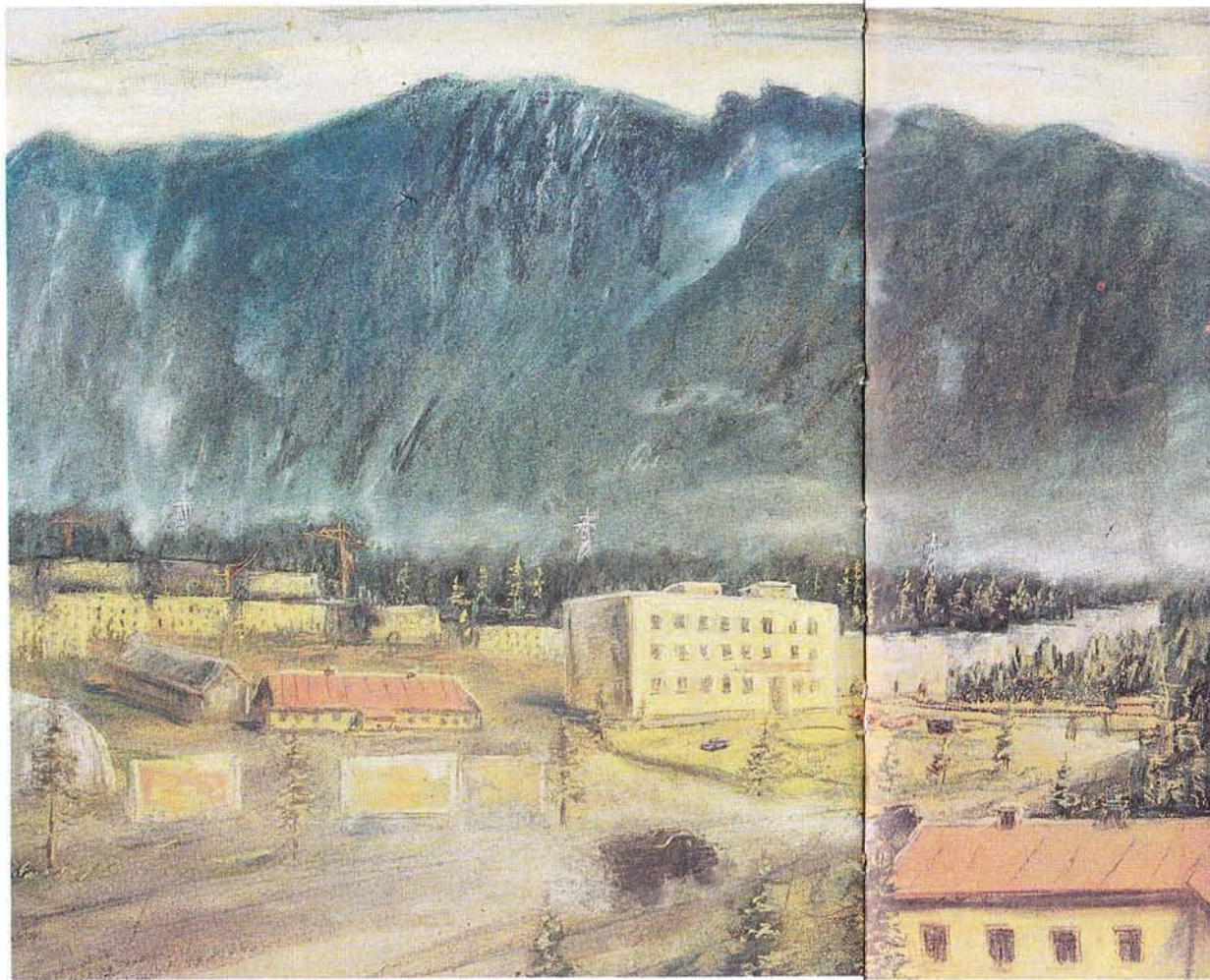

Оротукан — металлургическая база Колымы.

В сталелитейном цехе Оротуканского завода горного оборудования.

Лучшая в Оротукане станочница, бывшая белорусская партизанка Елена Ивановна Смирнова.

Директор совхоза «Красный богатырь» Рим Исхакович Матказин.

С таких построек в начале семидесятых годов начинался поселок колымских гидростроителей, превратившийся ныне в один из самых крупных и благоустроенных в Магаданской области.

Рядом с поселком гидростроителей появился новый аэропорт.

Дорога, ведущая к Колымской ГЭС, всегда поддерживается в образцовом состоянии.

Строительство плотины Кольм-
ской ГЭС.

Знаменитое колымское Синегорье.

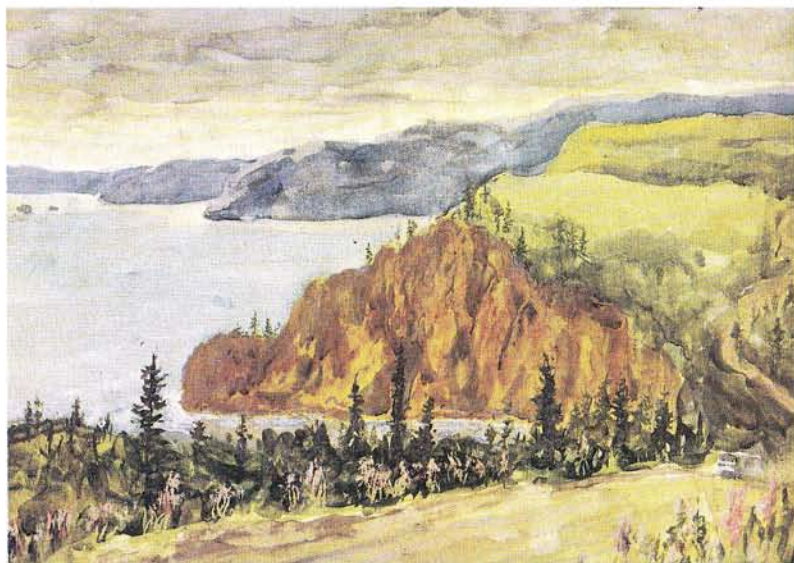

Электроэнергия Колымской ГЭС уже питает многие предприятия Магаданской области.

Ветеран освоения Колымы, заслуженный работник культуры РСФСР Федор Федорович Безбабичев.

Отделка главного корпуса ГЭС. Делегат XXVI съезда КПСС, колымский гидростроитель Светлана Юрьевна Литвиненко.

Побережье Охотского моря.

водотоках и только сезонные, на летний период. Дальстроевский инженер-гидротехник И. П. Морозов придерживался, однако, другой точки зрения. На том самом месте, где воздвигнута сейчас плотина Колымской ГЭС (1850 км от устья), в 1935 году он провел изыскания и доказывал, что здесь можно построить гидроэлектростанцию мощностью до 50 тысяч киловатт. Для того времени это была гигантская станция, но, по расчетам Морозова, она обошлась бы в 180 миллионов рублей. Поднять такое дорогое строительство Дальстрой не мог, и проект Морозова отложили. К тому же у него было много противников.

«Тов. Морозов,— писал инженер А. К. Громов, — предлагает построить на Колыма-реке ГЭС. Причем местом строительства он избрал пороги вблизи Бахапчи — самую таежную глухомань, удаленную от Нагаевского порта более чем на 500 километров, посреди болот и марей. Фантазия прямо-таки буйная! Чем Морозов будет вращать турбины своего колосса, когда зимний сток воды в Колыме упадет до одного кубометра в секунду? Накопит воды в водохранилище, создаст море? Увы, это только прожект. Слишком долго длится колымская зима, а в районе устья Бахапчи особенно долго. Безморозных дней там в среднем в году всего 70—75. Это одно. Другое касается накопления воды. Если в январе сток Колымы падает до кубометра в секунду, то летом, в паводок и дожди, он достигает гигантской цифры — 12 тысяч кубометров! Какой же должна быть плотина, чтобы сдерживать такой напор! Конечно, мы уже имеем пример Днепрогэса, но равнять Днепр и Колыму по меньшей мере неграмотно...»

В 1964 году к проекту Морозова, однако, вернулись. Снова начались изыскания, которые продолжались шесть лет. Изучая гидроресурсы реки Колымы там же, где проводил свои изыскания Морозов, специалисты, учитывая современные возможности, пришли к выводу, что ГЭС здесь можно построить мощностью не на 50 тысяч киловатт, как предлагал Морозов, а гораздо больше.

В 1970 году началось строительство. Но прежде чем взяться

за основные сооружения, как это всегда бывало, колымагэсстро-евцы еще четыре года вели подготовительные работы. Близ Магадана, в поселке Уптар, была построена перевалочная база с цехом сборного железобетона, лесозаводом, складским хозяйством, авто-предприятием. Вырос рабочий поселок в Дебине, у автотрассы на берегу Колымы, и первые кварталы Синегорья, проложено около ста километров автодорог. Причем строители отказались от всяких временок, таких, казалось бы, неизбежных.

Синегорье сразу строилось капитально. Возводились много-этажные каменные дома с канализацией и центральным отопле-нием. Для гидростроителей было введено 420 тысяч квадратных метров современного благоустроенного жилья. И одновременно создана промышленная база строительства гидроэлектростанции, общий объем зданий и цехов которой — свыше миллиона кубиче-ских метров.

Только потом приступили к работам на створе. На вечной мерзлоте, в шестидесятиградусные морозы нужно было возвести 126-метровой высоты каменно-набросную плотину, высотное здание производственно-технологического корпуса, выломать в гранитной скале 120-метровой длины грот для подземного машин-ного зала, уложить сотни тысяч кубических метров бетона и переместить миллионы кубометров грунта, смонтировать и устано-вить десятки тысяч тонн оборудования.

До сих пор подобная гидроэлектростанция не возводилась нигде, ни у нас в Советском Союзе, ни за рубежом. Нигде нет таких суровых природных условий, нигде не проводилось столько подземных выработок.

Без преувеличения можно сказать, что Колымскую ГЭС возводила вся наша страна. Более тысячи предприятий со всех уголков Союза посылали сюда свои машины, оборудование, людей.

И вот победа — ГЭС начала давать промышленный ток. Рас-сказывая о тех днях, выходящий в Магадане альманах «На Севере дальнем» писал:

«Нынешняя Колымская ГЭС — только начало. Всего таких электростанций на Колыме планируется построить три — целый каскад. И вторая из них — Усть-Среднеканская — уже начинает строиться. Возводятся первые пятиэтажные жилые дома для ра-ботников экспедиции Ленгидропроекта и гидростроителей, соору-жаются котельная, гараж, строятся дороги, подъездные пути к объектам, отсыпаются площадки под промышленную зону. А в районе совхоза «Красный богатырь» идет закладка первого на Колыме цементного завода, сдача в эксплуатацию которого намечается к моменту начала строительства Усть-Среднеканской плотины.

Десятки, сотни миллиардов киловатт-часов дешевой электро-энергии получат промышленность и сельское хозяйство Северо-Востока. Преобразится весь край...»

За Синегорьем между поселками Дебин и Ягодное еще один поворот влево — к озеру Джека Лондона, не повидать которое, будучи летом на Колыме, колымчане считают непростительным. Другой такой величественной красоты, по их мнению, на Крайнем Севере нет. Двадцать лет назад я там уже бывал и с ними, пожа-луй, согласен, хотя многие горные озера Чукотки, на мой взгляд, интересны не менее, особенно единственное в своем роде озеро Эльгыгытгын. За несколько миллионов лет до нашей эры, как предполагают ученые, оно было образовано взрывом гигантского метеорита и представляет собою заполненную водой воронку, поверхность которой покрыта никогда не тающим льдом. Тем не менее озеро полно жизни. Мне самому удалось поймать там на подсечку гольца весом в три с лишним килограмма. И это, как уверяли меня знатоки, не самый крупный. Некоторые счастли-вики ловили в Эльгыгытгыне гольцов и побольше.

Изумительные своей девственной красотой и окружающие метеоритное озеро горы — многоцветно яркие, с множеством ослепительно сверкающих на солнце остроконечных вершин. Они

кажутся сошедшими с картины художника-фантаста и воспринимаются издали мертвой пустыней, но, побродив по ним, я убедился, что нигде на Севере нет теперь столько диких оленей и гнезд орланов, не говоря уже о медведях. В горах Эльгыгытгына они встречаются чаще, чем где-либо. А разве обилие жизни и не есть суть прекрасного?

Для колымчан, однако, образцом озерной красоты и несравненного величия северной природы служит озеро Джека Лондона. Его фотографические виды — неперенное украшение в домах каждого уважающего себя патриота края.

Собственно, там не одно озеро Джека Лондона, а целая система озер, названная романтически настроенной молодежью Страной Озер Любви и Мужества. В общей сложности она занимает более десяти тысяч квадратных километров и начинается озером Пурга в скалистых угольно-черных горах, к вершинам которых, как к пушкинскому анчару, ни зверь не идет, ни птица не летит. Свои базальтовые, антрацитно блестящие пики они взметнули на высоту двух тысяч метров, полукругом окружив ими с востока Пургу, словно хищной челюстью. Один клык в челюсти выбит, и там образовался водопад, который с глухо, но мощно рычащим стоном, камнепадным грохотом и гулом низвергается вниз, образуя в свою очередь озеро Джека Лондона.

Но вот что примечательно: ниже озеро бурлит и серо пенится только там, где принимает воды с гор. Вся остальная его площадь совершенно гладкая, и цвет воды в ясный день аква-маринный. объездив весь мир, я видел еще подобную синь разве что в благословенном Эгейском море.

В центре озера Джека Лондона как будто поставлен на якорь небольшой островок. Он кажется плавучим оттого, что его листовенный наряд, отражаясь в зеркальной воде, создает иллюзию полуутонувшего перевернутого гигантского букета.

Один из углов пологого восточного берега рассечен узкой протокой — там озеро Джека Лондона сливается с озером Танцующих Хариусов, похожим своими очертаниями на кривое лезвие

турецкого ятагана. И цвет у него тоже стальной. На его глади пляшут фонтанчики «танцующих» рыб, будто на булате играют солнечные блики.

Острие необыкновенной сабли держит в клюве птица озера Серой Чайки. Дальше тают в дымке озера Разлука, Испытание, Надежда, Верность... Не знаю, кто придумал им такие названия, но, должно быть, действительно кто-то из влюбленных. Кроме озер Пурга, Джека Лондона, Танцующих Хариусов и Серой Чайки, все остальные говорят о любви. То словно взявшись за руки, то сливаясь в грохоте водопадов, они опоясали дикие громады гор огромным ожерельем.

Сейчас у озера Джека Лондона построен большой спортивный лагерь, а тогда, двадцать лет назад, на его единственном островке стояла только одинокая метеорологическая станция и не было сюда даже мало-мальски сносной дороги. Помню, мы ехали сначала каким-то заброшенным зимником, потом по кромке безымянного ледника или просто наледи. На Центральной Колыме температура в середине лета нередко поднимается выше тридцати градусов, но многие наледи, намерзшие за зиму до толщины в несколько метров, растаять все равно не успевают.

В пути нас застала дождливая, очень темная ночь. Но мы продолжали двигаться. Оставив позади ледник, «газик» карабкался на неведомую нам каменистую возвышенность. Вдруг что-то заскрежетало, машина резко накренилась и, взвывая мотором, задрожала на месте.

Причину внезапной остановки в темноте мы увидели не сразу. Только когда вылезли из «газика» и очутились чуть ли не по пояс в воде, поняли, что заехали в лужу. «Газик» налетел брюхом на каменную глыбу и плотно уселся на ней. Вращаясь, колеса лишь молотили воду.

До нитки промокшие, мы с шофером изо всех сил пытались столкнуть машину с камня, но сил наших не хватало. Нужны были бревна, а нас окружала голь: щебенистые осыпи, вода и

камни. Легко поэтому представить нашу радость, когда неожиданно раздалось в ночи:

— Эй, люди, кто будете?

— Свои, горемыки! — крикнул я в ту сторону, откуда послышался голос.

— Кто «свои»?

— К озерам едем, путешествуем.

— Что же остановились за три версты?

— Застряли. Да вы подходите, не бойтесь.

— Я не пугливый.

Слегка прихрамывая, из темноты вразвалку вышел плечистый верзила в черном комбинезоне.

— Вечер добрый, — став у края лужи и осветив нас фонариком, поздоровался он. — А я вижу, фары горят, дай, думаю, гляну, кого это к нам на машине занесло.

— Вы охотник, рыбак? — спросил я.

— Пилот вертолета. Куратов моя фамилия, Григорий Степанович. — Присев на корточки, он направил луч фонарика под колеса «газика», с улыбкой покачал мокрой чубатой головой. — Ловко вас!

— Бревен не найдем? Лес тут есть?

— Километрах в двух отсюда начинается спуск к Джеку, там сухостой хороший.

— А мы переживали, думали, заблудились.

— Все правильно, но идти за бревнами не стоит. Утром машину вертолетом подденем. А пока давайте к нам, у нас палатка, это рядом.

Так мы с ним познакомились, и я узнал его удивительную судьбу.

На вертолет он сел в тридцать семь лет. В ранней молодости, когда шла война, летал на истребителях и, очевидно, был, как говорится, везучим. Сбил двадцать девять фашистских самолетов, трижды горел сам, но... всякий раз оказывался «огнеупорным».

Перестало везти позже, уже в мирные дни. После фронтовых

полетов, полных отваги и захватывающего риска, обычная служба в авиационном полку нагоняла скуку. Сногшибательные виражи и отчаянные воздушные трюки, вызывавшие раньше всеобщий восторг, теперь назывались нарушением дисциплины. Из летчика-героя он превратился в летчика-лихача. Его имя склоняли на всех офицерских совещаниях.

Каялся, обещал исправиться, но в воздухе обо всем забывал. В конце концов от полетов его отстранили, перевели набираться ума-разума в наземную службу.

Без неба жить не мог. В свободные от службы часы занимался в аэроклубе парашютным спортом. Однажды парашют не раскрылся. Падая с трехкилометровой высоты, но при падении зацепился за дерево, и это спасло ему жизнь. Разбился, однако, здорово. За два года врачи едва собрали кости.

Жена от него ушла. Ушла с плачем. Сам прогнал. Детей у них не было, и он решил, что так будет лучше. На кой черт ей возиться с калекой?

Порвав с женой, вернулся на попечение госпитальных врачей и равнодушно ждал конца.

Конец не приходил. Как-то утром он с удивлением обнаружил, что начала работать левая рука. Потом — правая. Попытался тренировать ноги. Они тоже подчинились его воле. И тут он поймал себя на мысли, что очень хочет жить.

В день выхода из госпиталя ему исполнился тридцать один год. Он снова жил и, как голодный хочет есть, хотел работать. Но врачи вынуждали его к бездействию. С их точки зрения, всякий нормальный труд ему был противопоказан.

Товарищи советовали поступить в институт. Не согласился. Тратить пять лет на учебу, когда не уверен, протянешь ли вообще столько, слишком расточительно. Если уж взяться за что, так чтоб сразу видеть: вот оно, твое дело. Впервые он понял цену отпущенного человеку времени.

Все определилось неожиданно. К нему в Иркутск приехал из Бодайбо бывший фронтовой дружок. Он работал на золотом

прииске драгером и на все лады расхваливал свою драгу. После его отъезда Куратов начал собирать все, что ему попадалось о драгах. Увлёкся дражным строительством. У него были склонности к конструированию, сообразительность и время. К тому же из летного училища он вынес неплохую математическую подготовку.

За год проект драги вчерне был готов. В проектном институте его нашли удачным. К автору тоже отнеслись благосклонно: то ли прониклись уважением к Звезде Героя (за сбитые самолеты), то ли действительно увидели в нем толкового инженера-самоучку. Его послали на дражную верфь, разрешили руководить постройкой своей драги.

Это была махина высотой в пятиэтажный дом. Строил ее как одержимый. Не давал покоя ни себе, ни людям. Заложенная в мае на стапеля драга в октябре была спущена на воду. Случай в дражном строительстве по тем временам небывалый. Куратова поздравляла вся верфь.

В тот же день его пригласили на экстренное совещание инженерно-технических работников. Начальник верфи зачитал письмо из Главка. В письме говорилось, что в Якутии открыты алмазы, и объяснялась необходимость постройки алмазодобывающей драги. Таких драг в Советском Союзе не было. Главк просил инженеров подумать. Алмазодобывающая драга того же типа, что и золотодобывающая. Нужно лишь немного изменить оборудование.

Письмо взволновало Куратова. Он понял, что выбор должен пасть на него. Все строящиеся драги стояли на стапелях, а его детище уже покачивалось на воде. Можно было приступать к монтажу оборудования.

Реконструкция и монтаж оборудования его здорово подкосили. Изучив всю необходимую литературу по алмазному драгостроению, он выполнил задание и окончательно выдохся. Может, еще немного продержался бы, но...

Готовую драгу нужно было сплавлять по Лене и ее притоку Вилюю — путь почти в две с половиной тысячи километров.

Драга — не настоящий корабль, и провести ее на такое расстояние, тем более через бесчисленные вилюйские перекаты, пороги и мели, не так просто. Куратов надеялся, что проводку поручат человеку опытному. Драгу же приехала принимать девушка, только закончившая институт. Он, естественно, запротестовал. С дьявольским трудом построенная драга — единственное его создание. Он не мог отдать ее в пухленькие ручки девицы, пусть даже с дипломом инженера.

Но сказать об этом прямо не решился, а других доводов не нашёл. Протесты получались голословными, и с ними не посчитались. Нервы не выдержали. Слег и думал, уже не поднимется. Скоро, однако, в больницу принесли телеграмму: «Пробоина днище драги. Имеются повреждения осадочных машинах. Находимся районе вилюйского порога Улахан-Хан. Сообщите ваше мнение».

Поднялся. Врачи ужаснулись, заставили лечь опять, отобрали костыли. Ночью сбежал без костылей. В больничной пижаме под ливнем добрался до своего дома и утром вылетел на Вилюю.

Откуда взялись силы, он не знал. Видно, расставаться с этим миром не наступил срок. Прошел сквозь жестокие испытания, горел, падал с трехкилометровой высоты, и еще накануне казалось, что отжил свое, но судьба, должно быть, его смерти не хотела. Жить ему судилось трижды. Одну жизнь дала мать, другую — страсть к жизни и третью — жажда сберечь созданное жизнью.

Снова поставив на воду разбитую драгу, провел ее через все вилюйские пороги и мели к месту назначения и не покинул, пока не убедился, что больше ей не нужен. Он сделал невозможное и поверил в свою третью жизнь. Теперь он все мог, все было в его власти, даже беспощадная высь неба.

Вернувшись в Иркутск, добился приема в школу вертолетчиков, закончил ее, второй раз женился и уехал на Колыму. Стал воздушным картографом.

Мне запомнилось его лицо: резко очерченный подбородок, тонкие губы, нос с горбинкой, серые глаза под низко нависшими бровями и борозды морщин на лбу. Удивительно: на его вздох-

маченной черной голове не было тогда ни одной серебряной блестяшки.

Он показал мне карандашные наброски придуманного им летающего автомобиля. Не фантастичного, нет. К тому времени он его уже построил, осталось только испытать.

— Изобретателем хотите быть?

Иронически усмехнулся.

— Я летать люблю.— Неторопливо закурил, глубоко затянулся и, выпустив кольца дыма, сказал как давно решенное: — Геологам эту штуку отдам, им пригодится...

И вот спустя двадцать лет я снова еду на встречу с ним, Куратовым. В Магадане мне сказали, что он уже месяц живет у озера Джека Лондона, что-то рисует.

Его оранжевую палатку мы увидели сразу. Стояла она на берегу у слияния озер Джека Лондона и Танцующих Хариусов.

Подошли, поздоровались. Он варил уху и, занятый своим делом, ответил на наше приветствие только кивком головы. Меня не узнал. Да и я, заранее не зная, что это он, вряд ли бы его узнал. Погрузнел, мешки под глазами, и голова наконец совсем побелела.

— Не узнаете?

Приглядываясь, пожал плечами, нет, не признает.

— А помните, двадцать лет назад вы нашу машину с камня вертолетом снимали?

То сидел у костра на корточках, а теперь вскочил, заволновался.

— Как же, как же... Так вы, значит...

— Тот самый Александр Семенович.

— Как же, помню, отлично помню. Здравствуйте, рад вам, очень рад. Не ожидал, конечно...— И все руку мне трясет.— Уха сейчас поспеет, в самый раз прибыли, вот только ложки...— И растерянно оглянулся по сторонам.

Я засмеялся.

— Кто же путешествует по Колыме без собственных ложек?

— Ну, тогда располагайтесь, прямо из ведерка хлебать будем.

За ухой разговорились. Оказывается, он уже третий год на пенсии, живет в Иркутске, но каждое лето на месяц-полтора приезжает сюда. Придумал себе заботу, хлопочет, чтобы эту Страну Озер Любви и Мужества объявили государственным заказником.

— Видели спортивный лагерь, там вон, за тем косогором?

— Видели.

— Вот, дело хорошее, а люди не понимают, что уголок этот на Колыме уникальный. Живые деревья для костров рубят, хламу разного понабрасывали, зверье распугали. Нельзя же так. Тут все нужно сохранить в неприкосновенности, потомки нам только спасибо скажут. Я вот пейзажи зарисовываю, чтобы хоть на картинках красота эта уцелела...

— Так вы еще и художник?

Засмутился.

— Какое там, малюю просто понемногу.

Прибеднялся зря, акварели хорошие.

Я спросил, как с той летающей машиной.

— Тюменским нефтеразведчикам отдал. Там у них кругом болота, поэтому машина на воздушной подушке в самый раз...

Такие вот получились две встречи.

Машина мчится дальше. У поселка Ягодное еще один поворот вправо — к совхозу «Красный богатырь».

...В апреле 1932 года на одном из первых золотых приисков Колымы «Среднекане» от так называемой северянами «черной» цинги в три дня умерли одиннадцать человек. Это случилось так неожиданно, что среди приисковиков началась паника. Перед этим они два месяца жестоко голодали и цингой переболели многие, но тем не менее не умер никто. Потом же, когда из Нагаева пришел наконец транспорт с продовольствием, люди вроде отъ-

елись и цинга постепенно как будто сошла на нет, но затем вдруг вспыхнула с новой силой, в своем редком, но роковом варианте — «черном».

Воспаленному воображению человека, напуганного неожиданными смертями, рисовалось бог знает что. Кто-то пустил слух: продукты отравлены! Ах так, травят трудящихся?! Бей их, гадов!

Разбушевавшуюся толпу едва удалось утихомирить. Только убедившись, что приискковое начальство и даже прибывший на «Среднекан» главный врач Дальстроя Ян Янович Пуллериц хлебают то же перловое варево и едят ту же кашу из гречневых концентратов, рабочие разошлись по своим участкам.

Страсти улеглись, и работы на прииске возобновились. Но для Яна Яновича настоящие тревоги только начинались. Подлинную причину происшедшего он, доктор Пуллериц, понимал, как никто.

На «Среднекане» и других колымских приисках работали тогда в основном люди из Алдана, Бодайбо и северных районов Хабаровского края. Народ в большинстве крепкий, закаленный — таежники, переболевшие цингой не раз и не два. Справились они с ней и теперь, хотя перловка и гречневый концентрат средство против цинги слабое. Печальным подтверждением тому были одиннадцать новичков, прибывших на Колыму из Саратовской области, где о цинге слыхом не слыхивали и, следовательно, не имели против нее никакого иммунитета.

То лишь казалось, что проклятая болезнь отступила от всех. У тех, кто потом умер, временное облегчение объяснялось только тем, что они наконец утолили голод. Но человеку и в доброе время, если он недостаточно закален, ежедневно нужно 2 миллиграмма витамина С. При авитаминозе же эта норма должна увеличиваться в два, а то и в три раза.

Приготовленный специально для северян гречневый концентрат считался витаминизированным, но самого необходимого витамина он содержал слишком мало. И саратовчане, чей организм против цинги не был стойким, погибли.

Между тем рассчитывать на закаленных таежников Дальстрой

не мог. В малонаселенных районах Сибири и Дальнего Востока их можно было набербовать не более двух-трех тысяч, а рабочих рук для строительства золотой промышленности требовались десятки тысяч. Поэтому основную часть рабочей силы намечалось завозить из центральных районов страны. А это значило, что борьба с цингой становилась проблемой номер один. От того, насколько Колыма будет снабжаться свежими овощами, зависело освоение всего края. Но завозить их из сельскохозяйственных областей Союза оказалось бессмысленным. Пароходы, загруженные в Одессе картофелем и капустой, привозили в Нагаево гниль.

По инициативе доктора Пуллерица в Нагаево в спешном порядке была создана лаборатория по производству концентрата витамина С из хвои кедрового стланика. Но существенно положение это не меняло. Во-первых, кустарным способом произвести витамина в необходимых количествах лаборатория не могла, а во-вторых, его концентрат недостаток в свежих овощах все-таки не восполнял. Цинга продолжала свирепствовать.

Берзин предвидел это и из Вишеры, где до назначения в Дальстрой он возглавлял строительство целлюлозно-бумажного комбината, привез на Колыму группу агрономов, которые работали с ним на Урале и там, за 61-й параллелью, первые создали отличные огороды. Теперь этим людям предстояло поднимать мерзлотную целину в Охотско-Колымском крае.

Нельзя сказать, что земледелия на Колыме в то время не существовало вовсе. Некоторые из местных поселенцев выращивали в Ольском районе картофель, капусту, брюкву и репу. Но за двести лет колонизации Северо-Востока русскими казаками они освоили всего два гектара пашни, поделенные на крохотные огородики, уход за которыми требовал кропотливейшего труда и забот. Но труд далеко не всегда приносил желанные плоды. Обычные для Колымы среднеиюньские заморозки часто губили все посадки, даже огородики, предусмотрительно укрытые сеном. Не способствовали урожаю и кислые колымские почвы,

раскислять которые нужно известью. Но извести вблизи Олы нигде не было.

Поэтому перенять какой-то опыт у местных жителей дальстроевцы не могли. Им предстояло все начинать с нуля. Нужно было повалить сотни тысяч деревьев, выкорчевать пни и кустарники, осушить болота. Но распашка целины еще не значила, что посеянное и посаженное будет расти и плодоносить. Необходимо было найти еще особую агротехнику, вывести устойчивые к низким температурам сорта картофеля и овощей...

Борис Владимирович Гарбарец — директор Зонального научно-исследовательского института сельского хозяйства Северо-Востока в Магадане говорил мне:

— Дальстроевцы сделали главное — доказали, что колымская мерзлота может не только плодоносить, но и давать устойчивые урожаи, порой даже более обильные, чем «материковые». На полях своей опытной сельскохозяйственной станции они снимали урожай картофеля иногда до четырехсот центнеров с гектара. Сейчас таких урожаев мы получить не можем, у нас другие условия. Дальстрой освоил земель всего две с половиной тысячи гектаров. Поэтому была возможность тщательно ухаживать за каждым отдельно взятым растением. Кроме вспашки, все делалось вручную. Чтобы избежать среднеиюньских заморозков, картофель перед посадкой предварительно пророщивали в закрытых помещениях до зеленых ростков и потом сажали клубни в почву уже после заморозков. Сажали руками, чтобы не повредить отростки. У нас такой возможности нет. Теперь земель на Колыме обрабатывается более тридцати тысяч гектаров и, конечно, посадки ведутся машинами, которые, если прорастить клубни до зеленых отростков, их поломают. Все равно урожаи мы получаем неплохие, в среднем по 110—120 центнеров с гектара, а на опытных полях института снимаем и до трехсот центнеров. Но основную часть пахоты мы отводим под кормовые культуры. Сейчас в области тысячи голов крупного рогатого скота, а естественных сенокосных угодий не так много. Причем лугов, где

можно было бы косить сено машинами, вообще нет. Каждое лето на заготовку сена промышленные предприятия области выделяют шесть-семь тысяч косарей, которые косят траву по кустарникам и кочкам. А кормов, кроме концентратов, нужно вдвое больше. Потому девяносто процентов пахоты идет под кормовые культуры. Выращиваем турнепс, рапс, однолетние и многолетние травы.

Я спросил Бориса Владимировича, может ли Колыма полностью обеспечить себя мясом, молоком и овощами.

— Да,— не задумываясь, ответил он.— Такая перспектива есть. На Колыме мы имеем много целинных и пойменных земель. Теперь эти земли мы начинаем рекультивировать.

Это даст возможность увеличить поголовье скота в три-четыре раза. Кроме того, в совхозе «Тауйский» продолжается освоение целины специально под картофель. Тысяча гектаров целины там уже освоена, и еще две тысячи гектаров будет распахано.

Наша годовая потребность в картофеле — пятьдесят-шестьдесят тысяч тонн. А выращиваем мы у себя пока гораздо меньше, остальное завозим. Но через пять-десять лет картофель и капусту мы будем завозить только на Чукотку. Колыма же полностью обеспечит себя сама. Пуск всех пяти агрегатов Колымской ГЭС и строительство новых гидроэлектростанций на Колыме позволит также значительно расширить тепличное хозяйство. Недавно в чукотском поселке Валькумей мы провели интересный эксперимент. В содружестве с Ленинградским агрофизическим институтом в теплицах, где выращиваются томаты, были смонтированы специальные светоустановки, которые облучали растения по шестнадцать часов в сутки. При этом полный цикл от посадки до созревания томатов, включая сюда и время, затраченное на сбор урожая, занял всего восемьдесят дней. Получили по двадцать — двадцать три килограмма помидоров с каждого квадратного метра, то есть почти в три раза больше и быстрее, чем при обычном освещении. Таким образом, если

сейчас мы получаем в наших теплицах по одному урожаю в год, то сможем получать три и втрое богаче. Расчеты ленинградцев показывают, что при надлежащем уходе за растениями урожайность томатов может достигнуть даже семидесяти килограммов с квадратного метра. Нужно только достаточно тепла и света, что для нас в скором времени не составит никакой проблемы. Мы будем иметь электроэнергию колымских ГЭС. Словом, перспективы развития сельского хозяйства Колымы весьма благоприятны...

С таким же оптимизмом рассказывал мне о своем хозяйстве и директор совхоза «Красный богатырь» Рим Исхакович Матказин:

— Мы занимаемся,— сказал он,— производством молока, мяса и капусты, а также овощей закрытого грунта, то есть помидоров и огурцов. У нас тысяча сто гектаров пашни, две тысячи голов скота и восемнадцать тысяч квадратных метров теплиц. Урожай капусты снимаем в среднем по пятьсот центнеров с гектара... Планы на будущее? Наша Тасканская долина позволяет расширить посевные площади еще на две тысячи гектаров и соответственно увеличить поголовье скота. Работаем в этом направлении...

Совхоз, как и полагается такому хозяйству, живет трудовыми заботами. Сеет, растит, убирает, строит. У людей современное благоустроенное жилье, отличные заработки, есть где с удовольствием провести досуг.

— У нас в совхозе скучать некогда,— говорит доярка Екатерина Васильевна Макарова.— Много работы, других дел. Я, например, депутат поселкового Совета, заместитель партгруппорга — все время чем-то занята.

Ей тридцать три года. Небольшого роста, тоненькая, русококая, в очках. Родилась и выросла здесь, в Мылге. Родители приехали на Колыму из Башкирии еще до войны. С пятнадцати лет пошла на ферму работать дояркой и с тех пор не изменяет избранной профессии. Награждена орденом «Знак Почета», двумя медалями.

Растит троих детей. Семья дружная, работающая. Муж Николай Андреевич работает в совхозе плотником, дети в школе учатся. Старшая дочь Марина мечтает поступить в Благовещенский сельскохозяйственный институт, младшие пока не определились, маленькие еще...

Таких семей, как у Макаровой, в «Красном богатыре» много. Люди приехали кто откуда, но большинство уже чувствуют себя колымчанами...

Наше путешествие по Золотому кольцу Колымы подходит к концу, и теперь пришло время сказать о колымской золотой промышленности.

Помню, в 1960 году я впервые ехал знакомиться с золотыми приисками Сусуманского района. Не доезжая до Сусумана, на шестисотом километре трассы, наш «газик», кативший до сих пор с завидной легкостью, вдруг сломался. Вечерело. Моросил дождь. Попытки «вылечить» мотор успехом не увенчались. Обескураженные, мы стояли с шофером на дороге и уныло смотрели друг на друга. По нерушимому колымскому закону возле нас остановились все проезжающие машины.

— Что у вас, братки? — выглядывали из кабин водители автопоездов.

Мой Петр им что-то объяснял, они сочувственно выслушивали и включали скорость. Нам мог помочь только такой же, как у нас, «газик».

Дождь перешел в ливень, серый полумрак — в черную темень. Из бездонной тьмы в глаза били мощные фары автопоездов, а «газик» не появлялся. Уставшие, замерзшие и голодные, мы потеряли всякую надежду.

— Ладно, я побуду тут, а вы поезжайте на автопоезде в Сусуман, может, там «газик» найдется,— сказал Петро, выстукивая зубами чечетку.

Я прытко выскочил из машины и — бывает же на свете чуде-

са! — возле нас затормозил «газик». И не-просто спаситель. В нем оказался один из тех, кого я непременно хотел повидать в Сусуманском районе — конструктор и наладчик автоматизированных промывающих золото установок Виктор Васильевич Иванов, здоровенный, почти двухметрового роста детина, с крупным, мужественным лицом.

После войны он работал на Колыме забойщиком и заочно учился в Магаданском политехническом техникуме. Учился жадно, в год сдавал экзамены за три-четыре семестра. Диплом защитил с отличием. Сразу назначили на должность главного инженера прииска.

Было лестно, но скоро разочаровался — одна суета.

Поступил в Иркутский политехнический институт на факультет горной электромеханики, опять заочно. Стал конструктором, впервые в Советском Союзе применил автоматику на добыче золота. Не сам, конечно, помогли инженеры — Прошин, Устюменко, Хволес, но идея — его.

Остаток пути до Сусумана и дальше до прииска «Мальдяк», где была смонтирована первая автоматизированная золотопромывающая установка, мы ехали вместе.

Когда приехали, уже утром, Иванов, показывая установку, объяснял мне идею автоматизации колымской золотой промышленности:

— Мы живем в двадцатом веке, штурмуем космос. Старатель с лотком и кайлом в наше время — анахронизм. Скоро таким же анахронизмом будет и вся существующая до сих пор механизация. Такую неавтоматизированную установку недавно обслуживали сто человек, а сейчас ею управляет один оператор и промывает песков в два раза больше. Все делают приборы: контролируют подачу воды и песков, автоматически устраняют неполадки, даже взвешивают количество промытой породы. Хотите, продемонстрирую самостранение неполадок?

Он подошел к трубопроводу и закрыл подачу воды. На главном щите управления что-то щелкнуло. В ту же минуту скруббер

и транспортер остановились. Прошло не более тридцати секунд, и на щите снова раздался щелчок. Закрытый клапан трубопровода медленно поднялся, и установка опять заработала.

Виктор Васильевич выводил из строя то один, то другой узел установки, и всякий раз все налаживалось, как по щучьему велению. Конструктор довольно потирал большие, сильные руки.

— Мы избрали себе место на стыке горной техники и радиоэлектроники, внедряем в свою промышленность то, что достигнуто в смежных областях науки. Со временем установки вообще будут работать без присутствия человека. Управление всеми приборами перейдет к бульдозеристу, который подталкивает пески к бункеру транспортера. Между ним и центральной диспетчерской прииска установим коротковолновую радиосвязь, и тогда все наше производство будет выглядеть примерно так: большой зал, посредине зала — стол диспетчера, у стенок — полукруг радиопультов. Каждый пульт связан с отдельным участком прииска...

Вот где-то в тайге, непосредственно на месте добычи золота, какая-то машина или прибор вышел из строя. На щите тотчас зажигается сигнал тревоги. Диспетчер снимает трубку радиотелефона и слышит голос бульдозериста-оператора, объясняющего характер поломки. Спустя минуты туда выезжает дежурная ремонтная бригада...

Заметив мою невольную усмешку, Виктор Васильевич нахмурился.

— Я не фантазирую, перед вами действующие автоматы. Это уже половина задуманного. Чего мы, собственно, добиваемся? В первую очередь это облегчение труда, затем — повышение производительности. Нас к этому обязывает время. Мы не имеем права тащиться на телеге, когда все ведущие области промышленности работают на реактивных скоростях. Двадцатый век, он и на Колыме!

И продолжал:

— Вторая сторона нашей идеи: автоматика требует квалифицированных кадров. Чтобы управлять ею, рабочему нужно учиться,

и большинство нашей молодежи занимается в вечерней школе или заочном техникуме. Многие поступают и в институт. Человек воспитывается всесторонне. Обратите внимание, кто обслуживает эту установку. Инженер Тарасова. Прошу познакомиться.— Громко позвал: — Валентина Федоровна!

— Иду! — откликнулся за электробудкой тоненький голосок, и появилась рыженькая девчушка в теплом клетчатом платке, брезентовой куртке и резиновых сапогах. На вид ей было не больше семнадцати: наивные детские глазенки, курносый нос, нежные губы. С улыбкой подошла к нам, забыв поздороваться, протянула Виктору Васильевичу желтый самородок.

— Гляньте, наверно, граммов семьсот! Я стояла на скруббере, смотрю, что-то желтеет за будкой, а это самородок. Сколько ходила там и не видела...

Иванов взвесил золото на ладони, похвалил Валю и бросил самородок на ленту транспортера. Лента двигалась быстро, и он тут же затерялся в плывущей по ней породе.

— Зачем вы это, Виктор Васильевич?! — спросил я так, словно стал соучастником преступления.

Ответила Валя:

— А мы всегда так делаем! — И торжествующе засмеялась: — Все равно наш, никуда не денется...

Тут я увидел, что суровое лицо Виктора Васильевича может быть добродушным и даже веселым.

— Знаете,— сказал он, улыбнувшись Вале,— в пятьдесят четвертом году на подземке со мной работал один бывший старатель. В общем мужик ничего, но до того был помешан на золоте, что трепетал перед каждой блесткой. Однажды мы нашли кусок пирита, килограмма на два, и решили подбросить его в вагонетку Константиныча — так звали этого старателя. Пирит окраской похож на золото, и хоть человек он опытный, но с налету не разобрался. Как увидел, глаза выкатил и несется по забою: «Ой, бр-ратцы! Ой, бр-ратцы! Л-лежит... лежит там!» Посмеялись мы тогда... Так вот, шутку сыграли, а точно подменили старика. После этого он нашел

еще самородков десятка два. Сначала убедится, что это действительно самородок, потом идет в контору прииска и гордо вручает самому директору. Спрашиваем: «Чего же раньше ты боялся их?» — «Да она ж,— говорит,— такая зараза, непременно искус возьмет». — «Ну, теперь не берет?» — «Отшибло...»

Немноголюдье — пожалуй, самая примечательная особенность современной золотой промышленности Колымы. В тайге, на огромном пространстве,— драга, которую обслуживают пять человек, и шагающий экскаватор, который управляется двумя человеками, либо промывочная установка и несколько бульдозеров. Даже теряешься: о чем рассказывать? Золото, а никаких страстей. То есть страсти, как везде, есть, но они совсем не те, которые хотя бы отдаленно напоминали что-то похожее на власть золота над человеком. Страсти чисто производственные.

Как раз в то время, когда я был на Колыме, золотодобытчики повсюду горячо обсуждали опубликованную в «Магаданской правде» статью «Долг чести» — о принципиальности своего коллеги с рудника имени Матросова Ильи Васильевича Чудайкина.

Коль жила этим в те дни вся золотая Колыма, я тоже заинтересовался.

Лет десять назад на руднике имени Матросова случилось нечто небывалое: бригадир проходчиков и секретарь партийной организации участка Илья Чудайкин на заседании парткома, обсуждавшем вопрос о представлении группы передовиков производства, в том числе и самого Чудайкина, к различным наградам, попросил отвести свою кандидатуру.

О выступлении Чудайкина скоро узнал весь рудник. Людей удивило не только то, что он отвел свою кандидатуру, но главное, что вместо себя предложил внести в список представленных к наградам Михаила Андреевца — бригадира с соседнего участка, чья бригада во всех отношениях проигрывала. Последние полтора года она, правда, работала хорошо, план добычи перевыполняла,

но от бригады Чудайкина все же отставала по всем показателям. И тем не менее члены парткома после долгих, как рассказывали, дебатов с Чудайкиным согласились. Андреевца к ордену представили.

Случай сам по себе, естественно, необычный. Ведь в этой ситуации мало из великодушия или по каким-то иным мотивам вместо себя предложить другого. Чтобы с тобой согласились, нужно убедительно доказать, что другой не только достоин награды, а более достоин, чем ты. И вряд ли здесь возможно быть неискренним. Всякая рисовка людям видна, как бы ты ни старался ее подать.

Удивляло, однако, не столько это, как то, что кандидатуру Андреевца предложил именно Чудайкин...

На руднике Матросова Илья Васильевич появился за четыре с половиной года до того события. Приехал сюда без предварительного трудового соглашения, официального вызова. Так сказать, на свой страх и риск. Но приняли его охотно — шахтер с десятилетним стажем. Работал на шахтах Донбасса и полярного острова Шпицберген, руководил бригадами забойщиков, имеет среднее образование, член партии, дважды избирался секретарем партийной организации. И лет немного — двадцать девять. Словом, судя по анкетным данным, мужик подходящий, перспективный.

Для начала его направили в проходческую бригаду Андреевца, хотя тот против новых людей с высокими разрядами возражал: «Зачем они мне, «аристократы»? Своих хватает». Действительно, все десять основных членов его бригады имели высшие, шестые, разряды, давно работали вместе, сжились, и одиннадцатый, тем более сразу равноправный «чужак», им был ни к чему. Чтобы уломать строптивного бригадира, тогдашний директор рудника пошел на хитрость: сказал, что посылает к нему Чудайкина будто бы на проверку. Посмотри, мол, Александрович, на что этот парень способен, потом сообща решим, как с ним дальше быть. Тем и умаслил Андреевца. Но поскольку раньше Чудайкин был угольщиком и на

руде не работал, разряд по настоянию Андреевца ему все-таки «скостили». Чудайкин не противился.

Тон на подземных выработках рудника в то время задавал бригадир Леонид Константинович Афиндулиди. Авторитет его во всех производственных делах, включая зачастую и подбор кадров, считался непрекормаемым. Что скажет Афиндулиди, то свято. При планировании работ в забоях одной его недовольной grimасы было достаточно, чтобы в правильности своего распоряжения усомнился любой инженер. Заслуженный ветеран, звезда первой величины, не дай бог в газету напишет! Любил Константинович пописывать.

Затем по установившейся иерархии почитались бригадиры Юрий Никанорович Зайчиков, Борис Степанович Лебенко и Михаил Александрович Андреев. Все они вышли из-под крыла Афиндулиди, им были выпестованы и поставлены руководителями бригад — школ передового опыта, за успехами и порядком в которых он ревностно следил. Поэтому спорить с его подшефными никто не смел, порой даже директор.

Вопреки ожиданиям Чудайкин Андреевцу приглянулся, а значит, пришелся по душе и Афиндулиди. При всей своей непримиримости толковых и добросовестных трудяг оба они распознавать и ценить умели. Уже через месяц по совету Афиндулиди Андреев восстановил Чудайкину его шестой разряд и сделал Илью Васильевича как бы своим заместителем. Можно было работать и жить неплохо. Ответственность невелика, а заработки побольше директорских. И уважение. Сам Афиндулиди обласкал!

Через полгода, однако, Чудайкин выступил на профсоюзном собрании с заявлением, которое всех буквально ошеломило.

— Товарищи,— сказал он.— Я понимаю, что мне пока еще вроде рано критически говорить о нашей работе. Но в горном деле я все же не новичок, в прошлом был угольщиком, и мне подолгу приходилось работать не в одном горняцком коллективе, а истина, как мы знаем, познается в сравнении. Потому я и хочу сказать о том, что, на мой взгляд, вредит и производству, и нормальным взаимоотношениям между людьми.

— Ого, смельчак! — невольно вырвалось у кого-то в зале. Но Чудайкин не смутился, продолжал спокойно.

— Сначала меня поразило, а потом заставило задуматься вот что: на подземных выработках рудника заняты десятки бригад, но почему-то только четыре из них — Афиндулиди, Зайчикова, Лебенко и Андреевца, — если верить ежемесячным сводкам, практически опережают всех, хотя условия, казалось бы, везде одинаковы. К примеру, рядом два совершенно сходных в геологическом отношении забоя. В одном работаем мы, то есть бригада Андреевца, в другом — бригада Киселева. У них восемнадцать человек, у нас в основном штате — одиннадцать и три ученика или, вернее, стажера. У них, как и должно быть в нормальной бригаде, разряды у людей разные, у нас в основном штате, как в школе передового опыта, — все шестого разряда. Ясно, что бригаде мастеров полагается работать более производительнее. Но у Киселева на четыре человека больше и это, думалось бы, по количеству выданной нагору руды нас должно если не совсем уравнивать, то где-то сближать. Однако руды из месяца в месяц мы добываем больше, а по остальным показателям впереди киселевцев иногда в полтора-два раза. Вполне логично возникает вопрос: почему?

Илья Васильевич говорил долго, но в зале не слышно было ни шороха. Мало кто на руднике выступал с такой откровенностью и в то же время глубоким знанием дела.

Картина вырисовывалась не из радужных.

Трудно сказать, кто «изобрел» особые привилегии для четырех бригад, ставших на руднике лучшими, но такие привилегии были. Как известно, главная задача бригад — школ передового опыта — передавать свои методы труда другим. Поэтому оправдано, что в основных их составах люди с высокими разрядами. Объяснимо и то, что месячные планы им устанавливаются по количеству штатных работников без учета высшей квалификации. Ведь они должны обучать стажеров и потому не могут всю смену работать с полной нагрузкой.

Иначе обстояло дело в четырех передовых бригадах рудника.

С одной стороны, они считались школами передового опыта и пользовались всеми их правами, а с другой — таковыми, в сущности, не являлись. Так называемые ученики или стажеры находились в них не полтора-два месяца, как положено, а два-три года и в действительности были подсобными рабочими, которых другие бригады не имели. Но план на них не давался, и, следовательно, месячные задания этим бригадам систематически занижались. Если у Киселева все вспомогательные работы выполняли члены бригады, то у Андреевца этим занимались «нештатные» подсобники.

Далее. Допустим, у Киселева забой завален рудой, люди сидят, ждут вагонеток. От Андреевца электропоезд с рудой только что отправлен, забой пуст. Однако следующий состав вагонеток подавался тем не менее не Киселеву, а опять же Андреевцу, хотя там в ожидании очередной погрузки бесполезно простаивал. Зато вагонетки всегда наготове.

Понятно, что в такой обстановке нормальных отношений между бригадами быть не могло. Но люди молчали. Никто не хотел связываться с Афиндулиди и его «подшефными». Потому, наверное, выступление Чудайкина на собрании и произвело столь сильное впечатление. Люди напряженно следили из зала за Афиндулиди, ждали, что скажет он.

Тот сидел в президиуме багровый от гнева. Не подозревал Леонид Константинович, что обласканный им Чудайкин проявит такую прыть.

— А что, товарищи, — грузно взобравшись на трибуну, сказал он, — Чудайкин, я полагаю, прав, ей-богу! Грешно, понимаете, настолько держать честного человека в бригаде, где кругом ему кажется одно надувательство. Оно, конечно, многое может казаться, а все ж нехорошо, когда товарища совесть загрызает, хотя бы и по причине собственного заблуждения. Чуткость мы обязаны проявить. Вот я и вношу предложение: назначить дорогого товарища Чудайкина бригадиром вместо Киселева, который, как вы знаете, с нашего рудника увольняется. Там, глядишь, глаза протрет, яснее

на дела посмотрит. Лично я в таком разе вызову товарища Чудайкина на соревнование...

Афиндулиди, вероятно, ничуть не сомневался, что соперничать с ним на руднике не отважится никто. Да и вряд ли предлагал назначить Илью Васильевича бригадиром всерьез. Скорее для смеха. Но, к великому его изумлению, кандидатуру Чудайкина в бригаиры собрание дружно и вполне доброжелательно поддержало. Сам Чудайкин, как он позже признался, такого поворота не ожидал, но отступить было поздно.

Через год после того памятного собрания Леонид Константинович Афиндулиди с рудника имени Матросова ушел. Покинул Колыму насовсем. Ведь столько лет удерживал, казалось, неоспоримое первенство, привык к почестям, славе и вот... Даже не на втором, не на третьем, аж на пятом месте оказался! Впереди Чудайкин, за ним Зайчиков, Лебеденко, Андреевец и только потом он, Афиндулиди...

Вскоре из четырех некогда знаменитых бригадиров на руднике остался один Андреевец. Долго его видели понурым, молчаливым. Потом он как-то появился в парткоме, просил дать другую бригаду, из отстающих. Просьбу его удовлетворили.

Спустя год новая бригада Андреевца заняла уже третье место и метила еще выше. Многие тогда с любопытством ждали, как поведет себя дальше Чудайкин. С тех пор как он выступил на профсоюзном собрании, некоторые считали их с Андреевцем чуть ли не врагами. Но вот состоялось то знаменательное заседание парткома. Взволнованно выступал на нем Илья Васильевич:

— Здесь говорят, что роль бескорыстного человека мне не к лицу. Выходит, я предлагаю вместо себя представить к награде Андреевца, чтобы покрасоваться. Бить себя в грудь не собираюсь и не буду утверждать, будто вдруг воспылал к Андреевцу такой симпатией. Тут дело в другом. Самая трудная и достойная победа — это победа над самим собой. Разве не ее одержал Михаил Александрович? Ну, формально в соревновании наша бригада первая. Но ведь новая бригада Андреевца, еще недавно одна

из самых отстающих, сегодня тоже впереди многих. Наконец, Михаил Александрович ветеран рудника, а я на Колыме только пятый год. Отсюда вывод: по сумме слагаемых награду заслужил именно Андреевец...

Утомившись длинной речью, Чудайкин вздохнул, помолчал, потом добавил, словно извиняясь:

— А что касается меня, то я надеюсь свою награду еще заслужить.

Как вы уже знаете, все члены парткома с ним согласились. ...На руднике имени Матросова я провел с Ильей Васильевичем много часов. Бывал с ним в рудничных штольнях, в его гостеприимном, богатом книгами доме, подолгу говорил о нем с его товарищами, друзьями.

— Чудайкин? — улыбается непривычно юный для главного инженера рудника Виктор Григорьевич Петрусь. — Интересный мужик...

— В каком смысле?

— Да в каком! Дело как свои пять знает и на людей здорово влияет. Таким, как Афиндулиди, тяжеленько с ним. Вот пример. Поставили Илью Васильевича контрольным бурильщиком. Ну, что это значит? Норма выработки у бурильщиков, как известно, определяется погонными метрами скважин. А количество этих метров зависит от твердости пород. Мягче порода — больше норма, и наоборот. По категории породы, словом. Работа контрольного бурильщика — эталон для нормировщика. А люди есть люди, с заработком тут связано. Деликатная, можно сказать, обязанность у контрольного бурильщика. Не всякий на себя примет. Но у Чудайкина раз надо, стало быть, надо... Да, а перед этим случай был такой.

На обогатительной фабрике у нас вышел из строя электродвигатель мельницы. Нужно было вытащить из него и после ремонта снова поставить на место десятитонный ротор. Но подступиться к этому ротору с мостовым краном никак невозможно. С одной стороны, сама мельница мешает, у которой только диаметр бараба-

на больше трех с половиной метров, — не перепрыгнешь, а с другой — каретка крана упиралась в трубопровод, который никуда не сдвинешь. Наши ремонтники и так и сяк вертелись — не получается у ребят. Кинули клич: кто сможет? Посыпались предложения. Сначала от «леваков», проще говоря — рвачей со стороны. Потом и свои нашлись такого же сорта. Сделаем, мол, но нам за это — наряд как за месяц работы. На всю бригаду! Золотым должен стать ротор при таком наряде. И незаконно ведь, деньги государственные. К тому же как сделают — кто их знает. Никаких гарантий!

Короче говоря, мельница две недели ничего не молотла. А это не фунт дыму — машина, в которой одних стальных шаров семьдесят тысяч килограммов!

И вот тут как раз вернулся из отпуска Чудайкин — на родину он отдыхать ездил, в Мордовию, мордвин по национальности Илья Васильевич. А он у нас — вы уже слышали, наверное, — все умеет, не только проходчик экстра-класса. Ну, Всеволод Степанович — это директор наш, Войтович, — спрашивает: «Сможешь?» — «Посмотреть, — говорит, — надо». Посмотрел, подобрал ребят — я не помню точно, кто с ним тогда был. Соколов, кажется, и Сапьян с Улановым, крепкие ребята, грамотные, — и весь ремонт начали и закончили за четыре часа! Отлично сработали, просто на удивление. И, ясно, за нормальный наряд. Никто еще у нас любителям длинного рубля авторитет их дутый так не подрывал.

Вот после этой истории и поставили Чудайкина контрольным бурильщиком. Ну, это надо было посмотреть! Один подходит к нормировщику, мнется, другой... Что такое, в чем дело? Ага, Чудайкин на контроле! Этот мягкую булку за черствый каравай не выдаст.

— И как, в обиде, видимо, кое-кто на Илью Васильевича остался? — спросил я своего собеседника.

— В том-то и штука, что нет! — горячо возразил Виктор Григорьевич. — Все же знают, Чудайкин — честнейший трудяга, умелец настоящий и трудяга! Когда через несколько лет

после Андреевца ему вручали орден Трудового Красного Знамени, весь рудник за него радовался, это точно, без преувеличений. Люди-то не забыли, как он с тем, первым, орденом поступил.

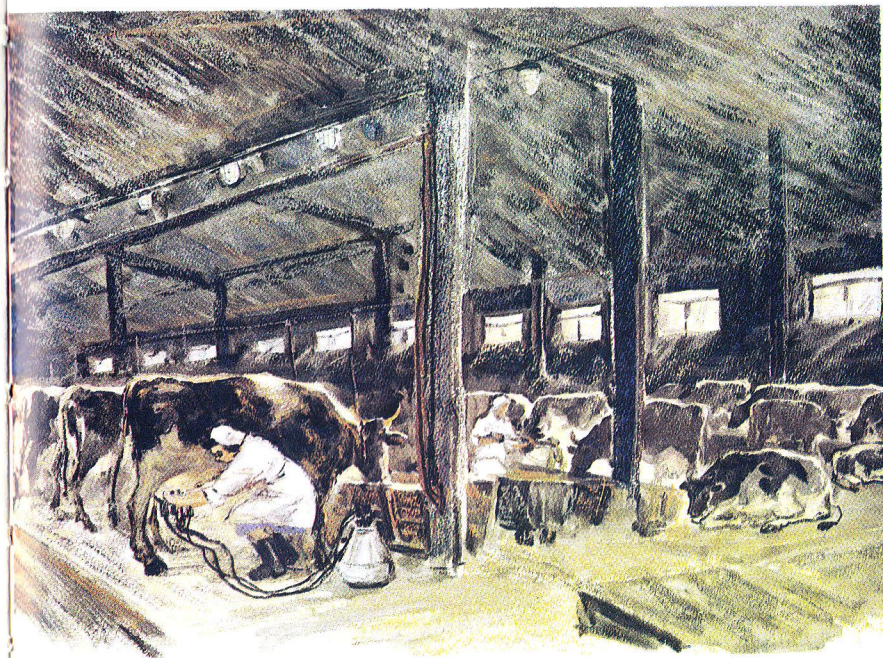
Слушаешь и невольно забываешь, что ты находишься не на каком-то руднике вообще, а на руднике золотом. Ведь такое могло случиться где угодно, на любом производстве, но здесь-то — золото. Его же, «желтого дьявола», для этих людей словно не существует. Каждый сознает, конечно, что добывает он драгоценный металл, но лично для него он лишь металл, не более. Поэтому и страсти на золоте вокруг проблемы, которая собственно золотом, его извечной властью над человеком и не пахнет. Потому я и решил рассказать об этом случае, хотя внешне он вроде и не очень занимательный. Я напрасно потерял бы время, стараясь найти здесь страсти непременно с привкусом золота. И в конечном бы счете солгал.

Что собой представляет сам рудник?

Поросшие мелкой лиственницей и кедровым стлаником сопки. Где-то там, в их недрах, — штольни. Время от времени оттуда выкатываются вагонетки с зеленовато-серой рудой. По эстакаде они бегут на так называемый рудный двор, где автоматически опрокидываются — руда высыпается в установленный на опорах огромный бункер, из-под которого один за другим выезжают тяжелые грузовики — везут руду на обогажительную фабрику. Со стороны внешне она ничем не отличается от обыкновенного предприятия заводского типа. Промышленные корпуса, трубы. Возле фабрики и рудника на взгорках одно- и двухэтажные домики — в основном рабочих рудника. В самом центре поселка — маленький крытый базарчик. На прилавках огурцы, помидоры, много всякой зелени и цветов. Помидоры и огурцы покупают не очень, но цветы идут ходко. Свою теплицу в поселке имеет почти каждая семья, поэтому овощей вдоволь, а вот такие роскошные гладиолусы умеют выращивать не все, да и гвоздики с астрами... Потому на прилавках они и не застаиваются.

Животноводство — крупная
отрасль северного сельского
хозяйства.

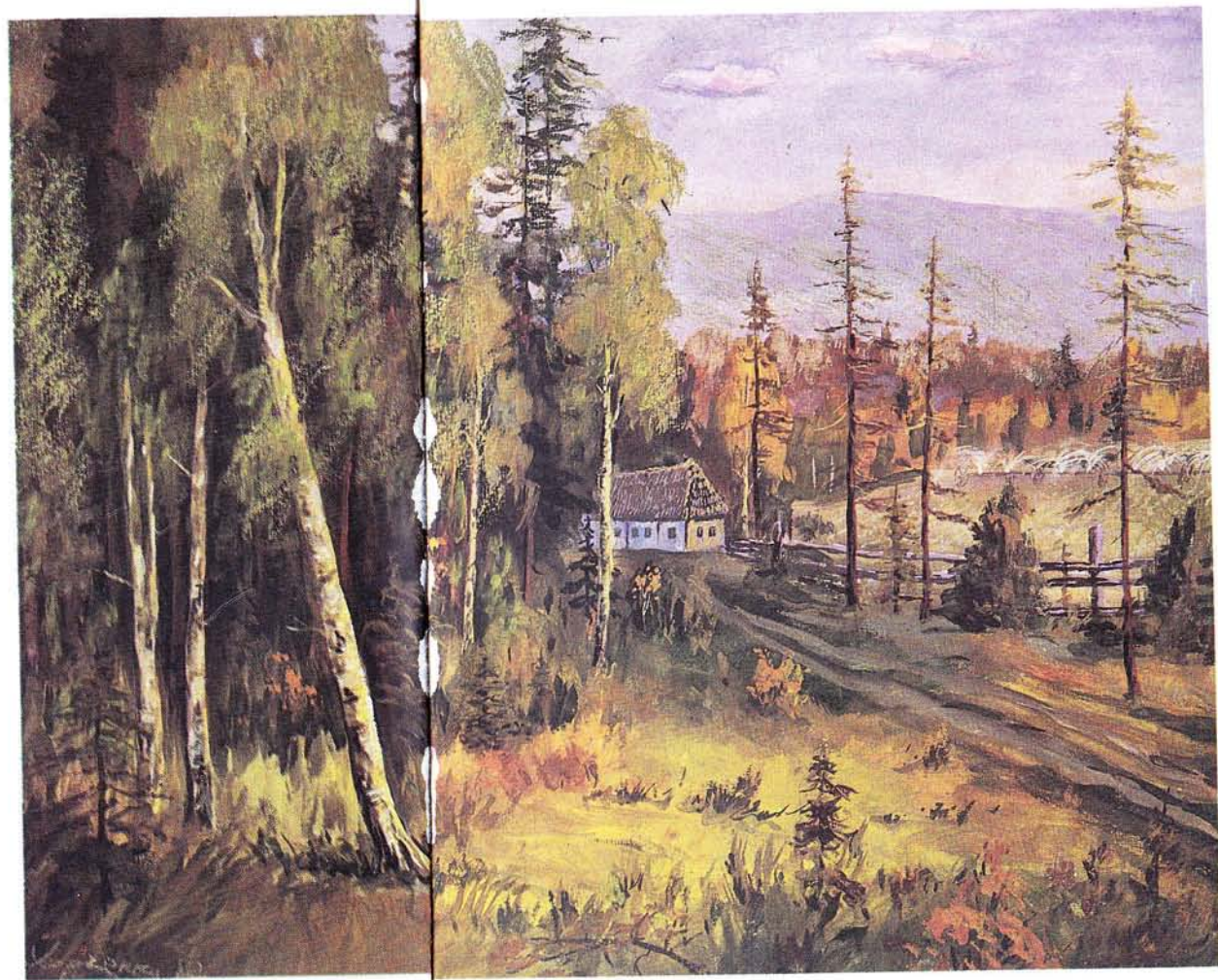

В коровнике совхоза «Талая»
идет дойка.

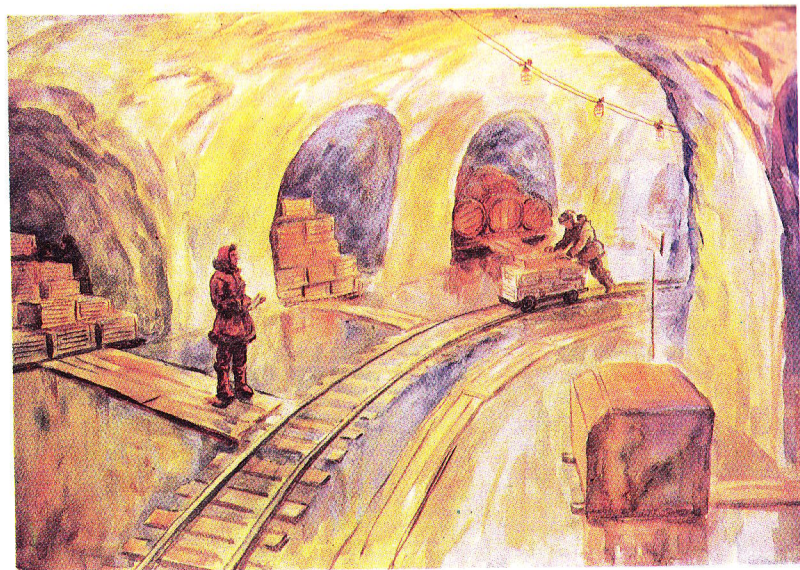
Директор Зонального НИИ сельского хозяйства Северо-Востока Борис Владимирович Гарбарев — горячий энтузиаст освоения мерзлотной целины.

Чудесный уголок природы на реке Таскан.

Это не благоденный Крым. Такие урожаи винограда собирают в теплицах колымского совхоза «Энергетик».

После подземной выработки золотоносных пород остаются идеальные хранилища для скоропортящихся продуктов.

Горнорабочий рудника имени Матросова Илья Васильевич Чудайкин.

Главный инженер прииска «Курчатовский» Николай Прокофьевич Ксерофонтов — первый эвен, который пошел работать в золотодобывающую промышленность Колымы.

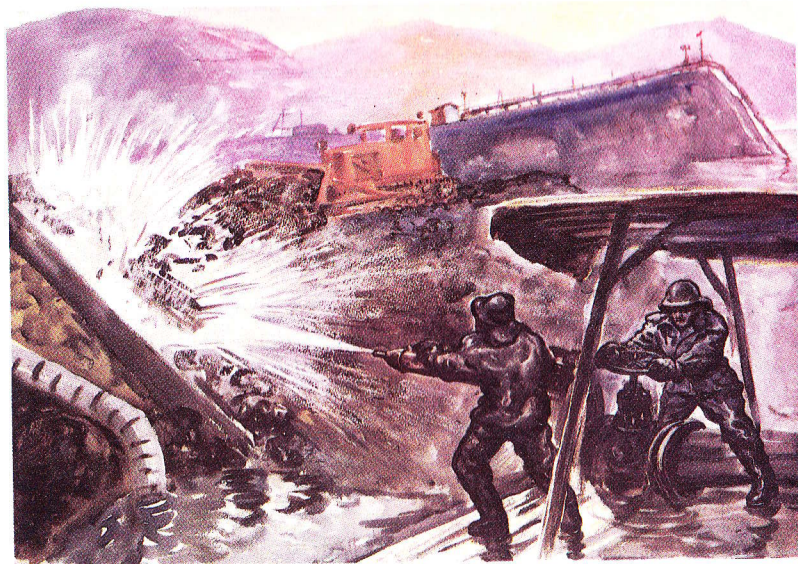

Карамкенский горно-обогатительный комбинат — одно из самых известных предприятий Магаданской области.

А рудник имени Матросова — на Колыме старейший.

Драга и шагающий экскаватор — характерная особенность современных золотых приисков.

Кроме дражной золотодобычи, на колымских золотых приисках широко применяется гидравлика.

Геннадий Тихонович Гагарин
— первый секретарь Тень-
кинского райкома КПСС.

Буря при закате солнца — редкое
явление в колымской природе,
создающее впечатление огромного
пожарища.

В летнее время, когда школьники в пионерских лагерях, а малыши — на детсадовских дачах, и базар и поселок оживают только в белые вечера. Сначала длинными вереницами от рудника и фабрики идут люди в робах. Прошли, и снова на час-полтора тишина. Потом на улицах появляются стайки нарядных девушек, парни. У Дома культуры зазывной музыкой начинает греметь репродуктор. Кино, или танцы, либо вечер художественной самодеятельности. Нередки и гости из профессиональных театров: магаданцы, приморцы и даже москвичи...

Милиции нет. Но ни пьяных гульбищ, ни похабщины. Люди отдыхают после трудового дня. Песни, музыка, смех... Не зная заранее, никогда не подумаешь, что эти люди — золотодобытчики.

В размеренных буднях приисков случаются и события, которые отмечает вся местная пресса. Одно из таких событий произошло при мне. На прииске «Курчатовский» драгу № 188 за 18 дней перенесли на 14 километров!

Для непосвященного: эка невидаль — 14 километров!

Для посвященного: как сумели?!

Драга — корабль, если можно так выразиться, для лужи, способный за сутки себя и вместе с собой «лужу» передвинуть метров на 40. А тут в сутки получается около 800 метров, почти километр! Потому и «как сумели?».

Корабль «для лужи» постепенно сам себе роет канал шириной 25 метров и глубиной 3 метра, куда приходит вода из «лужи», а значит, и он с ней, корабль.

Так было всегда. А здесь впереди драги «шлепал» шестикубовый шагающий экскаватор...

— А дело-то проще пареной репы, додуматься только нужно было да как-то состыковать их, экскаватор и драгу, — говорит главный инженер прииска Николай Прокофьевич Ксерофонтов, первый советский звен, ставший горным инженером.

Рассказывая о себе, застенчиво улыбается:

— Отец мой ни одной буковки не знал, и мать — тоже. Зимой

они оба охотой занимались, а летом — рыбалкой. Так и жили. Пятро нас у них было, две девки и три парня. Всех, можно сказать, государство воспитало, в интернате мы жили и учились. Потом сестра Авдотья — она старшая у нас — стала звероводом, младшая, Анна, закончила лесотехнический техникум, средний брат Прокофий — механик речного флота, младший, Роман, после десятилетки пошел на курсы механизаторов, а я вот закончил технологический факультет Якутского государственного университета, который год золотишничая. Словом, все выучились и все — заботами государства. Покойный отец наш, правда, в учение охотно нас отдавал, хоть и сильно скучал в доме без детей... — Вдруг, засмеявшись, отмахнулся: — А, что говорить о себе! Вот с перегоном драги у нас, и верно, здорово получилось, этим похвастать не грех...

Когда в 1939 году Магадан объявили городом, американская газета «Нью-Йорк таймс» отозвалась на это событие статьей на целую полосу. Жирный заголовок извещал: «Россия строит мертвый город. Магадан ждет участь Доусона».

В главе «Град белокаменный» о канадском городе Доусоне я уже немного рассказывал. Когда там кончилось золото, кончилась и жизнь Доусона. Такую же судьбу американцы предсказали и нашему Магадану. Жизнь, однако, подтвердила, что заокеанские прогнозы не оправдались. Но, уже прощаясь с Кольмой, я все же решил поговорить на эту тему с генеральным директором объединения «Севвостокгеология» Олегом Хаджумаровичем Цопановым.

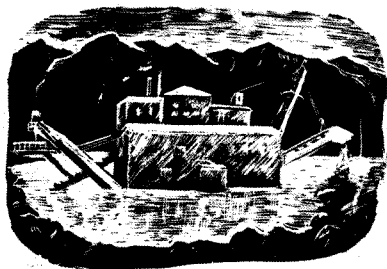
Выслушав меня, он улыбнулся.

— Значит, говорите, мертвый город?

— Не я говорю, американцы так предсказывали.

— Ну, им простительно. Они нас просто не понимают. По их понятиям, кончается золото — кончается жизнь. Но вы-то знаете, что Магадан построен не ради одного лишь золота. Сейчас мы работаем над реализацией долгосрочной программы комплексного развития Магаданской области, направляющей нас на преоб-

разование всей горнодобывающей промышленности Северо-Востока. Наша область — регион с ярко выраженной специализацией экономики на добыче цветных и редких металлов. Изменяются лишь объекты добычи: рассыпные месторождения постепенно уступают место коренным, то есть рудным. Площадь Магаданской области — один миллион двести тысяч квадратных километров. Детально изучить и, как мы говорим, опосковать такую огромную территорию не просто вообще, а тем более для региона, где на каждого человека приходится почти два с половиной квадратных километра, где вездеходу и вертолету до сих пор отдается предпочтение перед любыми другими видами транспорта. Поэтому у нас по-прежнему работают многочисленные поисковые геологические партии. Кроме золота, на территории Магаданской области есть запасы иных ископаемых. Нашли даже нефть и газ. Так что Магадан бездеятельным не останется. Перспективы у нас замечательные... Билибин назвал Колыму звездой грядущего. Так оно и есть. Здесь все только начинается...

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
АРГОНАВТЫ ИЗ ГЕОЛКОМА	9
ГРАД БЕЛОКАМЕННЫЙ	93
ЗОЛОТОЕ КОЛЬЦО	151

Александр Семенович Иванченко

ЗЕМЛЯ ПЯТИ СОЛНЦ

Редактор

С. Г. БЕРЛИН

Художественный редактор

Л. Е. БЕЗРУЧЕНКОВ

Технический редактор

Л. А. ФИРсова

Корректор

Т. А. ЛЕБЕДЕВА

Иванченко А. С.

И23 Земля пяти солнц.— М.: Сов. Россия, 1985.—
256 с., ил.

Новая книга писателя Александра Иванченко «Земля пяти солнц» интересна для широких кругов читателей. Это увлекательный, эмоциональный и яркий рассказ о прошлом и настоящем Колымы, ее замечательных людях, хорошо дополненный красочными рисунками Владимира Харченко, которые художник сделал непосредственно в поездках по Колыме, с натуры.

И 47⁰2010200—004 139—85
М-105(03)55

9(С...)